

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

**№ 1 (21)
2010**

Сургут
Издательство СурГУ
2010

Издание зарегистрировано в Западно-Сибирском межрегиональном территориальном управлении Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (г. Тюмень).
Свидетельство ПИ № 17-0414 от 15 апреля 2002 г.

Выходит два раза в год.

Учредитель и издатель

Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Редакционный совет

Т.В. Волдина, Н.Л. Западнова, А.К. Карпов, В.М. Куриков,
С.М. Косенок (*председатель*),
Н.Я. Стрельцова, Я.С. Черняк, Л.А. Чистова

Редакционная коллегия

И.П. Грехова, Т.Ю. Денисова, М.Ю. Мартынов,
В.В. Мархинин (*главный редактор*), В.А. Острейковский,
В.Д. Повзун, В.И. Полищук, А.И. Прищепа, В.В. Стариков
О.И. Усминский, В.Н. Шевченко

Адрес редакции

А.А. Хадынской, СурГУ («Северный регион»),
ул. Энергетиков, 8,
г. Сургут Тюменской обл.,
628412

☎ 8-902-817-05-37

E-mail: sev_region@mail.ru

nreg@surgu.ru

www.surgu.ru/sev_reg.htm

Департамент образования и науки
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Сургутский государственный университет ХМАО

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
Издается с 2000 г.

2010

№ 1 (21)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....6

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

М.Ю. Мартынов

К вопросу о фальсификациях истории второй мировой войны.....7

О.И. Усминский

Люфтваффе» 22-го июня: успехи, не приведшие к победе.....10

А.С. Иванов

Калмыки на территории Омской и Тюменской областей в годы войны (1941-1945 гг.):
труд на поселении.....19

Д.В. Кирилюк

Общеобразовательная школа Ханты-Мансийского национального округа во время
Великой Отечественной войны.....27

И.М. Куликова

«Поэт, возвращенный тобой»: о поэтах и писателях Югры и Ямала в годы войны.....35

Е.А. Максимов

Фронтная песня Великой Отечественной войны как исторический источник.....40

Л.В. Кокшаров

Детство, опаленное войной.....46

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

О.Ю. Левченко

Иностранные языки в программах женских учебных заведений Забайкалья
(вторая половина XIX – начало XX вв.).....48

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В.Д. Пузанов
Служилые люди города Тобольска.....55

Я.Г. Солодкин
О некоторых спорных вопросах «Ермакова взятия» Сибири
(источниковедческие аспекты).....69

И.В. Жадинец
Некоторые аспекты методологии устойчивого развития.....75

Т.Ю. Денисова
Искусство в системе массовых коммуникаций.....83

Е.В. Вариясова
Рекламный текст и культурные ценности.....92

В.В. Артамонова, И.М. Куликова
Онтология этноса в романах Е. Айпина и А. Иванова:
опыт интертекстуального прочтения.....97

М.В. Крапивина
Кемеровский миф: хроника Драмомании-2
(по итогам гуманитарного семинара).....107

URBI ET ORBI

В.В. Мархинин (ст.)
К справедливому обществу.....117

В.В. Корнеев
Детектив с Демокритом.....130

А.А. Хадынская
«Балаганчик» А. Блока в творческой интерпретации Г. Иванова.....148

ИНТЕРВЬЮ

З. Прилепин
«Мы – периферийная держава, подъедающая остатки советского прошлого»
(беседовала М. Мархинина).....153

Т.В. Вымекаева

«Главное—любить людей...» (беседовала Я. Сергеева).....156

ВЕСТИ ИЗ ЛАБОРАТОРИЙ

И.В. Осокина

Проблемы психологического здоровья студентов
с позиции психолога-консультанта.....160

Искусство дизайна как форма организации психологического пространства.....178

В.А. Меренков

Феноменология родительской оценки ребенка с детским церебральным параличом
по произвольно заданным характеристикам.....181

ПЕРЕВОДЫ

Дж. Б. Шоу

Переход к демократическому социализму (перевод В.В. Мархинина (мл.)).....189

СООБЩЕНИЯ

Вести с выставок

И.А. Федотова

Выставки Музея Истории СурГУ.....196

А.А. Хадынская

Выставка Шибяевой Л.В.199

Наши авторы.....202

От редакции

Дорогие друзья!

Очередной номер журнала открывается публикациями, посвященными 65-летию Великой Победы. Материалы наших коллег высвечивают новые грани военной истории, а мемуары живого свидетеля, ребенка войны, ветерана труда Л.В. Кокшарова приближают к нам те далекие события.

Вас ожидает премьера рубрики – «Интервью». Это встречи с интересными людьми, записанные в жанре беседы. Мы считаем, что определенная доля публицистичности и злободневности не помешает нашему изданию, читателей же призываем откликнуться и выразить свое отношение к освещенным проблемам.

Традиционная рубрика «Вести из лабораторий» в этом выпуске тоже необычна: мы предоставили слово психологам-консультантам. В своих статьях они рассказывают о сложных психологических проблемах и путях их решения, а также предлагают помощь всем желающим.

Рубрика «Вести с выставок» познакомит читателей с некоторыми экспозициями весны 2010 года, организованными Музеем истории СурГУ и Научной библиотекой. Вам интересно будет узнать о русской старине и экспонатах военного времени, рассказ же о выставке Л.В. Шibaевой, думается, удивит многих, так как повествует о необычном хобби профессора психологии.

Традиционные рубрики «Социальные и культурные процессы» и «Urbi et orbi» наполнены интересными материалами наших постоянных авторов Т.Ю. Денисовой, В.Д. Пузанова, В.В. Корнеева, В.В. Мархинина (ст.), а также ряда новых авторов. Заслуживает внимания статья московской журналистки М. Крапивиной о нерядовом культурном событии, произошедшем в г. Кемерово – «Драмомании».

Рубрика «Проблемы образования» представлена статьей О. Левченко по истории педагогики: автор знакомит нас с редкими архивными данными о женских гимназиях Забайкалья.

Читателей также ждет вторая часть перевода статьи Б. Шоу «Переход к демократическому социализму», сделанная нашим коллегой В.В. Мархининым (мл.).

Мы заинтересованы в сотрудничестве, материалы принимаются редакцией постоянно по адресу: Сургут, ул. Энергетиков, 8, СурГУ, офис 121, редакция журнала «Северный регион», или по электронным адресам: sev_region@mail.ru и nreg@surgu.ru. На последней странице журнала вы можете ознакомиться с требованиями по оформлению статей, убедительно просим их придерживаться. Редакция вправе отклонять материалы без объяснения причин. Гонорары журнал не выплачивает, но каждый автор имеет право на три экземпляра со своей статьей.

С уважением,
редакция журнала «Северный регион: наука, образование, культура»

К 65-ОЙ ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

М.Ю. Мартынов

К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война в историческом сознании населения России играет совершенно особую роль. Это единственное событие новейшей отечественной истории, по поводу оценки которого существует общенациональный консенсус, а значит, это одна из немногих оставшихся на сегодня возможностей осознания национальной идентичности. Основу подобной национально-государственной идентификации населения, существенно различающегося по социально-экономическим, национальным, конфессиональным признакам, может составлять только представление об общей героической истории. Причем героической не только в силу спасения собственной Родины от чужеземного нашествия, но и, что еще более важно для чувства национальной гордости, спасение от порабощения народов других стран.

Однако мы сегодня живем в мире, где идет ожесточенная идеологическая борьба, где победа принадлежит тому, кто сумеет навязать общественному сознанию выгодный собственный положительный образ и уничижительный образ оппонентов. И хотя сражения виртуальные, идеологические, плоды побед вполне материальные: экономические и политические.

Естественно, что трактовка второй мировой войны – самого великого события Новейшего времени – оказалась в центре идеологической борьбы. Интерпретация причин, хода, результатов войны стала, фактически, третьим – идеологическим – фронтом второй мировой, спустя много лет после ее окончания. И, к сожалению, Россия эту войну проигрывает. В общественном мнении поставлена под сомнение миссия освобождения Красной Армией других народов. Вполне официальной версией истории в западных странах стало представление, что ввод Красной Армии на территорию Восточной Европы привел лишь к замене одной оккупации – гитлеровской, на другую – советскую. Но, помимо ущерба образу страны на международной арене, гораздо тяжелее последствия этой фальсификации для собственного национального самосознания – дегероизация самой важной страницы истории выбивает его краеугольный камень. Бессмысленно сетовать на бессознательную фальсификацию истории западными политиками и СМИ, важнее понять собственные ошибки, совершенные за два последних десятилетия в идеологической работе.

Такой ошибкой было допущение, что историю можно разделить на «хорошую» и «плохую», на «белые страницы» и «черные пятна». Таким «черным пятном» был назван период сталинского режима. Но трудно предположить, что преступный режим, устроивший геноцид против собственного народа, способен принести свободу другим. Этот аргумент, выдвигаемый сегодня на Западе для дискредитации роли СССР во второй мировой войне, опровергнуть непросто.

Вообще говоря, сталинский режим не является чем-то особенным в отечественной истории, аналогичные репрессивные периоды существовали и ранее. Более того, и в ис-

тории зарубежных стран мы без труда найдем эпохи репрессий, вроде «огораживаний», массовых истреблений аборигенов в эпоху колониальных захватов, бомбардировок союзниками гражданского населения Германии, уничтожение Хиросимы и Нагасаки и т.д. Но только мы сумели сделать эпизод репрессий стержнем и смыслом отечественной истории. В сознании населения этот период стал самым известным, а в сознании молодежи, подчас, единственно известным эпизодом истории, «закрывающим» и девальвирующим все другие. Мы сами создали идеологическое оружие против самих себя.

Изображение прошлого в максимально черном цвете позволяет сегодняшнему российскому политическому классу на этом фоне несколько лучше выглядеть в настоящем, позволяет списывать сегодняшние проблемы на тяжелое наследие социализма, позволяет легитимизировать приватизацию бывшей государственной собственности и т.д. Но в угоду тактическим и партикулярным интересам, в итоге, приносятся в жертву интересы стратегические и общенациональные.

Было бы заблуждением считать, что идеологические атаки Запада на роль СССР и России во второй мировой войне появились сегодня. Фальсификация истории стала идеологическим оружием западных политиков и СМИ сразу после ее окончания. Но на всем протяжении существования СССР этим фальсификациям давался полноценный отпор.

Идеологическая работа не может вообще быть оборонительной по определению, она должна носить только наступательный, опережающий характер. Лишь угроза адекватного ответа не позволяет идеологическому агрессору вольготно чувствовать себя в информационном поле. Однако нынешняя контридеологическая работа свелась к оправданиям и защите от обвинений в оккупации стран Восточной Европы, заключения пакта Молотова-Риббентропа и пр. В результате, мы позволили объединить единой смысловой связью Гитлера и Сталина, Германию и СССР в качестве агрессоров, в равной мере несущих ответственность за развязывание войны.

Наивно предполагать, что писатели вроде В.Суворова развивают эту идею без заказа западных идеологических служб. Столь же ошибочно считать, что простое разоблачение фальсификаций в подобных сочинениях даст какой-либо ощутимый эффект. Гораздо продуктивнее сосредоточить внимание на действительных причинах войны, а этого не сделать без описания сущности фашизма и истории его возникновения.

Западная точка зрения старается представить фашизм как явление для европейской цивилизации случайное, и это даже позволяет по второстепенным внешним признакам сделать его тождественным с политическим режимом СССР.

Между тем, фашизм являлся порождением западной цивилизации, оказавшейся неспособной другим способом решить внутренние противоречия. К началу XX века европейский пролетариат сумел достичь высокого уровня политической организованности и завоевать многочисленные социальные гарантии. Зато на обочине жизни оказались непролетарские слои населения – бюргеры, мелкая буржуазия, ремесленники, интеллигенция – тогдашний «средний класс». Именно он, недовольный своим положением, составил социальную основу фашизма. Ну а его творцом явилась крупная европейская буржуазия, боявшаяся, что рабочий класс, завоевав власть парламентскими методами, осуществит социалистические преобразования, предпочтя альтернативу установления репрессивных режимов. Очевидным доказательством естественных и закономерных истоков фашизма в западной цивилизации является приход к власти фашистских диктаторских режимов в 1930-х гг. не только в Германии или Италии, но и практически во всех европейских государствах.

Другой болезненной темой для Запада является роль Англии и Франции в подталкивании Германии к агрессии. И здесь налицо успех западных пиар-технологий. Сегодня пакт Молотова-Риббентропа, на самом деле носивший оборонительный и вынужденный характер, «раскручен» как сговор с Гитлером. В то же время, Мюнхенский договор, действительно открывший Германии дорогу к войне, старательно замалчивается. И вновь мы встречаемся с неуместной «скромностью» сегодняшней российской идеологической информационной работы, вызванной, видимо, опасением обидеть европейский истеблишмент.

В результате отсутствия должной идеологической работы, вызванной партикулярными интересами элиты, происходит девальвация оценки Победы народа в Великой Отечественной войне, являющейся важнейшим элементом государственно-национальной идентификации.

О.И. Усминский

**«ЛЮФТВАФФЕ» 22-ГО ИЮНЯ:
УСПЕХИ, НЕ ПРИВЕДШИЕ К ПОБЕДЕ**

Если факты – «хлеб» любой науки, то их интерпретация – то самое «масло», что позволяет создавать научную корректность, объемность понимания как длительных процессов, так и отдельных феноменов. Одна из разновидностей интерпретации – подход к событиям при отчетливом математическом, *процентном* их объяснении с акцентом на процесс, *временное* развертывание фактов.

Разумеется, Великая Отечественная война до сих пор остается крайне противоречивым объектом исследования именно с точки зрения внутренней фактуальной «диспозиции», очень часто представляющейся лишенной логики, не поддающейся каким-либо разумным объяснениям.

Именно день 22-го июня 1941-го года, как ни странно, остается далеко не до конца понятым, объясненным как по отношению к действиям Красной Армии, так и по результатам агрессии Вермахта. Данная статья не претендует на всеобъемлющее исследование операций советских ВВС и германских «Люфтваффе» в начальной стадии войны, так как её цель – заострить внимание читателей только на некоторых качественно-количественных особенностях (в определенной мере – парадоксальных) воздушных противоборствующих армий и характере их действий.

На первый взгляд, вопрос типа «За кем осталось небо 22-го июня?» давным-давно снят с повестки дня, точнее – еще 23-го июня 1941-го года. Не менее сорока лет после окончания ВОВ количество уничтоженных советских самолетов в первый день войны исчислялось в 1200 штук. В последние 15-20 лет, на основе новых открытых документов, эти потери определяются уже примерно в 1800 самолетов. Данный показатель базируется не только на полностью уничтоженных боевых машинах, но и на поврежденных, то есть на тех, которые после первых атак «Люфтваффе» на наши аэродромы и после первых воздушных боев не могли взлетать и вести новые бои. Потери германских военно-воздушных сил достигли в этот же день 133 самолетов. Боевой счет безоговорочно свидетельствует в пользу немецких ВВС. Даже если брать советские потери по минимуму (1200 машин), на один уничтоженный немецкий самолет приходится 9 «краснозвездных». При использовании показателя в 1800 советских самолетов, выведенных из строя, счет становится сверхразгромным: 13,5:1 (или – 27:2) в пользу германских летчиков. Эти автономные, по-своему изолированные факты производят впечатление настолько самодостаточной (и самодовлеющей!) информации, что, кажется, не требуют дополнительной интерпретации. Но, видимо, она все-таки необходима, если озадачиться первым вопросом: «Насколько тяжелыми и решающими были советские потери с точки зрения общего количества боевых машин, которыми располагала Красная Армия перед самым германским вторжением?». Логичным продолжением такого вопроса была бы постановка и второго: «Как более объективно, трезво оценить потери «Люфтваффе» с точки зрения уже германского воздушного потенциала на 22 июня 1941-го года?». Третий, закономерно вытекающий из первых двух, вопрос может прозвучать так: «Как восполнялись потери воюю-

щих сторон в течение всей войны?». Правомерность приведенных вопросов можно аргументировать только одним фактом: советско-германское противостояние не закончилось 22-го июня 1941-го года, оно завершилось 9-го мая 1945-го года, через 1417 дней после первых суток июньского начала.

И вот, при попытках более объективно разобраться в синхронных «срезах» и диахронных (то есть протяженных во времени) балансах участников четырехлетней воздушной битвы, безоговорочный триумф «Люфтваффе» начинает «высвечиваться» не только с фасадной стороны. Начнем с ответа на первый вопрос.

Даже простой количественный аспект (сколько было самолетов перед гитлеровским вторжением?) оказывается совсем не простым. В. Спасибо в статье «Всё больше, и больше, и больше: зачем?» [1] в начале своего материала исчисляет советские ВВС на 22 июня в 16 000 машин, но потом приводит данные о наших уничтоженных машинах за всё второе полугодие 1941-го года: 21 300 единиц [2]. Разница, даже при учете вновь построенных самолетов и полученных от Великобритании и США, весьма серьезная. Некоторые историки (например, В. Суворов) настаивают на 23 130 единицах [3], насчитывающихся в советских ВВС. Сопоставление самых различных данных дает право говорить, что последняя приведенная величина может быть реальной, но если учитывать не только все боевые самолеты (самые новые и безнадежно устаревшие), но и связные, санитарные, военно-транспортные и учебные. Поэтому, если мы будем считать только боевые силы «Люфтваффе» и их союзников (самолеты Финляндии, Венгрии, Словакии, Румынии, Италии), нам корректней использовать первый показатель «краснозвездных» ВВС – 16 000 единиц.

В то же время германские войска (и их сателлиты) перед 22 июня располагали 3826 боевыми самолетами: 1935 бомбардировщиками, 1891 истребителями. Немалое число историков так оценивают количественный перевес советских самолетов: в 4,5-5 раз больше, чем германских. В. Спасибо добавляет: «Только самолетов новых типов (1915 истребителей, 1310 легких бомбардировщиков, 450 фронтовых бомбардировщиков) у нас было больше, чем весь германский парк» [4].

Потери советских ВВС 22-го июня составили 11,3% от общего числа боевых самолетов перед германским вторжением. Напомним, что 16 000 советских боевых машин – это тот *минимум* нашего военно-воздушного потенциала в канун вторжения. Если же мы введем в наши рассуждения 21 000 самолетов (*максимум* всего того, что могло летать на фронте и хоть как-то влиять на ход боевых действий), потери ВВС Красной Армии составят 8,6%.

А как обстояло дело с аналогичными процентами у «Люфтваффе» и союзных им ВВС? 133 потерянных самолета в первый день войны составили 3,5% от их начального потенциала. И хотя соотношение убыли боевых машин в первые месяцы войны составляет 1:5 не в нашу пользу, сопоставление процентных величин начинают изменять наше впечатление о сверхразгромном успехе немецких воздушных армий и полной, непоправимой катастрофе их советских визави. Первый день четырехлетней битвы действительно принес немцам очень большой успех, он оказался сокрушительным, но всё-таки (как показали дальнейшие события) не смертельным для нашей армии и страны.

Дело в том, что за всё первое полугодие 1941-го года германские ВВС потеряли 3945 боевых самолетов – то есть на 120 машин больше, чем имели перед вторжением.

«Люфтваффе», выражаясь языком шахматистов, не могли идти «на размен»: самолет за самолет, эскадрилья за эскадрилью. И хотя уже приведенное нами соотношение потерь (1:5) довольно долго сохранялось, огромный количественный перевес советских

воздушных армий не мог не сказываться уже в 1941-м году. Марк Солонин справедливо писал следующее: «Вернемся, однако, в июнь 1941-го. Какими силами располагала в эти дни советская авиация? Удивительно, но факт: официального или, по крайней мере, общепринятого ответа на этот вопрос сегодня всё ещё нет. В этой связи особенно пикантно звучат истошные призывы: «Прекратите переписывать историю!». Что переписывать-то? Тем не менее, данных, позволяющих оценить численность советской авиации, опубликовано уже немало. Еще в «застойные» времена признались в том, что с 1938 г. по июнь 1941 г. было выпущено 23 тысячи боевых самолетов. Эта упомограчительная цифра хорошо согласуется с появившимися в последнее время данными о производстве отдельных типов самолетов. Так, истребителей Поликарпова было выпущено: И-16 – 6070 штук, И-153 – 3437, всего 9507 самолетов с 1938 по 1941 год включительно, фронтовых двухмоторных бомбардировщиков СБ с 1938 по 1940 год выпущено 5637 штук. Только за два предвоенных года было выпущено почти 17745 штук – это в 4,6 раза больше, чем число всех боевых самолетов, которыми располагали «Люфтваффе» 22-го июня 1941-го года на Восточном фронте. Среди выпущенных в СССР за два предвоенных года боевых машин было:

- истребителей МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1 – 2030 штук;
- бомбардировщиков ДБ-3, Пе-2, Як-4 – 3922 штуки;
- штурмовиков Су-2 и Ил-2 – более 800 штук [5].

В 2000-м году В. Суворов писал: «В одном только Западном особом военном округе одних только МиГ-3 было больше, чем всех «Мессершмитт Вф-109» на всем советско-германском фронте [6].

Разумеется, что-то было потеряно в авиакатастрофах, сколько-то самолетов выработало моторесурс и нуждалось в замене двигателей, по разным данным, от 150 до 250 самолетов погибло в боях на Халхин-Голе, были утраты (главным образом, небоевые) в Польше и Финляндии, что-то находилось в пути от завода до армии, но большая часть выпуска должна была быть в строю» [7].

Цифры начального военного потенциала даже сегодня, после открытия архивов и секретных данных, продолжают «плавать», однако мы с большей уверенностью можем обратиться к совершенно официальному статистическому сборнику Генштаба Российской Армии, который называется «Гриф секретности снят». Этот сборник признает наличие 20 тысяч боевых самолетов (в том числе 11,5 тыс. истребителей) в составе Вооруженных сил СССР по состоянию на 22 июня 1941-го года [8].

«Перемолоть» такое количество советской боевой техники «Люфтваффе», разумеется, не могли ни в первый день войны, ни в последующие недели, несмотря на действительно потрясающие по силе удары, которые они наносили советской авиации.

Кстати, потерянные 22-го июня 133 германских самолета, при всей несопоставимости с советскими потерями, оказались самым настоящим шоком для германских пилотов и их командиров. Напомним, что среднесуточные потери «Люфтваффе» в воздушной битве за Англию в 1939-1940 гг. составляли 19 машин. Разумеется, бывали дни, когда германская авиация несла и гораздо большие потери. Но ведь ни о какой неожиданности с её стороны не могло идти и речи. Регулярность атак немецких воздушных эскадр на города, предприятия и порты южной Англии исключала эффект «спящих аэродромов» и ничего не подозревающих наземных наблюдателей и локаторщиков англичан. А «восточный поход» германской авиации начался с удара из-за угла, при обеспечении полной внезапности, но вот – 133 уничтоженных самолета в первый же день. С 22-го июня по 26 июля 1941-го года немецкая авиация безвоз-

вратно потеряла в боях 627 машин, не считая поврежденных, которые потребовали ремонта. Это несколько больше *18 машин* в день, что практически совпадает с германскими потерями в воздушной «битве за Англию». Но потери немцев над Англией и над Ла-Маншем явились следствием противодействия подготовленного к почти ежесуточным нападениям противника с развитой системой оповещения своей ПВО. Потери от действий наших летчиков, начиная с 22-го июня, немцы несли именно после внезапного и массированного нападения «Люфтваффе».

Ответы на первые два вопроса, поставленные в начале статьи, могут прозвучать так:

1. На 33 аэродрома советских ВВС в приграничных регионах германская военная авиация обрушила удар колоссальной силы. Если в первый день войны наши потери исчислялись в 1800 самолетов, то к концу 1941-го года число уничтоженных советских машин (по наиболее часто приводимым сведениям) составило около 17 000 штук. С точки зрения абсолютных величин, такое количество уничтоженной техники действительно поражает воображение и, по справедливости, не может не быть признано катастрофой советской боевой авиации. Но, как ни странно, даже такая победа «Люфтваффе» дала немцам возможность сохранять безраздельное господство в воздухе *только до Московской битвы* и контрнаступления Красной Армии (ноябрь-декабрь 1941-го года). Запас прочности советских военно-воздушных сил был настолько мощным хотя бы в количественном аспекте, что об уничтожении воздушного противника германским военачальникам не приходилось говорить даже в дни «полного господства немцев в воздухе». Мы не случайно взяли последние слова в кавычки, потому что масса фактов свидетельствует об относительности такого традиционного определения, закрепившегося в сознании не только нескольких поколений россиян, но и в представлениях профессиональных историков.

2. Нарастающее сопротивление советской авиации после нападения нацистской Германии, перебазирование самолетного парка вглубь европейской части СССР, поступление новой техники и экипажей – всё это с каждым месяцем войны (хотя и не очень заметно в различные периоды) углубляло кризис «Люфтваффе», делало количественный перевес советской боевой авиации устойчивым и очень болезненным фактором для немцев. Не очень быстрый, но постоянный рост тактико-технических характеристик советских самолетов (имеются в виду конструируемые и запускаемые в производство новые марки) обеспечивало такому перевесу качественно-количественный, необратимый характер. Примерно равные тактико-технические характеристики противников и постоянный (очень значительный) количественный перевес «красной» авиации создали для «Люфтваффе» общую неблагоприятную стратегическую ситуацию для немецких военных пилотов. Новые типы боевых машин Германия не могла выпускать в достаточных количествах, и частичное техническое превосходство отдельных типов немецких истребителей могло лишь замедлить ухудшение стратегически проигранной ситуации для «Люфтваффе».

Для подтверждения первого вывода приведем и такие данные: в первые три месяца войны советская авиация произвела 250 000 боевых вылетов, то есть в среднем 83 333 вылета за один месяц. *Почти такую же* интенсивность (80 000 вылетов) «Люфтваффе» смогли обеспечить только в течение июня 1942-го года, во время победной для себя битвы под Харьковом и на Барвенковском выступе. Ни до этого, ни после этого германские ВВС не сумели выйти на указанный уровень боевой активности. А ведь четверть миллио-

на вылетов советских самолетов, произведенных только за три месяца, – это опять же акции после побоища 22-го июня, во время отступлений и тяжелых оборонительных боев на земле.

Катастрофа 22-го июня советских ВВС не означала подавление нашей авиации на всем огромном фронте (1400 км по прямой от Риги до Одессы). Например, в районе украинского городка Острог на узком участке фронта (около 40 км) наши бомбардировщики только за один день 28 июня совершили 400 боевых вылетов. По советским данным, противник понес тяжелые потери в танках и мехчастях. На 400 боевых вылетов наши потери составили лишь 5 самолетов. Советские командиры отмечали, что *«авиация противника в течение всего дня действовала неинтенсивно»*. Главным объектом атак советских штурмовиков и бомбардировщиков стала немецкая 11-я танковая дивизия. На личный состав этой дивизии атаки наших ВВС произвели неизгладимо впечатление, о чем свидетельствуют такие записи в дневниках: *«Начавшийся среди ночи дождь давал надежду на то, что на сегодняшний день ожидается уменьшение воздушной деятельности русских. Не тут-то было. На рассвете дождь закончился, и сразу же появились советские самолеты, которые непрерывно атаковали части 11-й танковой дивизии, державшей в течение дня путь на Острог (...) Неоспоримо было то, что советский противник, по меньшей мере здесь, имел абсолютное господство в воздухе»* [9, 10].

А. Исаев справедливо пишет, что *«несмотря на большие потери, советские ВВС (особенно на юго-западном направлении) сохранили боеспособность и в дальнейшем сыграли важную роль в Приграничном сражении. Господство в воздухе ударами по русским аэродромам достигнуто не было, если его понимать не как жалобы сухопутных войск на воздействие авиации противника, а как воспреещение действий ВВС противника при полной свободе действий собственной авиации. Жалобы на действия ВВС РККА можно легко найти в немецких источниках, причем в максимально жесткой форме»* [11].

В связи с этим приведем отрывки из наблюдений именно немецких пехотинцев, которые собрал и представил М. Солонин в книге «Разгром 1941 (На мирно спящих аэродромах)»: *«... 26 июня. Около 20 неприятельских бомбардировщиков атакуют нас. Взрывы раздаются со всех сторон. Наших истребителей не видно...*

... 27 июня. Бомбардировщики противника опять настigli нас. Становится очень тяжело...

... на пути к Дубно ударной группе пришлось пережить налет бомбардировщиков... наши зенитные пушки, которые всё чаще обстреливали самолеты врага, не могли остановить постоянные воздушные атаки, число которых возрастало до 80 раз в день (!!!) ... Волна за волной бомбы ложились на колонны боевой техники. В дыму горящих машин...».

Марк Солонин продолжает: *«Не правда ли, уважаемый читатель, именно так, именно в таких выражениях и описываются события первых дней войны во всех тех книгах, которые Вам приходилось читать? Авторы процитированных выше мемуаров тоже рассказывают о событиях июня 1941 года, и война та же самая... Вот только «в дыму горящих машин» оказались не советские, а немецкие танковые колонны (конкретно речь идет о частях 2-й танковой группы Гудериана и 1-й танковой группы Клейста; в самом же густом дыму оказались в те дни колонны 3-й танковой группы Гота, по которым 25 июня был нанесен массированный удар ВСЕМИ силами ВВС Западного фронта и дальнебомбардировочной авиации)»* [12].

Не совсем правильно объяснять причину успешных ударов советских ВВС по германским наземным целям и по «Люфтваффе» лишь нашим большим количественным превосходством. Даже устаревшие советские истребители в первые же дни войны начали сбивать не только современные германские бомбовозы «Дорнье-17», «Юнкерс-88», «Юнкерс-87» и «Хейнкель-111», но и такой совершенный для своего времени истребитель, как «Мессершмитт-109». Последний самолет сами немцы, еще до нападения на Советский Союз, назвали «королем воздуха». У них были для этого основания: по скорости «сто девятый» превосходил на высоте около 5000 м наш «И-16» на 120 км/час, он успешно сражался с английскими знаменитыми «спитфайрами». Однако в первых же боях советские пилоты начали использовать несравненную горизонтальную маневренность «ишака», не доступную «мессершмиттам». Вторым козырем «И-16» было пушечное вооружение, которое фактически делало наш истребитель грозным противником даже в оборонительных боях. Третьей сильной стороной «И-16» оказался радиальный двигатель воздушного охлаждения, который, учитывая его большой диаметр, хорошо защищал пилота при лобовых атаках противника. Поэтому советские летчики увереннее, чем их немецкие противники, выходили именно в лобовые атаки на «мессершмитты», расширяя диапазон собственных тактических приемов. Ведь рядный мотор жидкого охлаждения «мессершмитта» был гораздо меньше в диаметре и служил немецкому летчику менее надежной защитой. Четвертым аспектом, позволявшим советским пилотам драться на «И-16» с «мессершмиттами», оказалась правильно выбранная тактика – бои на виражах и оборонительный круг, когда каждого самолета в нем защищался последующим. Пятый козырь, который выбрасывали советские авиаторы на голубое «сукно» июньского неба, – это бои на малых и сверхмалых высотах. Дело в том, что германские летчики-истребители не сразу разобрались в том, что у земли максимальная скорость «И-16» и «Мессершмитта-109» одинакова – 440 км/час. Здесь «король воздуха» как-то терял свое величие на фоне юркого и мощно вооруженного советского истребителя.

Таким образом, прозвище, которые дали своему «И-16» советские пилоты («ишак»), по оценке явно не совпадает с его немецким прозвищем: «рата» – то есть «крыса». Потери «Люфтваффе» в боях с «крысами» оказались непредвиденно большими, в конце концов, германским авиационным командирам пришлось издавать приказы типа следующего: *«Нельзя приветствовать увлечение некоторых наших товарищей маневренными боями с «крысами» («И-16») и «иванами» («МиГ-3»). Рыцарские поединки не для Востока, мы должны просто побеждать».* Так написал в приказе от 22-го июля 1941-го года командир элитной германской истребительной эскадры № 54 Ханнес Траутлофт [13, 14], и он имел веские основания для издания такого остререгающего приказа: ровно за месяц сражений с «иванами» и «крысами» его эскадра, укомплектованная настоящими мастерами воздушного боя, потеряла 37 асов из 112-ти, то есть треть первоначального состава, 33%. А летчик всё этой же 54-й элитной эскадры Хуберт Мюттерих по этому же поводу произнес фразу, вошедшую в военные скрижали: *«Не загоняйте крысу в угол, ведь в этом случае ей останется только одно – вцепиться вам в глотку!»* [15, 16].

Итак, для нас «И-16» – «ишак», для асов «Люфтваффе» – «крыса», с которой лучше не связываться.

Не сразу разобрались подчиненные рейхсмаршала авиации Г. Геринга и с сильными сторонами новейшего советского истребителя «МиГ-3». Этот самолет предназначался для высотных боев, и в столкновениях выше 5000 м ему не было равных во всем мире. Именно на этих эшелонах «МиГ-3» мог развивать скорость 640 км/час, его

мотор работал безукоризненно. «Мессершмитт-109» отставал от него не менее чем на 60-70 км/час, и потребовалось определенное время, прежде чем асы «Люфтваффе» поняли, что для успешного противостояния им следует тем или иным способом увлечь этот изящный, длинноносый русский истребитель со звенящих высот на средние и малые, где более тяжелый «миг» терял свои преимущества перед немецким истребителем.

Такой же поспешной и односторонней может стать оценка проекта истребителя «ЛаГГ-3», число которых на 22 июня составляло несколько более 300 штук. Данный истребитель давно получил оценку перетяжеленного, с недостаточной энерговооруженностью, что делало его схватки с истребителями противника малоперспективными. Правда, при этом отмечалось, что вооружение «ЛаГГ-3» и особенно живучесть машины превосходили эти же характеристики «сто девятого». Но всё-таки, видимо, не зря наши летчики еще до начала военных действий иронично и жестко «перевели» аббревиатуру истребителя как «Лакированный Гарантированный Гроб». Недостатки самолета, что называется, сами лезли в глаза. Однако на результаты использования «ЛаГГ-3» можно посмотреть и глазами противника.

Один из самых прославленных асов «Люфтваффе» Г. Баркхорн (301 заявленная победа! 2-е место в списке лучших летчиков-истребителей мира за лидером, немцем Э. Хартманном!) с изумлением описал свой воздушный бой в июле 1943-го года (к этому времени качество германских истребителей еще больше возросло) именно с русским истребителем «ЛаГГ-3. Схватка фактически носила дуэльный характер, то есть невольный эксперимент по схеме «кто кого?» был проведен в чистом виде. Два самолета в течение 40 минут интенсивно маневрировали, но так и не смогли зайти друг другу в хвост, провести атаку сверху или ударить сбоку. Бой закончился безрезультатно [17]. И вот ситуация: с одной стороны – германский сверх-ас, с огромным числом сбитых самолетов и тысячами часов налета, с другой – безвестный русский лейтенант на устаревшем, медлительном «ЛаГГ-3», который еще в 1941-м году свои же летчики окрестили «летающим гробом». Добавим к этому, что такая фигура, как Г. Баркхорн, просто по определению не могла быть обеспечена хоть немного устаревшей моделью какого-либо истребителя.

Что же касается второго вывода, приведенного выше, то мы обратим внимание лишь на один факт: «Люфтваффе» обязаны были не только уничтожать авиацию противника, но ликвидировать или подавлять важные наземные объекты, в том числе железнодорожные составы, пути, станции и мосты. Ведь в первую очередь именно по железнодорожным магистралям промышленность СССР не только обеспечивала Красную Армию техникой, живой силой, боеприпасами и продовольствием, но страна в самом спешном, сверхавральном режиме эвакуировала на восток предприятия военной промышленности. Для того чтобы вывести из Запорожья только один прокатный стан сталелитейного комбината, требовалось не менее 400 двухосных товарных вагонов. Всего же наши путейцы и военные сумели задействовать для эвакуационных перевозок 1,5 миллиона товарных вагонов. По железнодорожным магистралям было эвакуировано 1523 предприятия. Впоследствии они были развернуты в Поволжье, на Урале, в Сибири и стали основой для новой мощнейшей производственной базы.

Обратим внимание также на то, что эти полтора миллиона вагонов не всё время двигались на восток – они вынуждены были простаивать на станциях и разъездах, ожи-

дая погрузки стратегически важных станков и оборудования, освобождающихся путей, локомотивной тяги и нередко – переформирования. Однако и в таких, крайне невыгодных для нашей страны обстоятельствах, «Люфтваффе» не смогли парализовать данное железнодорожное движение.

Германские ВВС нанесли поистине гигантские потери нашим воздушным армиям, но им уже просто не хватило ни самолетов, ни экипажей, ни горючего, ни бомб, ни авиационных снарядов и патронов, чтобы уничтожить эти бесконечные «восточные поезда».

Нам осталось напомнить, отвечая на третий вопрос, как неудержимо возросло производство советских боевых самолетов после катастрофы 22-го июня.

В течение 1942 года советская авиапромышленность выпустила 9918 истребителей, а немецкая – 5515. В 1942 г. в рамках «ленд-лиза» союзники поставили советским ВВС 1815 истребителей. В 1943 г. союзники поставили 4569 истребителей, а советская авиапромышленность передала фронту 14627 истребителей. На 1 января 1944 г. в Красной Армии находилось 10200 боевых самолетов. На 9 мая 1945 г. в СССР насчитывалось 47300 боевых самолетов, из них 9700 бомбардировщиков, 10100 штурмовиков, 27500 истребителей».

Только одних истребителей типа «Аэрокобра» и «Кингкобра» США поставили нашей стране 4952 и 2410 штук соответственно. А ведь это были не какие-то устаревшие образцы авиатехники, от которых стремились избавиться американские пилоты – это были самолеты, превосходные по многим характеристикам. Совсем не случайно то, что трижды Герой Советского Союза А. Покрышкин (59 воздушных побед) с середины войны летал именно на «Аэрокобре»: маневренность и огневая мощь этого истребителя были на пределе технических возможностей поршневого винтового самолета той эпохи.

Вывод: какими бы сокрушительными ни были удары и победы «Люфтваффе» в июне 1941-го года, их потенциал и потенциал германской авиапромышленности ни в коем случае не могли обеспечить победу нацистской Германии в войне на Восточном фронте.

Примечания

1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aex.ru/fdocs/1/2003/4/25/3178/>.
2. Там же.
3. Суворов В. Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз? – М.: ООО «Издательство АСТ». – 2000. – С. 46.
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.airforce.ru/history/grw_beginning/chapter2.htm.
5. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева. – М., 1993. – С. 39.
6. Суворов В. Указ. Соч. – С. 51.
7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.rusamny.com/382/t03\(382\).htm](http://www.rusamny.com/382/t03(382).htm)
8. Гриф секретности снят... С. 39.
9. Лето 1941 г. Украина. Киев. – 1991. – С.149 со ссылкой на ЦАМО СССР. Ф. 229. Оп. 161. Д. 150. Л.3.
10. Schrodek Ihr Glaube galt dem Vaterland. Geschichte des Panzer-Regiment 15 (11.Panzer-Division). München: Schild Verlag. 1976. S. 133.

11. Исаев А. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. – С. 29-30.
12. Солонин М. Разгром 1941 (На спящих аэродромах). – М.,: Яуза, Эксмо, 2009. – С. 129.
13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/172076/read/>.
14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://i16fighter.narod.ru/ww2/ww2op.htm>.
15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://liveussr.info/publ/14-1-0-53>.
16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://i16fighter.narod.ru/ww2/ww2op.htm>.
17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://life.Kamrad.ru/showthread.php?threadid=69313&perpage&25&pagenumb>.

А.С. Иванов

КАЛМЫКИ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ И ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ТРУД НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ

Любой исследователь истории спецпоселения и депортаций народов в годы Великой Отечественной войны фактически в любом аспекте изучаемой темы сталкивается с проблемой оценки эффективности использования труда спецпереселенцев и их вклада в Победу. Согласно постановлению СНК № 35 от 8 января 1945 г. «все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно полезным трудом» [1]. В результате, история депортации может рассматриваться в значительной мере как труд людей в условиях режима спецпоселения.

Калмыки прибыли на территорию Омской области в результате проведения НКВД операции «Улусы». Калмыки доставлялись в Омскую область в 13-ти эшелонах [2], операция по выселению и транспортировке калмыков проводилась в конце декабря 1943 – начале января 1944 г. [3]. В этот период 19 районов Омской области (в состав которой до 14 августа 1944 г. входила Тюменская область) приняли 27 088 калмыков [4]. Существует представление о том, что в Омскую область в марте 1944 г. прибыли калмыки из Ростовской области [5], но, как установил И.И. Алиев, эшелон № СК-455, перевозивший спецпереселенцев-калмыков, выехавших 27 марта 1944 г. из Ростовской области, прибыл в Новосибирск 8 апреля, а спецпереселенцы были расселены в Новосибирской и Томской областях [6]. Двадцатого марта в Омскую область прибыли 89 калмыков из Астрахани [7].

Депортированные были расселены в 590 населенных пунктах южной части области [8], где они использовались на сельскохозяйственных работах в колхозах, совхозах и в значительно меньшей степени в различных отраслях промышленности [9].

Трудовое устройство калмыков проходило в ином ключе, нежели это было во времена «кулацкой ссылки». В докладной записке руководства УНКВД Омской области от 20 марта 1944 г. указывалось, что «за отчетный период (с начала 1944 г. – *А.И.*) спецпереселенческих колхозов в области организовано не было... по той причине, что большая часть спецпереселенцев, согласно решению ГОКО от 18 января 1944 г. № 4975 /с, будет с открытием навигации переселена в северные районы области...». Согласно решению Омского обкома от 8 марта 1944 г. партийные агитаторы развернули работу по привлечению депортированных в «непереселенческие» (т.е. обычные) колхозы [10]. К работам в колхозном хозяйстве привлекались все спецпереселенцы, т.к. колхозы их нанимали [11]. В некоторых районах области удалось уже к середине марта 1944 г. добиться вступления всех калмыков в колхозы, но так было не везде, к примеру, в Ульяновском районе доля вступивших в колхоз составляла 5,5%, а в Полтавском – 22,5% [12].

Более успешно работала та часть спецпереселенцев, которая была трудоустроена в совхозах и на животноводческих фермах. Производительность труда рабочих спецпереселенцев по колхозному сектору колебалась в пределах от 35% до 120% и по совхозному – от 75% до 100% [13].

Калмыки стали постепенно обживать на новых местах, трудиться в условиях спецпоселения, а власти, зная, что предстоит новое переселение, призывали их обустроиваться. Од-

ной из причин отказа вступать в колхозы и обустриваться на новом месте в Называевском районе явились слухи о том, что «якобы 5 мая увезут их в другое место». Уполномоченные райкомов, призванные разоблачать «ложные» вредительские домыслы, направленные на срыв посевной, проводили разъяснительную работу среди калмыков. Ее результатом почти во всех колхозах было обещание переселенцев вступать в члены и участвовать в работе колхозов, обзаводиться индивидуальными огородами [14]. Как выяснилось чуть позже, эти «ложные измышления» фактически оказались правдой («злопыхатели» ошиблись на 10 дней), а «правдивые» рассказы партийных функционеров – ложью.

Тридцатого апреля 1944 года было принято постановление обкома ВКП(б) и исполкома облсовета «О переселении спецпереселенцев-калмыков в рыбопромышленные районы области». Это совместное постановление принималось в соответствии с постановлением ГКО от 18 января 1944 г. «О подготовке к весенней путине и увеличении добычи рыбы в 1944 г. по Наркомрыбпрому СССР» и санкционировало переселение конкретной группы спецпереселенцев [15]. Основанием же для постановления ГКО послужило совместное постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» [16], которым предусматривалось выделение значительного количества рабочей силы для рыбных промыслов и было санкционировано переселение спецпереселенцев для нужд рыбной промышленности в 1942 г.

Так, постановлением обкома и исполкома от 30 апреля было санкционировано вторичное переселение калмыков. Отpravку на Север начали 15 мая, закончить должны были к 15 июня [17], но фактически переселение затянулось до конца октября [18]. Расселение вторично переселенных было произведено в трех северных округах, в системе трех рыбопромышленных трестов: Тобольского – 1879 [19]; Ханты-Мансийского – 5999 [20]; Ямало-Ненецкого – 1467 человек [21].

Главной особенностью принудительной миграции в северные округа Омской области было то, что ответственность, в соответствии с постановлением от 30 апреля, лежала в первую очередь на представителях рыбопромышленных трестов (Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Тобольского). На НКВД возлагалось сопровождение спецпереселенцев.

В результате, калмыки были закреплены за предприятиями рыбной промышленности Омской области. Но после административно-территориального размежевания и выделения 14 августа 1944 г. из состава Омской области самостоятельной Тюменской все калмыки, переданные в рыбную промышленность, оказались на территории последней.

То обстоятельство, что проведение принудительного переселения в значительной степени возлагалось на плечи заинтересованных хозяйственных организаций (госрыбтрестов) [22], позволило им сразу по прибытии закрепить переселенцев на рыбопромышленных предприятиях (1466 семей, 4855 человек) [23]. В тоже время, переданные в рыболовецкие колхозы калмыки (950 семей, 2051 человек), были охвачены членством в колхозах к концу 1944 г. на 85 % [24].

За рыбной промышленностью Тюменской области к началу 1945 г. была закреплена 21065 спецпереселенцев всех категорий [25], калмыки составляли 32,7% (6906 человек) от их общей численности [26].

Приведенная ниже таблица отчетливо показывает, что основная масса спецпереселенцев-калмыков в границах Омской области работала в колхозах и совхозах (85,1%), а в Тюменской, напротив, доля трудившихся в рыбной (3353 человека) и лесной (363) промышленности составляла 59,6% [27].

Калмыки существенно пополнили оскудевшие за годы войны трудовые ресурсы предприятий рыбной промышленности. Из общего количества занятых в 1945 году в промышленности по предприятиям рыбопромышленных трестов калмыки составляли: в Тобольском – 26% [28]; Ханты-Мансийском – 17% [29]; Ямало-Ненецком – около 15% [30].

Спецпереселенцы оказались в полном распоряжении рыбопромышленных организаций. Это видно особенно отчетливо, если сравнить «типовой договор» между ОТСП УНКВД Омской области и Омгосрыбтрестом [31] на использование трудпоселенцев (с 1944 г. именовавшихся «спецпереселенцы контингента «бывшие кулаки»»), датированный февралем 1943 г. и «указаниями», которые дал директорам предприятий Омгосрыбтреста управляющий этой организации В.П. Боганов в отношении спецпереселенцев, переселенных для работы в рыбной промышленности в 1942 г.

**Хозяйственное и трудовое устройство спецпереселенцев-калмыков
в Омской и Тюменской областях
к началу 1945 г. [32]**

Куда переданы для хоз. и труд. устройства	Омская область				Тюменская область			
	Количество переданных в хозяйственные организации		Количество работающих	Доля работающих (в %) к числу завезенных	Количество переданных в хозяйственные организации		Количество работающих	Доля работающих (в %) к числу завезенных
	семей	чел.			семей	чел.		
Колхоз	2101	6375	3425	53,7	913	2976	1096	36,8
Совхоз	586	1819	945	51,9	212	592	211	35,6
На промышл. предприятия, стройки и учреждения	527	1390	768	55,2	3492	10190	4926	48,3
Всего:	3214	9584	5136	53,6	4617	13758	6233	45,8

Согласно «типовому договору», предприятия треста были обязаны:

- обеспечить постоянной работой переданных ему трудпоселенцев;
- создать условия труда трудпоселенцев и членов их семей в части заработной платы, норм выработки, которые устанавливались наравне со всеми другими рабочими данного предприятия;
- предоставить трудпоселенцам и членам их семей жилые помещения постоянного типа по общим нормативам.

Также оговаривались отчисления по социальному страхованию и выдача на руки трудпоселенцам расчетных книжек. Были четко прописаны права ОТСП УНКВД, в частности, в них говорилось: «При полном или частичном снятии трудпоселенцев с работы

предприятий за невыполнение хозорганом условий настоящего договора или по оперативным соображениям, ОТСП обязано предупредить хозорган за один месяц до снятия». Перевод же «трудпоселенцев из одного поселка в другой, в системе того же предприятия, в случаях производственной необходимости может производиться с согласия ОТСП за счет хозоргана» [33].

В отношении же спецпереселенцев, прибывших в рыбную промышленность в 1942 году, и спецпереселенцев-калмыков, переселенных двумя годами позднее, подобных договоров не заключалось.

Директора предприятий руководствовались указаниями начальства. Они гласили: «... весь контингент, завезенный Вам в порядке переселения, поступает в полное распоряжение завода (комбината) и должен быть использован в первую очередь на лове и, во вторую очередь, на всех остальных работах, связанных с рыбной промышленностью, в основном на обработке рыбы. Учтите, что вся ответственность за завезенных Вам людей ложится полностью на Вас персонально, как директора завода... Без Вашего разрешения ни один из работников, прибывших в порядке переселения, не должен переводиться и использоваться в другом месте. Переводы и перемещения указанных работников должны производиться только с Вашего разрешения с одновременной отметкой в личном деле. Перевод из района в район допускается только с моего (управляющего треста – А. И.) разрешения или разрешения моего заместителя... В тех случаях, когда потребности завода в рабсиле полностью обеспечены, допускается временная передача переселенцев в рыболовецкие колхозы и сельхозартели (рыболовецкие бригады), причем если контингент переселяемых по каким бы то ни было причинам не может быть использован в колхозах на лову, следует произвести замену, снимая работников, занятых на подсобных работах и в сельском хозяйстве из основных жителей данного колхоза, переводя их на добычу и используя переселяемых на вспомогательных и с/х работах» [34].

Анализ переписки по переселению калмыков на территорию Ханты-Мансийского округа убеждает в том, что именно этими указаниями и руководствовались производственные начальники при расселении и трудоустройстве калмыков [35].

Обращает на себя внимание отсутствие в распоряжении Боганова упоминания о правах отдела ОТСП УНКВД в пунктах, которые касаются перемещения «спецконтингента» и об обязательствах перед спецпереселенцами.

Подобные распоряжения породили многочисленные «недоразумения». Например, директор рыбозавода в Кондинском районе по своему усмотрению уволил спецпереселенцев [36]; на предприятиях Тобольского треста директора отказывались использовать калмыков на производстве из-за их низкой квалификации [37]; на Сургутской консервной фабрике калмыки в коллективной жалобе обвиняли директора фабрики в насилии по отношению к ним [38].

Отражалось это и на зарплате. Не случайно Ю.С. Болдырев, трудившейся в годы войны на консервном комбинате в г. Салехарде, вспоминал, что «все вольнонаемные работники, кроме двухсотпроцентной оплаты по ставке или за выполненную работу, получали еще и различные надбавки, которые предусматривались соответствующим положением и оговаривались договором. Что же касается нас, калмыков, то мы не были завезенными по договору. И никаких процентов и надбавок нам не платили... Вот и получалось, что за одинаковый труд калмыки получали гораздо меньшую плату» [39].

На наш взгляд, это говорит не только о существенном усилении роли хозяйственных органов в отношениях с системой спецпоселений НКВД, но и показывает изменения,

которые произошли в этой структуре. Не случайно в распоряжении управляющего нет ни слова о спецпоселках. Подтверждение мы находим в словах начальника отдела спецпоселений УНКВД Новосибирской области Жукова, который в декабре 1944 г., характеризуя положение с кадровым составом аппарата спецкомендатур Сибири, осуществляющим надзор за калмыками, отмечал: «В абсолютном большинстве областей спецпоселков в том виде, как они были раньше, уже давно не существует. Наш контингент живет так же, как и остальное правовое население, т.е. расселен по всему району. Таким образом, комендант там, где он один по штату, фактически обслуживает целый административный район, там, где их два, половину административного района» [40]. Эти слова с полным основанием могут быть отнесены к Омской области и особенно к северным районам Тюменской области. Почти на 6 тысяч калмыков, расселенных на территории Ханты-Мансийского округа, приходилось 17 спецкомендатур, а расстояние от наиболее отдаленного пункта расселения калмыков в Кондинском районе (поселок Алтай) до спецкомендатуры в поселке Нахрачи составляло 600 км [41].

Передача значительной части контрольных функций над спецпереселенцами организациям, заинтересованным в них, должна была привести к рационализации их трудового использования, улучшению учета и контроля, повышению производительности труда.

Начальник УНКВД Тюменской области в ноябре 1944 г. докладывал в Москву, что «...при переселении производился строгий отбор переселяемых по их физическому состоянию, специальности и семейному положению. В результате чего рыбной промышленности Севера была передана самая трудоспособная часть спецпереселенцев..., среди завезенных в рыбную промышленность оказалось большое количество специалистов-рыбаков, занимавшихся рыболовецким промыслом... до переселения из Калмыцкой АССР, что дало возможность им с первых же дней работы по новому месту расселения включиться в производственную работу по рыбодобыче и рыбообработке» [42].

Но что в реальности дал этот отбор, который производили представители рыбопромышленных трестов [43]? Несмотря на проведение специального отбора в рыбной промышленности Тюменской области в IV квартале 1944 г., количество трудоспособных среди спецпереселенцев-калмыков составляло только 45,8 %, в то время как в других отраслях промышленности процент трудоспособных составлял 48,2% [44]. Только на Крайнем Севере в Ямало-Ненецком рыбтресте доля трудоспособных была значительно выше средней по области и составляла 59,2% [45]. Примечательно также, что в промышленности и учреждениях самостоятельной на тот момент Омской области к концу того же года числилось 684 трудоспособных калмыка (55,7% от их общего числа) [46].

Мы видим, что отбор по признаку трудоспособности если и производился, то только среди калмыков, отправляемых на Ямал – в самые тяжелые климатические условия.

Указывают на неудачу отбора и половозрастные характеристики завезенного контингента. К началу 1945 г. среди калмыков, расселенных на территории всей Омской области, женщины и дети составляли 82,9%. Среди переселенных на Север Тюменской области (в целом по области 81%) доля их была немногим ниже [47]. Среди поступивших в распоряжение Тобольского и Ханты-Мансийского рыбопромышленных трестов доля женщин, взрослых иждивенцев и детей была близка к 80% [48], а на Ямале только среди трудоспособных женщины и подростки (от 14 до 16 лет) составляли 70% [49].

Точное количество специалистов рыбного промысла среди калмыков неизвестно, но если поверить сведениям об их «большом количестве», приводимым Шеваровым, то получается, что большее количество квалифицированных работников должно было быть расселено

на территории Тюменской области, где находилась основная масса спецпереселенцев-калмыков (13758 человек). В конце 1944 г. по Тюменской области насчитывалось 53 специалиста, имеющих специальное высшее и среднее образование. Из них работали по специальности 37 человек. Квалифицированных рабочих (трактористов, комбайнеров, шоферов, слесарей) – 132 человека. Из них работали по специальности 84 человека [50].

В то время как в Омской области специалистов среди калмыков насчитывалось 165 человек; работало по специальности 122 человека; квалифицированных рабочих – 54 человека, из них работало по специальности 50 [51]. Одним из подтверждений более грамотного распределения (по сравнению с Тюменской областью) спецпереселенцев-калмыков является тот факт, что количество их в совхозном секторе (1819 человек), где у них были наилучшие трудовые показатели, составляло более 40 % от общего числа спецпереселенцев, закрепленных за совхозами области [52].

Из приведенных данных видно не только то, что Тюменская область по сравнению с Омской была «бедна» кадрами, но главное то, что новая схема, при которой хозяйственные организации получали значительно больше прав в отношении спецпереселенцев, провалилась. Рыбтрестам не удалось грамотно произвести набор квалифицированной рабочей силы (причем, тогда еще существовала единая Омская область) и использовать ее. Набирали, не заботясь о физической годности человека к труду в северных условиях. Калмыки попали «в полное распоряжение» директоров рыбозаводов, что породило многочисленные случаи произвола со стороны последних. Главным итогом существования подобной практики (с точки зрения государства) было то, что она заставляла людей работать в любых условиях. В рыбной промышленности процент невыходов на работу был наиболее низок – 3,8%, притом, что в колхозах Тюменской области он превышал 30% [53]. Причем, как признавало руководство НКВД двух областей, главной причиной было нежелание трудиться, а отсутствие одежды и обуви.

Подводя итоги и давая характеристику труду на спецпоселении, нужно сказать, что трудились в основном женщины и подростки 14-16 лет, которые, в подавляющем большинстве, не имели необходимой производственной квалификации или хозяйственного опыта.

Известные нам документы позволяют предположить существенное различие в практиках хозяйственного и трудового устройства калмыков в Омской и Тюменской областях, где мы видим, с одной стороны, их вступление в «непереселенческие» колхозы формально на общих основаниях, а с другой стороны, их передачу «в полное распоряжение» рыбопромышленных предприятий, где и формальные права не были ясны, и было более широкое поле для произвола.

Принудительная миграция калмыков в значительной мере компенсировала существовавший дефицит трудовых ресурсов, но качественные показатели завезенного контингента не удовлетворяли потребности рыбной промышленности. Прибывшие спецпереселенцы-калмыки значительно уступали местному населению в производительности труда. Тем не менее, калмыки, находясь в тяжелейших условиях депортации, внесли посильный вклад в развитие народного хозяйства Омской и Тюменской областей. Наибольшее значение труд калмыцкого народа имел в системе рыбной промышленности, где спецпереселенцы-калмыки составляли в военные годы около 20% работников предприятий. Они добросовестно трудились и совершенствовали трудовые навыки. К концу 1945 г. показатели выработки норм по Ханты-Мансийскому госрыбтресту среди калмыков выросли на 15-16%, по сравнению с показателями 1944 г. [54].

Примечания

1. Постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» // Сталинские депортации. 1928–1953. – М., 2005. – С. 563.
2. Ссылка калмыков: как это было: Сб. док-в и мат-лов. – Т. I, кн. 1. – Элиста, 1993. – С. 138.
3. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995. – С. 80.
4. Государственный архив Омской области (ГАОО.) Ф. 437. Оп 21. Д. 131. Л. 46.
5. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995. – С. 74-75.
6. Алиев И. И. Этнические репрессии – М., 2008. – С. 166.
7. Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»... С. 75.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ.) Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 18.
9. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 140.; Там же. Д. 164. Л. 180.
10. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 82.
11. ГАРФ. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 227.
12. ГАРФ. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 82 об.
13. ГАРФ. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 82 об.
14. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДННАО.) Ф. 415. Оп. 2. Д. 179. Л. 50–50 об.
15. ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 144. Л. 142-143.
16. Из постановления Совета народных комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП (б) о развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939-1945 гг. – Новосибирск, 1996. – С. 110-112.
17. ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 51.
18. См. подробнее: Серазетдинов Б.У., Иванов А. С. История повседневной жизни калмыков на Югорской земле в военное лихолетье 1944-1945 гг. – Сургут, 2007. – С. 53-85.
19. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО.) Ф. 1821. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
20. Сведения приводятся на ноябрь 1944 г. (Государственный архив Ханты-Мансийского округа (ГАХМАО.) Ф. 118. Оп. 1. Д. 262. Л. 1.) По данным на 22 июня 1944 г. численность составляла 6191 человек. (ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 43–44 об.).
21. ГАТюмО. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4 а. Л. 161.
22. См. подробнее: Иванов А. С. Механизмы депортации народов в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного педагогического университета – 2008 – Выпуск 3 (77). – С. 94-97.
23. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 221об. Эти данные явно занижены, только на строительстве Березовского стеклозавода, по данным дирекции предприятия, трудилось 27 подростков в возрасте до 17 лет. (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО.) Ф. 107. Оп. 1 Д. 878 Л. 93).
24. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 222.
25. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 214.

26. Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 221.
27. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 221 об.
28. Подсчитано по: ГАТюмО. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 12. Л. 52.
29. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1 Д. 329. Л. 12.
30. Подсчитано по: ГАТюмО. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 161.; Прибыльский Ю.П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX в. – М., 2008. – С. 107.
31. Существовал до марта 1943 г., когда был разделен на Тобольский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий госрыбтресты // Прибыльский Ю.П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX в. – М., 2008. – С. 93.
32. Составлено и подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 169, 221об.
33. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 2. Л. 54-55.
34. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 110.
35. См. подробнее: Серазетдинов Б.У., Иванов А. С. История повседневной жизни калмыков... С. 53-85.
36. Директива начальника Кондинского районного отделения Управления НКВД по Омской области Тонкова директору Нахрачинского рыбозавода Жучкову о недопустимости увольнения ссыльнопоселенцев с работы и о восстановлении уволенных на работе // Ссылка калмыков: как это было... С. 157.
37. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 233 Л. 22.
38. Болдырев Ю.С. Добрые люди не забываются // Гоцаев П.О. Боль памяти. – Элиста, 1999.– С. 183.
39. Болдырев Ю.С. Добрые люди не забываются... С. 183.
40. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 171.
41. ГАРФ. Оп. 1. Д. 260. Л. 96 об.
42. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 100-101.
43. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 178. Л. 51.
44. Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 221.
45. Подсчитано по: ГАТюмО. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 161.
46. Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 168 об.
47. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 168 об, 221 об.
48. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1 Д. 329. Л. 1.; ГАТюмО. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 12. Л. 71.
49. ГАТюмО. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 161.
50. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 222 об.
51. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 169.
52. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 180.
53. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 221об.
54. ГАТюмО. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 11. Л. 124.

Д.В. Кирилюк

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В 1941-1945 гг. школьная сеть в Среднем Приобье была довольно невелика и росла медленно. Если в 1940-1941 учебных годах в Югре насчитывалось 185 школ, то в 1941-1942 гг. их стало 196, а в 1943 г. еще увеличилось до 206-ти [1]. В каждом районе края в за годы войны было создано лишь по 3-4 новых школьных объекта. К примеру, если в начале войны в Сургутском районе работало 34 школы, то в 1945 г. их стало 37. Большинство из этих школ (30 объектов) имели статус начальных. Лишь 6 школ были неполно-средними и только одна – средняя [2]. Даже эти цифры свидетельствуют о том, что на территории Югры в первые послевоенные годы едва ли было возможно получить полноценное школьное образование. Существовавшая сеть учреждений народного образования позволяла получить в основном элементарные навыки чтения, письма и арифметики.

Остановимся на внешнем и внутреннем виде этих школ. Как правило, общеобразовательные учреждения Среднего Приобья располагались в деревянных зданиях очень небольших размеров. Значительная часть из них мало подходила для использования в образовательном процессе. К примеру, в 1945 году из 37-ми школ двадцать две не имели собственных типовых помещений, причем восемь из них совершенно не удовлетворяли требованиям школы [3]. Показательно, что одно из самых тяжелых положений сложилось в райцентре – поселке Сургут, школа которого размещалась в трех совершенно не приспособленных помещениях [4].

Неменьшие трудности были отмечены и в обеспечении зданиями национальных школ. Из 11-ти общеобразовательных учреждений только семь имели типовые здания. В исключительно трудных условиях работали Угутская и Дарко-Горшковская национальные школы. Дети в этих школах обучались в переполненных классах. На одного учащегося приходилось лишь 1,3 кв. метра жилплощади. В кратчайшие сроки требовалась постройка школы-интерната в Дарко-Горшково и интерната в Угуте [5].

Во многом названные трудности были связаны с особенностями советской экономики в целом. Государственное финансирование школ и интернатов региона, несмотря на войну, было достаточно большим. Так, в 1944 году на обеспечение интернатов по бюджету района было отпущено 587 120 рублей. Однако реально израсходованными оказались лишь 304 900 рублей [6]. Проблема состояла в том, что в условиях военного времени интернаты физически не могли израсходовать выделяемые им деньги. Крайне болезненно сказывался недостаток выпуска товаров широкого народного потребления (мануфактуры, обуви и др.).

На деньги, выделяемые государством, порой просто нечего было купить из необходимого школе и школьникам. Так, за 3 года войны интернатам было отпущено лишь 1000 метров мануфактуры на 350 человек. Одежда, обувь, белье, которыми пользовались воспитанники интернатов до войны, быстро приходили в негодность. Одновременно с этим, в округе катастрофически не хватало мастерских по пошиву одежды и обуви, поэтому сшить новую и даже отремонтировать старую одежду было практически невозможно [7].

В результате этого в конце войны по всем интернатам в среднем на одного учащегося приходилось 0,3 – пальто, 0,8 – нижнего белья, 0,5 – верхнего платья (!) Совершенно отсутствовало постельное белье. Из-за отсутствия второй смены белья дети во время стирки были вынуждены находиться в постели. Несколько лучше были обеспечены лишь воспитанники Пимского интерната, в котором на одного ребенка приходилось 1,5 комплекта белья. Но в отдельных интернатах, например, Тром-Аганском, дети были вынуждены ходить без нижнего белья и платья, в одних саках, изготовленных из оленьего меха [8]. Руководство партии и государственные структуры округа были в курсе сложившейся ситуации, но не имели возможности что-либо изменить [9].

Не лучше обстояло дело и с обеспечением школ мебелью. Промышленность края, а также госзакупки оказались не в состоянии улучшить положение. Ярким примером этому может служить ситуация в соседнем Ларьякском районе Ханты-Мансийского национального округа. На пленуме местного партийного актива даже после войны, в 1946 году было отмечено: «Попробуйте купить где-либо стол, стул или табуретку. Нигде не купите. Даже при том условии, что в районе имеется 3 предприятия местной промышленности. Попробуйте сделать заказ в промкомбинат на столы, стулья, диван или табурет, то не менее недели будете договариваться с ними о цене, так как те расценки, которые установлены окрсоветом, их не удовлетворяют и они начинают выискивать свои расценки» [10].

Говоря о школьном образовании Ханты-Мансийского округа, следует отметить, что одной из ключевых проблем в эти годы была организация сбора и подвоза детей к местам обучения. Внушительные расстояния между населенными пунктами, крайне неблагоприятные природно-климатические условия, неразвитость транспортных коммуникаций даже в мирное время создавали серьезные трудности выполнения задачи всеобщего обучения детей школьного возраста.

В 1941-1945 гг. проблемы школьного обучения еще больше усугублялись почти тотальной бедностью местного населения. Для значительного числа людей основной задачей в это время было элементарное физическое выживание. Ветеран педагогического труда г. Сургута А.Н. Оглоблина, современник победы в Великой Отечественной войне, описывает ужасный факт, который она наблюдала после войны в деревне Кушниково: «В доме шаром покати. Только куча пера без насыпушек, откуда торчали три детских ревуших лица. Ребятишки просили есть. И подобное встречалось почти на каждом шагу» [11].

К чести руководства образования края, учителей и родителей местных школ отсутствие государственного финансирования своим непосильным трудом компенсировали именно они. Школы Югры взяли на себя не только вопросы обучения детей, но также проблемы их обеспечения одеждой, обувью и едой. К примеру, в 1943-44 учебном году силами школ, общественности, родительских комитетов одеждой были обеспечены 22 учащихся, 167 человек – обувью, приобретено 564 метра мануфактуры, оказано иной денежной помощи населению на 4408 рублей [12].

Несмотря на исключительно сложные экономические условия, определенную, но очень важную помощь школам продолжали также оказывать и шефские организации. Как правило, это были предприятия, связанные с добычей и обработкой рыбы – Зарямский рыбозавод, Покурский рыбокоопчасток [13] и др. Финансовые возможности подобных организаций были невелики, а иной крупной промышленности на территории Среднего Приобья практически не было. Тем не менее, силами этих объединений только в

1943-1944 уч. году школам для детей коренных народов Севера было выделено 1000 метров мануфактуры, 200 пар валенок.

Благодаря этому в самый разгар войны ряд школ Сургутского района сумел в 1943-1944 учебном году на 100% охватить детей обучением (Ватинская, Песчановская начальные школы) [14]. К концу войны полного охвата подлежащих обучению детей добились уже 5 школ [15]. Однако в целом по району ситуация с привлечением учащихся в школу была в рассматриваемый период неблагоприятная. Всеобуч достигнут не был. Главной причиной этому учителя региона считали некачественное оформление сельскими советами учетной документации. Похозяйственные книги совершенно не позволяли точно установить количество детей школьного возраста в тех или иных населенных пунктах района.

Еще хуже обстояло дело с учетом школьников коренных национальностей. Родители-ханты попросту не регистрировали родившихся детей [16]. Это порой приводило к тому, что такие дети «обнаруживались» лишь в 17-18-ти летнем возрасте! Случались и более странные факты. Так, в поселке Тром-Аган в 1943 г. было учтено 67 потенциальных учащихся. Но впоследствии при проверке окроно было установлено, что в это число были включены 3 человека – умерших, 7 человек – тяжело больных, 2 человека – выбывших из района, наконец, трое из списка попросту школу уже закончили. В Аганской школе было учтено 40 человек, из них трое школу уже закончили, а восемь числились как «переростки» [17].

Кроме того, для выполнения задач всеобуча учителя должны были иметь возможность непосредственно выезжать в юрты. Однако на деле из-за финансовых и технических трудностей это было весьма непросто осуществить [18]. В связи с этим недостаточно была организована разъяснительно-массовая работа, особенно с родителями-ханты и манси. Местные учителя не знали языков народов Севера, поэтому не могли элементарно с ними изъясняться [19].

Не доверяя статистическим сведениям сельсоветов, местные учителя в конце войны стали активнее применять еще один метод учета детей школьного возраста – подворный обход. Более того, для того чтобы повысить эффективность этой работы, начали проводиться повторные учеты учащихся в октябре и декабре. Однако подворный обход был затруднителен из-за небольшого штата преподавателей.

Более того, сама география расположения районных школ не способствовала быстрому поиску не посещающей занятия молодежи. К примеру, в 1945 г. районный отдел народного образования с сожалением отмечал, что из 11-ти национальных школ региона учащиеся только двух (Усть-Балыкской и Салымской) самостоятельно добирались до мест занятий. Остальные же поселки располагались в глубинках притоков Оби, находясь на расстоянии сотен километров от школ. Путь в школу для многих детей лежал через тайгу, по болотам и речкам. Радиус ответственности за образование детей у отдельных школ (например, Тауровской начальной) распространялся едва ли не на тысячу километров, что совершенно не соответствовало штату учителей [20]. Учителя (в среднем не более 2-3-х человек в школе) были вынуждены на лодках лично ездить и собирать детей, но могли привезти их на занятия только с большим опозданием [21]. Это порождало у учителей чувство своей беспомощности и бесполезности [22].

Надо также заметить, что названная ситуация усугублялась действиями торгующих организаций. По распределению райисполкома в 1944-1945 учебном году школам района полагалось большое количество валяной обуви. Однако по вине работников торговли эта обувь в школы так и не поступила [23]. В результате этого добиться каких-либо серьез-

ных улучшений в данном вопросе местным общеобразовательным учреждениям так и не удалось. Не были решены также проблемы с завозом мануфактуры. При этом приоритет при обеспечении школьников отдавался детям фронтовиков [24]. Неудивительно при этом, что ежегодно в округе возрастала численность детей, не охваченных школой. Так, в 1940-1941 учебном году таковых насчитывалось 762 человека, в 1941-1942 уч. г. их количество возросло до 786-ти человек, а в 1942-1943 уч. г. – до 844 детей! [25].

Но даже в тех случаях, когда все вышеперечисленные проблемы удавалось решить, заметной проблемой в обучении учащихся становились сами общеобразовательные учреждения, их тепловое и световое обеспечение. Техническое состояние многих школьных объектов в годы войны оставляло желать лучшего. К примеру, в 1943-44 учебном году только 22 школы имели собственные здания. Остальные занимались в приспособленных помещениях. Кроме того, из 34-х школ 12-ть требовали капитального ремонта, остальные – текущего ремонта. Ремонт в основном производили силами педколлективов, что отвлекало их от решения главных образовательных задач.

Поскольку школы были преимущественно небольшими, с печным отоплением, важное место занимала проблема заготовки дров. Нужно заметить, что с заготовкой дров для школ район из года в год регулярно не справлялся. К примеру, в 1944 г. к началу нового учебного года было заготовлено лишь 5 260 кубометров вместо 7 920-ти по плану [26]. В итоге, Тундринская, Сургутская и Пилюгинская школы оказались не обеспеченными дровами к началу учебного года [27]. Во многом эти недостатки объяснялись тем, что дрова также заготавливались главным образом силами учащихся и учителей [28]. Вплоть до окончания войны ни государственно-партийные органы, ни хозяйственные объединения, ни представители общественности на помощь школам в деревозаготовках так и не пришли [29].

Еще одним вопросом, не решенным в школах района в годы войны, была организация питания учащихся Югры. Это также осложняло привлечение детей в школу. Отчасти улучшить ситуацию были призваны пришкольные земельные участки. К примеру, в 1943 г. всего в районе школами было засеяно 17 гектаров [30]. Но в силу незначительных сельскохозяйственных возможностей югорского края полностью обеспечить школы и интернаты Среднего Приобья нужным набором продуктов они были не в состоянии [31].

К концу войны проблема организации питания по-прежнему оставалась довольно острой. Пришкольные участки оставались, по сути, единственными источниками питания для школ. Колхозы в силу ряда причин помощи оказать практически не могли. В 1945 г. районным отделом народного образования отмечалась особенно слабая организация горячих завтраков в 5-ти школах: Ново-Покурской, Ямской, Погорельской, Сургутской и Пимской [32].

Наконец, последним важнейшим условием обучения школьников Ханты-Мансийского национального округа в данный период была качественная работа интернатов при школах. В 1943-1944 уч. г. в районе насчитывалось 12 интернатов, четыре из которых относились к национальным. Дети ханты и ненцев находились на полном вещевом и продовольственном государственном обеспечении.

Вместе с тем, в повседневной жизни этих учреждений было много недостатков. В первую очередь, пребывание в интернатах далеко не всегда было безопасным для их воспитанников. Так, это время в ряде интернатов (Тром-Аганском, Варьёганском, Дарко-Горшковском) отмечались случаи заболевания детей туберкулезом. Причем плохое меди-

цинское обслуживание, отсутствие отдельных помещений для заболевших детей способствовали тому, что остальные воспитанники заражались, уже находясь в интернате. Особенно тревожное положение в этом смысле сложилось в Тром-Аганском интернате [33]. Такие факты не содействовали желанию местного населения отдавать детей в школу.

Помимо этого, серьезной опасностью для воспитанников интернатов были не только эпидемии, но и обычные заболевания, связанные с плохой материальной базой этих заведений. Работники школьного образования неоднократно обращали внимание контролирующих инстанций на абсолютно неудовлетворительное состояние интернатов. Особенно это касалось верхнего нательного и постельного белья детей. Катастрофически не хватало одеял [34]. Учитывая холодные зимы в крае, подобные проблемы неизбежно вели к росту числа простудных заболеваний учащихся.

Не были решены в годы Великой Отечественной войны и проблемы обеспечения учебного процесса необходимой литературой. С одной стороны, уже в 1943 г. в районо заявили, что план закупки книг на 4 700 штук перевыполнен (реально приобретено 5 316 единиц литературы). С другой стороны, отмечалось, что по-прежнему не хватает букварей, учебников по русскому языку, книг для чтения и других [35]. Данный вопрос так и не был разрешен к 1945 году. Испытывался сильнейший недостаток в книгах для чтения, особенно для учащихся первого класса. В большинстве школ она присутствовала лишь в одном экземпляре. Аналогичное положение оставалось и с букварями: в лучшем случае одна книга приходилась на 4-5 учащихся. Не намного лучше обстояло дело с книгами для 5-10 классов. Так, в Сургутской средней школе грамматика Верхударова имелась всего в двух экземплярах, а учебник истории для 10 класса всего в одном экземпляре [36].

Не менее тревожной была и ситуация с наличием в общеобразовательных учреждениях Среднего Приобья тетрадей, мела и других необходимых для учебного процесса предметов. Даже в конце войны, когда победа СССР стала очевидной, вышеперечисленных вещей продолжало сильно не хватать. К примеру, тетрадями югорские школьники обеспечивались из расчета 3 тетради на одного ученика в год, что, на наш взгляд, не соответствовало действительным потребностям учащихся. Чернила местные школы и вовсе изготавливали самостоятельно из сажи, ягод, грибов и т.д. Мела также не было, вместо него чаще всего использовали белую глину. Катастрофически не хватало классных журналов. Вместо них использовались чистые листы в старых книгах и тетрадях [37]. Отсутствие тетрадей в линейку для 1-х классов отрицательно отразилось на качестве письма учащихся [38]. Все это значительно осложняло процесс обучения детей. С другой стороны, подобные трудности повышали у школьников интерес к образованию, его ценность, создавали ощущение причастности к великому делу выполнения задач государственной важности.

Война не лучшим образом отразилась и на педагогических кадрах школ Югры. Впервые, в годы войны наблюдалось их некоторое сокращение. Так, в 1940 г. в местных общеобразовательных учреждениях работало 805 учителей, а в 1942 году их насчитывало уже 742 человека, а в 1943 г. – 750. Из них лишь 5,5% преподавателей имели высшее образование [39]. То есть, сравнивая динамику изменения школьной сети и численности местного учительства, мы обнаруживаем, что численность школ хоть и медленно, но возрастала, при этом количество учителей снижалось. То есть меньшее количество учителей было вынуждено работать в большем числе школ, что само по себе говорило о нелегких условиях труда педагогов.

Недостаток внимания государства к проблемам легкой и пищевой промышленно-сти советской провинции болезненно сказывался на педагогах, трудившихся в регионе.

Вследствие этого учителя, работавшие в школах округа в эти годы, не могли даже обеспечить себя полноценным питанием. Особенно это касалось мясной пищи. По данным профессора Л.В. Алексеевой, проблемы с сокращением производства консервов и ловли рыбы начались в округе еще до войны [40]. Великая Отечественная война довела положение до угрожающего. Так, в Ларьякском (Нижневарттовском) районе даже в конце войны местные власти были вынуждены признать, что еды не хватало. Из-за недостаточной работы рыбартелей в магазинах нельзя было найти даже рыбу. Наблюдался также большой недостаток в мясе боровой и водоплавающей птицы, что также свидетельствовало о слабой работе промысловых хозяйств. Среди населения считались счастливыми те, кому удавалось купить в пищекомбинате килограмм рыбы или пару птиц [41]. Не хватало также молочной продукции. Никто также в округе полноценно не занимался заготовкой ягод для населения и изготовлением из них напитков [42]. Очевидно, что подобные условия совершенно не соответствовали потребностям и нуждам учителей Ханты-Мансийского округа.

Как мы указывали выше, не менее тяжело решались также учителями проблемы с покупкой мебели. Это мешало преподавателям не только наладить свой личный быт, но и решать проблемы материального обустройства своих школ. Школьных парт, другой элементарной мебели в регионе часто попросту не было. Схожая картина наблюдалась и с обеспечением местного учительства одеждой. В Среднем Приобье просто не хватало соответствующих мастерских и цехов. Особенно это относилось к сельской местности. В конце войны власти все того же Ларьякского района были вынуждены признать: «Те цеха, которые имеются по промартели, ни в коей мере не обеспечивают потребности населения одного Ларьяка, не говоря уже о качестве и четкости их работы. Остальное население лишено возможности не только сшить новое, но и отремонтировать старое» [43]. Следует к тому же учесть, что отсутствие у местного населения одежды и обуви касалось также детей. Нередко это делало невозможным попадание учащихся в школу даже в тех случаях, когда они были своевременно учтены [44]. Поэтому учителя были вынуждены не только с большим трудом решать собственные проблемы, но также пытаться обеспечить одеждой своих учащихся.

Определенные перемены произошли также в содержании учебно-воспитательного процесса в школах края. Существенно снизилась в школьных документах военного времени требовательность органов народного образования к уровню и качеству успеваемости местных школьников. К примеру, в 1940-1941 уч. г. общая успеваемость школьников региона составляла 78,8%, на следующий год она выросла до 81,8%, а в 1943 г. снова снизилась до 80,9% [45].

В свою очередь, возросла та часть деятельности школ Ханты-Мансийского национального округа, которая могла быть каким-либо образом полезна фронту. Это проявлялось в порой не совсем оправданных решениях. Так, в 1943 г. в школах округа активно обсуждалась идея введения в младших классах предмета «военное дело» вместо уже принятой формулировки «оборонно-физкультурная работа». Началось даже закрепление за военниками неполных средних школ и начальных школ [46]. Однако, в силу сложности и бессмысленности выполнения этой задачи, то есть фактического дублирования дисциплин «физкультура» и «военное дело», в начальных классах эта идея просуществовала лишь несколько лет.

Более распространенной была графа «помощь фронту» в отчетах образовательных учреждений Югры в годы войны. В основном она заключалась в участии учителей и

школьников в ловле рыбы для нужд армии, сборе грибов и ягод, а также сборе теплых вещей для солдат [47].

Подводя итог, следует сказать, что окружная общеобразовательная школа Ханты-Мансийского национального округа в 1941-1945 гг. переживала сложнейший период своего существования. Помимо традиционных для советской провинции «социальных болезней»: огромных расстояний, недостатка финансирования появилась и еще одна объективная проблема – невнимание со стороны властей. В подобных условиях школа «выживала» в значительной степени самостоятельно: решала материально-технические проблемы, обеспечивала детей одеждой и едой, собирала их в школу и т.д. Несмотря на это, в основном она сумела решить главные задачи учебно-воспитательного процесса, что может считаться настоящим трудовым подвигом.

Примечания

1. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 17. Л. 47.

2. Архивный отдел Администрации г. Сургута – Сургутский городской архив (СГА). Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.

3. СГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 33-34.

4. Там же. Л. 34.

5. Там же. Л. 23.

6. Там же. Л. 23.

7. ГАСПИТО. Ф. 96. Оп. 16. Д. 1. Л. 23.

8. СГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

9. СГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.

10. ГАСПИТО. Ф. 96. Оп. 16. Д. 1. Л. 25.

11. Оглоблина А.Н. С самого начала войны мы сразу стали взрослыми // Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей /Редактор-составитель Ю.А. Дворяшин. – Выпуск 1. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. – С. 62.

12. СГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

13. Там же. Л. 1.

14. Там же. Л. 1.

15. Там же. Л. 21.

16. Там же. Л. 2.

17. Там же.

18. Там же.

19. Там же.

20. Там же. Л. 22.

21. Там же. Л. 22.

22. Силин А.И. Труды и дни учителя //Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей /Редактор-составитель Ю.А. Дворяшин. – Выпуск 1. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. – С. 29.

23. СГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.

24. Там же. Л. 20.

25. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 17. Л. 47.

26. СГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.
27. Там же. Л. 15.
28. Там же. Л. 15.
29. Там же. Л. 21.
30. Там же. Л. 15.
31. Там же. Л. 3.
32. Там же. Л. 20.
33. Там же. Л. 2.
34. Там же. Л. 3.
35. Там же. Л. 13.
36. Там же. Л. 22.
37. Там же.
38. Там же.
39. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 17. Л. 47.
40. Алексеева Л.В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.). – Ханты-Мансийск: «Полиграфист», 2008. – С. 63.
41. ГАСПИТО. Ф. 96. Оп. 16. Д. 1. Л. 25.
42. Там же. Л. 25.
43. Там же.
44. СГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.
45. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 17. Л. 47.
46. Там же. Л. 65.
47. Кайдалова А.И. Ценить настоящее! //Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей /Редактор-составитель Ю.А. Дворяшин. – Выпуск 1. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. – С. 47.

И.М. Куликова

«ПОЭТ, ВЗРАЩЕННЫЙ ТОБОЙ»: О ПОЭТАХ И ПИСАТЕЛЯХ ЮГРЫ И ЯМАЛА В ГОДЫ ВОЙНЫ

«Имена на поверке» – так когда-то назывался сборник стихов поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Среди них Н. Майоров, М. Кульчицкий, П. Коган, З. Городиский и другие, сегодня почти забытые мастера слова. В том сборнике не было имен хантыйских, мансийских, ненецких поэтов. Литературы этих народов еще только зарождались, находились в процессе становления и развивались очень медленно, имена немногочисленных представителей были неизвестны читающей публике, а творчество их было тогда далеким от совершенства. Однако поэты и писатели Югры и Ямала стали в строй вместе со страной, чтобы защитить то, что им было дорого.

Погибли на фронте Дмитрий Павлович Тебетев, сказитель и сочинитель песен-импровизаций, и Даниил Тарлин, один из первых хантыйских писателей 30-х гг., автор стихов, песен, коротких рассказов. Погиб в 1942 (1943) г. художник Константин Леонидович Панков, получивший в 1937 г. Гран-при на выставке в Париже и написавший тогда же автобиографический рассказ «Когда я рисую». Еще раньше, в 1941 г., погибли на фронтах Алексей Семенович Тайбарей, знаток и собиратель ненецкого фольклора, и Антон Петрович Пырерка, фольклорист, переводчик и писатель, один из основоположников литературы европейских ненцев. Погиб на войне Илья Сергеевич Гудков, молодой северо-восточник, приехавший в Остяко-Вогульск по путевке Наркомпроса и организовавший вместе с Викторией Вячеславовной Сенкевич литературную жизнь в регионе. Под их влиянием формировались и входили в литературу многие хантыйские и мансийские поэты и писатели – Г. Лазарев, Л. Вайветкин, В. Тарлин, Д. Тарлин, Д. Тебетев, М. Вахрушева, Н. Свешников. В блокадном Ленинграде умерла Александра Константиновна Подгорская, также много сделавшая для становления литературы Севера: по ее инициативе и под ее руководством будущие поэты и писатели, тогда студенты Северного факультета, делали первые пробы пера.

Трагически сложилась судьба писателя и фронтовика Пантелеймона Кирилловича Чейметова (Пантелея Еврина), автора первой прозаической повести на мансийском языке – «Два охотника». Чейметов воевал на Северном флоте, в Крыму, на Балтике, Украине, служил в «СМЕРШе», дважды был ранен. В 1944 г. он был отозван с фронта, а в начале 1947 г. его не стало. В том же году ушел из жизни Иван Федорович Ного, перенесший в годы войны серьезное заболевание, потеряв погибших на фронте двух приемных сыновей, – первый ямальский ненецкий драматург. Воевал, под Бреславлем был тяжело ранен, стал инвалидом Иван Антонович Юганпелик, автор стихов и сказки на ненецком языке, поэмы «Девушка Сихирти».

Прошел дорогами войны первый поэт хантыйского народа Григорий (Киркур) Дмитриевич Лазарев, воевал под Сталинградом, был награжден орденами и медалями. После войны он длительное время занимался партийной, редакторской, журналистской деятельностью, в эти годы развился его писательский талант: он был один из первых ханты, кто начал писать прозу на родном и русском языках. Вернулся после Победы домой Кирилл Посохов, один из авторов сборника «Хантэйская и мансийская поэзия» (1940),

выбравший стезю кадрового военного. Прошел всю войну Михаил Александрович Казанцев, стоявший у истоков мансийской литературы. Он является автором всего одного произведения – «Рассказа о себе» (1949). Свою дальнейшую судьбу М. Казанцев связал с юриспруденцией, с деятельностью прокурора, позже входил в правление ассоциации «Спасение Югры».

Будучи инвалидом с детства, не смог принять участия в военных действиях Иван Григорьевич Истомин – общественный деятель, писатель, журналист, художник. Но и в тылу он делал все, чтобы приблизить победу: взяв на себя сложные обязанности парторга оленеводческого совхоза, он пропагандистскими и агитационными методами поддерживал веру в силу сражающихся. Коми по происхождению, И. Истомин хорошо знал русский и хантыйский языки. Но свою первую и многие последующие книги он написал на ненецком языке, заложив начала ненецкой литературы на любимом им Ямале.

Многие писатели и поэты трудились в тылу, честно выполняя свой профессиональный и человеческий долг. Среди них Петр Ефимович Хатанзеев, переводчик литературных сказок А.С. Пушкина, автор хантыйского букваря и первых учебников по хантыйскому и ненецкому языкам, учитель, собравший богатейший материал по истории и этнографии ханты и православии на Ямале. Матрена (Матра) Панкратьевна Вахрушева (Баландина), одна из зачинателей литературы манси, ученый и педагог, автор учебников по мансийскому языку, провела год в блокадном Ленинграде, а потом до конца войны учительствовала в национальной школе в родной Югре. Анна Митрофановна Конькова – самая известная сегодня сказительница, поэтически обработавшая устное творчество своего народа, тоже работала учителем в годы войны и обучала меткой стрельбе своих учеников, некоторые из которых позже погибли на фронте; ушел и не вернулся с войны и ее муж, навсегда оставшийся под Ленинградом.

Неизвестно до сих пор, что написали в годы войны эти мастера слова. Никто из исследователей специально данным вопросом не занимался. Упоминается лишь последний рассказ И. Ного «Мой друг – снайпер» (1943) [1]. Известно, что на фронте начал писать стихи на родном языке И. Юганпелик. Ничего не опубликовали в 1941-1945 гг. ни Г. Лазарев, ни П. Чейметов, ни кто-либо еще из фронтовиков. Более того, война почти не изображается и в первые послевоенные годы. Крайне скупо отразил участие своего героя в трех войнах – с белофиннами, с гитлеровской Германией, с японцами – М. Казанцев (1949). Довольно схематично изображено военное лихолетье и в повести М. Вахрушевой «На берегу Малой Юконды» (1949): известно лишь о создании ее героиней школьных кружков ПВХО и ворошиловских стрелков, о том, что ученики и взрослые заготавливали рыбу для нужд фронта, понимая, что каждый килограмм рыбы был «как снаряд по врагу». Сумел художественно воссоздать свое военное детство и труд в тылу, когда каждая рыбина шла на армейские нужды, а сама тундра жила впроголодь, пожалуй, только В. Ледков в повестях «Розовое утро», «Раненый рассвет», «Метели ложатся у ног». Но он не был ямальцем. В. Огрызко расценивает эту особенность как серьезный художественный просчет, указывая на неумение авторов развернуть существенные для понимания характеров героев биографические факты [2]. Думается, дело не только и не столько в этом. И даже не в том, что многие писатели отошли от активного творчества: одни выбрали иной жизненный путь (М. Казанцев, К. Посохов), других отвлекала партийная, общественная, редакторская деятельность (Г. Лазарев, И. Истомин). Основная причина, видимо, заключена в том, что война не оказала глобального влияния на изменение этнического сознания северных этносов. Серьезные сдвиги в системе ценностей, смена этни-

ческих стереотипов, «размывание» ментальных основ связаны с другими эпохальными событиями XX в.: социальной революцией 1917 г. и техногенной революцией 60-80 гг. Мировая война шла далеко от родного дома, она ассоциировалась с чем-то чужим, посторонним и противоестественным, то есть внеприродным, негармоничным, непонятым. Менталитет северных этносов принимает только тот мир, который не является внешним по отношению к конкретному человеку, в котором каждый «способен идентифицировать себя с явлениями окружающего мира, где все такое же живое, как он сам, но иное» [3]. Война была чужеродной вдвойне, поскольку это была война техники, война одной цивилизации против другой. Здесь же люди по-прежнему жили в родном и близком доме – в тайге, по берегам речушек, рыбачили и охотились, тянули невод, солили рыбу, выслеживали зверя.

Заслуга писателей довоенного и военного десятилетий в другом: они были первыми, они были первопроходцами в литературе, они осваивали сферы профессиональной культуры (первый поэт, первый писатель, первый драматург). Были первые произведения на языках ханты, манси, ненецком. Были первые произведения этнических писателей на русском языке. Были обозначены очень важные для этих народов темы и проблемы, были опробованы первые способы их художественного отражения и воплощения. Были намечены пути, по которым будут развиваться хантыйская, мансийская, ненецкая и русская литература этого региона.

Литературное творчество народов Севера формировалось в рамках советской литературы, соответствовало принятым стандартам. Тематика и стилистика работ отражали идеалы эпохи, провозгласившей в качестве основных ценностей героизм, служение Родине, трудовые подвиги. Поэты и писатели отдавали свои силы общему делу – как это требовало время, боролись против невежества, предрассудков, разъясняли смысл сложных социальных перемен – теми методами, которые считали верными, и искренне верили в правоту нового мира. «Я песни тебе слагаю, Поэт, возвращенный тобой», – писал тогда Г. Лазарев. Многие ценности, провозглашаемые коммунистической идеологией, не только соотносились с общечеловеческими максимумами, но и соответствовали этническому миропониманию. Дружба народов, мир во всем мире, труд как ценность, даже доминирование коллективного, общего над личным – все это накладывалось на ментальные основы этноса. Первыми переводами на родные языки были «Интернационал» (Г. Лазарев), политические тексты, произведения русской литературы. Поэты создавали стихи о Ленине, Ворошилове, о дружбе людей разных национальностей, о современной женщине, отвергшей предрассудки прошлого, и др. В сюжетном плане произведения писателей Севера в 1930-40-е гг. соответствовали традиционной для того времени схеме, когда шло противопоставление двух миров – старого и нового, а главные герои всегда были на стороне победившего строя. Так, герой М. Казанцева и героиня М. Вахрушевой предпочитают старинному укладу культурные ценности нового мира; жаждет быстрее освободиться от старых устоев и Василий у П. Чейметова.

Но писатели, соотнося свои произведения с современной им реальностью, смогли наметить тот круг явлений, который существенно повлияет на дальнейшую судьбу их народов. Так, своей повестью и образом пожилого охотника Трофима П. Чейметов («Два охотника»), по сути, впервые обозначил ту линию в литературе, ту тему и тех героев, которые будут доминировать в этнической прозе 60-80-х гг.: проблему выбора, стоящую перед представителями этнических меньшинств. Герой П. Чейметова соткан из противоречий и не стремится отказываться от традиционного уклада, хочет гармонично соединить прежнее и новое. Многие герои современной литературы (главным образом, моло-

дое поколение) будут предпринимать попытки соединить установки прошлого с новыми реалиями и ценностями.

В творчестве писателей довоенного и военного поколений будут затронуты и другие серьезные проблемы. М. Казанцев в своем рассказе наметит проблему разрыва в цепи поколений, нарушение трудовой и духовной преемственности между родителями и детьми. В основе сопротивления старшего поколения тому, что их детей увозят в интернаты изучать другую культуру, лежит стремление сохранить основы культуры предков. Конечно, эта тема у них еще не имела того трагического звучания, который она приобретает в 70-80-е гг. В произведениях М. Казанцева, М. Вахрушевой затронута и проблема родного языка в условиях доминирования другой культуры. Более акцентирована она в повести М. Вахрушевой («На берегу Малой Юконды»). Вопрос этот очень скоро напрямую коснется не только рядовых носителей языка, но, в первую очередь, самих писателей и этнической интеллигенции в целом. Он станет едва ли не главной темой многочисленных дискуссий о судьбе культуры и будущем малых этносов в современном мире.

Начало формирования этнических литератур связано с активным обращением к устному творчеству своих народов. Сознание мастеров слова Севера ориентировано на миф и фольклор – «историсофскую опозитизированную энциклопедию всех сфер народного бытия» [4]. Фольклор и мифологические сказания станут важнейшим источником творчества этнических художников слова. Из родников народной поэзии зародилось творчество Г. Лазарева, А. Коньковой, И. Юганпелика. Это самая сильная сторона их творчества. Тесно связана с народной фольклорной поэтикой повесть М. Вахрушевой. В. Лебедев находит аналогии ее сюжета с жанром «песни судьбы», «песни-биографии», отмечает фольклорные черты в стилистике, в ритмическом рисунке произведения [5]. Эта выявленная особенность оказалась весьма перспективной с точки зрения ее художественного потенциала. По аналогии с фольклорными образцами позже будут созданы литературные сказки, подвергнутся художественной обработке и пересказу фольклорные тексты: Д. Лазарев издаст сборник «Рассказы и сказки старого Ики», И. Истомин – детскую книгу «Ненецкие сказки», И. Юганпелик – ненецкую сказку в стихах «Хитрый Нардалеко», А. Конькова – «Сказки бабушки Аннэ». Опора на мифофольклорный, традиционный субстрат национальной культуры, использование особенностей поэтики фольклора, обращение к символике мифов, легенд, сказаний, апеллирование к образам и сюжетам древних эпосов и сказок определит своеобразный облик этих литератур в 70-80-е гг., придаст им философскую глубину и выделит на общем фоне многообразного, сложного, разнопланового литературного процесса современности. «Лица необщее выраженье» будет определяться, прежде всего, этой органической связью с фольклором, архаическим мироощущением самих авторов.

В литературе довоенного и военного десятилетий наметится преодоление романтического метода. Б. Комановский связывал становление реализма в прозе Севера уже с повестью П. Чейметова [6]. Формирование нового метода изображения действительности определялось, скорее всего, стремлением изобразить сложную ломку в сознании целого народа, когда старое и новое тесно переплетались, приспособлялись друг к другу либо уничтожали друг друга. Хотя необходимо признать, что романтические тенденции, переплетенные с очень сильной лирической основой, достаточно активно заявят о себе в 60-70-е гг. Наличие романтической доминанты проявится в семантике образов, в возвышенно-поэтической трактовке особенностей быта, хозяйственной деятельности, в отношении к природе, в описании духовной культуры своего народа, в поэтизации естествен-

ной, органичной жизни простого человека. Эти литературы пройдут свой собственный путь от романтизма к реалистической манере письма, а затем и к использованию иной стилистики и иных приемов художественного отражения изменяющегося мира, его ценностных парадигм.

Все это будет позже: и художественное совершенство произведений, и определение своего голоса и своего стиля, отличного от других, и философское осмысление судьбы своего народа и страны. Но заслугу писателей и поэтов 30-40-х гг. переоценить невозможно. Они навсегда останутся первыми создателями и первыми защитниками нового мира и нового миропонимания. В год 65-летия Великой Победы мы вновь вспоминаем их имена.

Примечания

1. Огрызко В.В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: Библиографический справочник: в 2-х ч. – Ч.1. – М.: Лит. Россия, 1998.
2. Мансийская литература /Сост. Огрызко В.В. – М.: Литературная Россия, 2003. – С. 27.
3. Молданова Т.А. Хантыйское мироощущение в творчестве Г.С. Райшева // Геннадий Райшев: Грани творчества / Материалы научно-практической конференции. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2000. – С.17.
4. Ненецкая литература / Сост. Огрызко В.В. – М.: Литературная Россия, 2003. – С. 210.
5. Мансийская литература / Сост. Огрызко В.В. – М.: Литературная Россия, 2003. – С. 36.
6. Комановский Б. Пути развития литератур народов Крайнего Севера и Дальнего Востока СССР: Библиографический справочник. – Магадан, 1977.

Е.А. Максимов

ФРОНТОВАЯ ПЕСНЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Шестьдесят пять лет минуло с тех пор, как закончилась вторая мировая война, оставившая глубокий след в сердцах её участников и современников. Война с использованием средств массового физического уничтожения и морального подавления противника. Одним из них была пропаганда, нацеленная на устрашение населения, панику и психологическое напряжение армии и тыла. Использовались самые разнообразные методы, например, раскраска вооружения (самолётов, танков, боеприпасов и обмундирования), звуковые атаки-сирены, заброс и распространение листовок, дезинформация по каналам связи и так далее.

Известная советская поэтесса Ольга Берггольц (1910-1975), пережившая ленинградскую блокаду, потерявшая в ней отца и мужа, вспоминает об одном из октябрьских дней 1941 года, в период своей работы в иностранном отделе Радиокomiteта: «Я никогда не забуду один ...вечер, когда уже голод властно входил в Ленинград, а немец штурмовал город... Мы ...слушали передачу из штаб-квартиры Гитлера... Сначала мы услышали ревущие фанфары; они даже не проревели – они прорычали какой-то грубый, наглый торжествующий марш. Сытый и в то же время жестяной голос произнёс: «Сейчас будет говорить штаб-квартира фюрера». Потом снова пять минут ревели фанфары... И вот ...сытый самодовольный голос почти лениво произнёс, что «под Москвой окружено и уничтожено несметное количество» наших войск, что дни большевистской столицы сочтены, а Ленинград тоже обречен. И после ...долго и грубо ревели ...фанфары и вдруг... без паузы, страшный этот, дикий марш перешел в беспечный, мурлыкающий фокстрот. Фокстрот следовал за фокстротом, и томное танго за танго, без остановки, пока в темном нашем городе, отрезанном от всей страны, стучал метроном. Он стучал учащенно, как напряженное сердце, – в городе шла воздушная тревога. А фашистский Берлин, разбойничий притон, веселился! Они отплясывали и ликовали потому, что реки крови пенились в России, горели тысячи русских деревень и на ленинградских улицах женщины и дети уже падали от голода» [1].

В свою очередь, советское руководство поощряет контрпропаганду, используя аналогичные приёмы [2], активизирует деятельность работников культуры по созданию произведений, призванных укрепить веру народа в силы армии и флота. Уникальным явлением в этом контексте было возникновение фронтовой военной песни. Истории ее появления на начальном этапе Великой Отечественной войны посвящена данная статья.

«Песня – фронту» становится девизом советских композиторов и поэтов. За первую неделю войны было создано около двухсот новых песен, отразивших сложнейшую обстановку периода [3].

Действительно, в ходе стремительного наступления немецких войск, которое сопровождалось окружением крупных военных сил Красной Армии, за четыре дня (к 26 июня 1941 г.) Западный фронт перестал существовать. Немецкие танки вышли к Минску. По некоторым данным, общее число убитых, раненых и попавших в окружение составило 400 тысяч человек. 16 июля 1941 г. немцы вошли в Смоленск. До Москвы оставалось 350 км. 22 июля 1941 г. командующий Западным фронтом генерал

Дмитрий Павлов и ещё восемь других генералов были расстреляны, их семьи высла- ны за Урал, в Сибирь [4].

По всей стране проходит волна мобилизаций и запись добровольцев на фронт. В этой связи интересна история создания одной из первых песен того времени – «Священной войны».

Газеты «Известия» и «Красная звезда» 24 июня 1941 года опубликовали стихотво- рение В.И. Лебедева-Кумача, начинавшееся словами: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...». По свидетельству современника, Евгения Долматовского, замысел этих стихов возник у поэта еще до войны. За несколько дней до нападения Германии на СССР под впечатлением кинохроники, где показывались налеты фашистской авиации на Варшаву и города Испании, В.И. Лебедев-Кумач занес в записную книжку слова: «*Не смеют крылья черные / Над Родиной летать...*».

Впоследствии, переписывая и дорабатывая отдельные строки, автор создаёт цельное произведение. Стихотворение прочёл его друг, композитор, руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной Армии А.В. Александров. В сжатые сроки он написал музыку к нему, и уже 27 июня 1941 года она прозвучала на Белорусском вокзале Москвы, откуда отправлялись на фронт боевые эшелоны [5].

Ветераны ансамбля вспоминают, как это было. После одного дня репетиций музы- канты выехали для выступления перед бойцами. Здание вокзала до отказа заполнено во- енными, у многих новое, еще не пригнанное обмундирование. В зале ожидания шум, рез- кие команды, звуки радио. На деревянный помост поднимаются артисты. Слова ведуще- го о том, что сейчас впервые прозвучит песня «Священная война», тонут в общем гуле, но с первых тактов песня захватывает новобранцев. После второго куплета наступает тишина. Многие встали, как во время исполнения гимна. У некоторых появились слёзы. Песня утихла, бойцы потребовали повторения вновь и вновь, пять раз подряд пел ан- самбль «Священную войну». Так начался боевой путь этой песни [6].

Ее пели всюду – на передовой, в партизанских отрядах и в тылу. Каждое утро она звучала по радио. В летописи войны есть немало эпизодов о том, как она вступала в бой. Один из них относится к весне 1942 года. Небольшая группа защитников Севастополя заняла оборону в пещере, выдолбленной в скале. Противник штурмовал её, забрасывая гранатами. Силы защитников таяли. И вдруг из глубины пещеры послышались слова:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!..*

Затем раздался взрыв, обломки скалы завалили оборонявшихся...

Действительно, отдельные части песни звучат как заклинание, как присяга, зову- щая к яростной борьбе и сопротивлению [7]:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная.
Священная война.
Как два различных полюса.
Во всем враждебны мы.
За свет и мир мы боремся.
Они — за царство тьмы.*

*Пойдем ломить всей силою.
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой.*

Итак, миллионы людей оставляют жён и детей, надевают солдатские шинели и берутся за оружие. Эшелонами увозят на фронт новобранцев. Тема «прощания» становится актуальной для советского искусства. Перед художниками возникает задача: традиционную для песенного фольклора тему необходимо решить по-новому – без уныния и тоски, с верой в будущее и оптимизмом, с надеждой на встречу. За неё взялись поэт Михаил Исаковский и поэт Матвей Блантер.

«Слова новой песни Михаил Исаковский продиктовал мне по телефону, – вспоминает Блантер. Это было 23 июня 1941 года. Я чувствовал, что как воздух нужна песня, которая укрепляла бы веру в нашу победу. И слова Исаковского мне показались именно такими. Несколько часов я не отходил от фортепиано. Вечером, когда музыка была готова, я позвонил Михаилу Васильевичу и спел в телефонную трубку «До свиданья, города и хаты». Утром следующего дня в Союзе композиторов я показал новинку своим товарищам. А. Хачатурян, Д. Кабалевский, В. Шебалин, И. Дунаевский меня поддержали. 29 июня 1941 года новое сочинение под заголовком «Прощальная песня» опубликовала газета «Правда» [8]:

*До свиданья, города и хаты -
Нас дорога дальняя зовет.
Молодые, смелые ребята,
На заре уходим мы в поход.*

*На заре, девочки, выходите
Комсомольский провожать отряд.
Вы без нас девочки не грустите –
Мы придем с победою назад.*

*Мы развеем вражеские тучи,
Разметим преграды на пути,
И врагу от смерти неминучей,
От своей могилы не уйти.*

В Москве 21 июля 1941 года раздались сигналы воздушной тревоги. Более двухсот самолетов противника приближались к городу. Это был первый налет вражеской авиации. Так началась долгая воздушная битва за столицу, в течение которой на Москву было сброшено более ста тысяч зажигательных бомб. Но город выстоял, и в этом заслуга не только армии, лётчиков и зенитчиков, но и тысяч москвичей, добровольцев-дружинок.

Среди них был молодой композитор Сигизмунд Кац: «Я хорошо помню свой пост № 4, чердачное окно, улицу. Иногда в перерывах между авианалетами приходилось сидеть «без дела», и мы – дворовая ПВО, пользуясь этим, слушали и смотрели, как вдалеке от нашего района грохотали зенитки и скрещивались стрелы прожекторов. В такие ночи я обычно пытался сочинять – это немного отвлекало от тяжелых мыслей... и ...избавляло от чувства страха» [9].

В это же время поэт Владимир Дыховичный выступал с концертами в одном из московских госпиталей. Однажды он обратил внимание, что под лестницей стоял станковый пулемет «максим». Поэту рассказали, что в одной из палат лежит раненый пулеметчик, которого зовут Максимом. Когда он через несколько дней снова побывал в госпитале, то узнал, что «тезки», Максим-пулеметчик и его оружие, вернулись на фронт. Постепенно у поэта сложились строки:

*На границе шумели березки,
Где теперь пришлось нам воевать,
Там служили-дружили два тезки –
– Их обоих Максимами звать.
Был один - пулеметчик толковый
(Познакомьтесь с Максимом моим!),
А другой – пулемет был станковый
По прозвищу тоже «максим».*

*От осколка германской гранаты
Не случилось уберечься им:
Пулеметчик был ранен, ребята,
Поврежден пулемет был «максим».
Дни леченья проносятся мимо,
И дружку произведен ремонт,
И опять оба тезки Максима
Возвращаются вместе на фронт.*

*А на фронте – горячий и хлесткий
Ураганный бой гудит опять.
И опять служат-дружат два тезки,
И обоих Максимами звать.
Снова точно наводит наводчик,
С максимальной силою бьет.
«Так, так, так» — говорит пулеметчик,
«Так, так, так» — говорит пулемет.*

Получив их, Сигизмунд Кац пишет музыку, которая становится популярной мелодией советского фронтового радио. Обычно её передавали после сообщений об удачных действиях войск. «Нередко, – вспоминал композитор, – собравшиеся у репродукторов говорили: «Сегодня на фронте дела, видно, хороши, опять «Максимов» передавали...» [10].

Между тем, к осени 1941 года положение на фронте оставалось сложным. Особенно тяжело приходилось бойцам войск Южного фронта. Рано наступили заморозки, в ноябре выпал снег, затем потеплело, дороги «раскисли» и покрылись грязью, в которой вязли машины, орудия и солдатские сапоги.

В эти дни родились стихи:

*Теплый ветер дует. Развезло дороги,
И на Южном фронте оттепель опять.
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге.
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.*

*Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя – за то, что ты дал мне закурить.
Давай закурим, товарищ, по одной,
Давай закурим, товарищ мой!*

*А когда не станет горя и в помине
И к своим любимым мы придём опять, –
Вспомним, как на Запад шли по Украине...
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.*

Написал их старший батальонный комиссар Илья Френкель, служивший тогда в редакции газеты Южного фронта «Во славу Родины». Судьба свела его с композителем, гвардии капитаном Модестом Табачниковым. «Стихи так увлекли и захватили меня, что я сразу же принялся за работу. И уже на следующее утро сыграл товарищам новую песню. Вскоре она была опубликована в газете «Во славу Родины». «Давай закурим» – моя первая и самая любимая песня. С нее и началась моя творческая жизнь на фронте», – указывал он [11].

Впервые она прозвучала на вечере – годовщине Октябрьской революции 7 ноября 1941 года, в станице Каменской. Второе исполнение состоялось под Новый 1942 год в одном из артиллерийских полков.

Музыку на стихи «Давай закурим» впоследствии написало много композиторов. Но в историю Отечественной войны вошла песня, созданная М. Табачниковым. Ее исполняли и профессиональные ансамбли, и самодеятельные коллективы. В 1942 году Табачникову довелось побывать в командировке в Москве, и он представил её Клавдии Шульженко. «И как я был счастлив, – вспоминал он, – когда через год на фронте увидел пластинку с двумя моими песнями. Одна из них была – «Давай закурим» [12].

Впоследствии Илья Френкель не раз задумывался, почему песня с таким, казалось бы, «легкомысленным» текстом, осталась в памяти фронтовиков: «Установил я одно, что за моей спиной годы встреч со множеством людей. И часто поводом к общению служило «Нет ли закурить?». Или приглашение: «Давай закурим». Чиркнет огонек, выдохнется струйка или колечко дыма, и – лед разбит, завязалась беседа, иногда знакомство, и нога и больше и надолже... А военному человеку закурить означало еще и предметное ощущение связи с домом, с кругом близких» [13].

Так возникала солдатская дружба, и именно о ней говорила песня, вместившая в себя гнев против захватчиков и гордость за великое фронтовое товарищество, спаянное волей к победе.

Итак, с первого дня Великой Отечественной песня всегда была с солдатом. Она помогала ему преодолевать трудности и лишения фронтовой жизни, поднимала и сплывала боевой дух воинов. Как верный друг, она не покидала его в минуту грусти, скрашивала разлуку с любимой, с родными и близкими. Она шла с ним в бой, вливая новые силы, отвагу и смелость.

Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, вспоминая первые, тяжелые месяцы войны, писал: «Именно тогда... у народа-великана – советского народа, и, прежде всего, у русского народа, родилось... много песен. Они были бодры и воспевали Родину, воспитывали ненависть к врагу, мужество, отвагу и боевую дружбу, – все то, что помогало преодолеть военные трудности...» [14].

Примечания

1. Берггольц О. Доброе утро, люди! // Память: Стихотворения, поэмы, проза. – СПб.: «Азбука-классика», 2009. – С. 266-267.

2. Ольга Берггольц отмечает, что нередко по заданию иностранного отдела, «который... величественно именовали «отделом контрпропаганды», она писала короткие воззвания, обращённые к немцам, затем их наговаривали на пластинку и отвозили на передний край, к Ижорскому или Путиловскому заводу, где «передавали через радиоузел так, чтобы слышал противник». Там же. – С. 266.

3. Друзья – однополчане. Рассказы о песнях, рождённых войной / Сост. А.Е. Луковников. – Изд. 2-ое, доп. – М.: «Музыка», 1980. – С. 4.

4. Петрушин А.А. В июне 1944-го (Судьба командарма – 24) // Родина. – 2007. – № 5. – С. 9, 10.

5. Друзья – однополчане... С. 10-11.

6. Там же. – С. 11-12.

7. Там же. – С. 12-13.

8. Там же. – С. 20.

9. Там же. – С. 35.

10. Там же. – С. 35-36.

11. Там же. – С. 48.

12. Там же. – С. 49.

13. Там же.

14. Там же. – С. 4.

Л.В. Кокшаров

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Моё детство пришлось на годы Великой Отечественной войны. Наравне с взрослыми мы ковали Победу, приближали её светлый час. Нас – миллионы. Сейчас мы, дети войны, тоже уже в возрасте, отработали и отслужили своё государству. И пора уже ему самому позаботиться о нас. Считаю, что мы достойны внимания, в чём многие меня поддерживают. Вот почему и хочу рассказать о тех трудных годах, о том, что пережил и прочувствовал сам.

Родился я в семье колхозника в 1934 году, в Краснодарском крае, станице Поповическая Кагановического района. В начале Великой Отечественной войны, когда немцы ещё не захватили этот край, нашей семье удалось эвакуироваться в Зауралье, на родину моих родителей. Новым местом жительства стало село Ильинка Катайского района. Дни эвакуации помню очень хорошо: ехали больше месяца, пережили не одну бомбёжку. После одной из них у меня на правой руке осталась глубокая царапина от осколка бомбы.

Отец в начале войны добровольцем ушел на фронт. Мать работала в колхозе, в овчарне: тогда в нашем крае широко было развито овцеводство. В 1942 году мать сильно заболела, слегла. Я остался хозяином в доме-пятистенке, где тогда жила моя семья. Из детей я был старшим по возрасту, сестра была на два года моложе, брат – на четыре. В том же году пошел в школу.

Но учиться было трудно. Зима 1942 года была снежная, морозная. Было и холодно, и голодно. Так как я был в семье старшим, мать сказала: «Школа школой, а о дровах заботиться придется тебе, дом-то отапливать надо...». И приходилось мне из соснового леса таскать сухие сучья несколько раз в день. Помню, дед-сосед сделал мне большие деревянные санки-дровни, научил сучья с сосен крючком ломать. Сам он тоже в лес за дровами ходил. Тропинку протопчет в глубоком снегу, чтобы мне не пришлось в нем барахтаться, сучья, что повыше, обломает, а те, что ниже растут, мне оставит. И шест с крючком на сучок повесит, чтобы мне легче было их ломать. Первую и вторую «ходки» еще как-то одолевал, а третью уже приходилось делать со слезами: тянуло руки и ноги, саднило пальцы от холода и царапин об острые сучья.

Питание было плохим. Ели в основном картошку. Хлеба в колхозе не давали. Да и картошка дома кончалась быстро, приходилось весной, только немного оттаяв, идти на колхозное поле и искать ее там, в мерзлой земле. Из этой картошки ежедневно пекли лепешки, тем и питались. Летом переходили на «подножный корм»: собирали борщевик, шавель. Еще одной из «продовольственных корзин» являлось зерновое поле «у вышки». Это была довольно высокая горка, где стояла геодезическая вышка. Весной этот участок засевали. Но осенью, особенно когда постоянно шли дожди, комбайнами дочиста поле убрать не удавалось. Отдельные колоски оставались. Мы их выискивали в размокшей земле. Бывало, получали за это несколько болезненных ударов кнутом от объездчика, который охранял поля. Что собрать удавалось, мы с гордостью несли домой. Колоски подсушивали, зерно дробили и варили из него кашу.

И в школе приходилось не только учиться, но и работать. Нас нередко посылали в «Заготконтору», где для нужд фронта заготавливали картошку, только сушеную. Помню,

что ее варили в «мундире», потом, еще горячую, мы чистили ее. Затем эту картошку резали на маленькие кубики и сушили в печах, упаковывали в ящики и отправляли на фронт. Чистить было трудно, картошка обжигала руки, пальцы становились клейкими и липкими. Иногда только что очищенную картошку мы украдкой съедали. Но за это нас не наказывали, видели, что мы постоянно были голодны.

Если мы выполняли норму по очистке картошки, а она была немаленькой – два ведра, то за хорошую работу нам давали чистую ученическую тетрадь. Это была радость, ведь в школе в основном мы писали на газетах чернилами из сажи. Летом помогали на сенокосе. Взрослые, а это в основном старики да женщины, косили, а мы, дети, подсохшую траву сгребали, таскали в копны волокушами.

В 1943 году отец приехал домой. Точнее, его привезли из госпиталя, ходить самостоятельно он не мог, только на костылях. Ноги были перебиты – 16 ран, было также ранение в левое плечо, осколок засел и возле сердца. Так отец с этим осколком и умер. Но чуть стало ему полегче, он пошел работать на насосно-компрессорный завод. Ходить ему туда было очень трудно, поэтому я возил его на завод на санках. Сначала каждый день, потом раз в неделю. А путь неблизкий – 4 километра. Но мои старания были не бесплодны – семье нашей стало жить легче. Не надо было мне уже ходить в лес за сучьями, в поле за колосками и мороженой картошкой. Отцу на заводе давали дрова, а также хлеб. Правда, хлеба немного – по 150 граммов на члена семьи. Но эта была все же хорошая помощь. И я уже нормально стал ходить в школу, окончил 7 классов. Таким было мое детство.

Потом была четырехлетняя служба в армии, в воздушно-штурмовой дивизии. Там я был стрелком на самолете-штурмовике. Налетал более 500 часов, сделал три прыжка с парашютом. Служба была интересная и напряженная. Наш призыв сменил находящихся в части участников Великой Отечественной войны, поэтому много узнали об их боевом пути. Да и мы сами старались служить честно. Такой была моя юность.

После демобилизации учился: в техникуме, заочно в институте. Работал на Китайском насосно-компрессорном заводе. Когда поменял место жительства, трудился на заводе «Старт» в г. Далматово. По возрасту ушел на пенсию. Но и потом не оставлял трудовую деятельность: организовал бригаду по переводу котельных на природный газ. С 1992 по 2000 год мы газифицировали четыре котельных.

Вместе с женой вырастили сына и дочь, сейчас у меня три внука и два правнука. Стараюсь всех их воспитывать достойными членами общества, приучать к сознательному труду. Ведь сам, с малых лет, опаленный той страшной войной, никогда не сидел без дела.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

О.Ю. Левченко

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ПРОГРАММАХ ЖЕНСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗАБАЙКАЛЬЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX-НАЧАЛО XX ВВ.)

В нашей стране, как и во многих других странах мира, женские учебные заведения появились значительно позже мужских и уступали им в количественном отношении. Причиной подобного положения вещей являлось то, что женщины традиционно не имели равных прав с мужчинами не только в политической и экономической жизни, но и в области образования.

Первые женские учебные заведения были закрытыми, строились на сословной основе и являлись недоступными по стоимости для средних социальных слоев населения. Критикуя закрытость и привилегированность женского образования, прогрессивные русские педагоги прилагали большие усилия для создания сети женских учебных заведений, предназначенных для широкого круга обучающихся. Идея устройства женских гимназий как открытых и всесословных общеобразовательных заведений принадлежала министру финансов Н.А. Вышнеградскому.

Женские гимназии, средние общеобразовательные учебные заведения в России делились на гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии, гимназии Министерства народного просвещения и частные гимназии. Учебные планы и программы всех существовавших типов женских гимназий не слишком отличались друг от друга. Женские гимназии Министерства народного просвещения были предназначены для всех сословий и исповеданий, состояли из подготовительного класса, семи основных классов и восьмого педагогического класса. Женские прогимназии имели первые четыре класса, соответствовавших первым четырем классам женских гимназий, и имели право существовать как самостоятельные учебные заведения.

Нормативным документом, регламентировавшим деятельность женских гимназий, было изданное в 1870 году «Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения». Согласно указанному документу предметы, преподаваемые в женских гимназиях и прогимназиях, подразделялись на обязательные и необязательные. К необязательным предметам гимназий и прогимназий относились французский и немецкий языки, рисование, музыка, пение и танцы. За изучение необязательных предметов вносилась особая плата, размер которой определялся попечительским советом.

Большую роль в развитии женского образования нашей страны сыграл великий русский педагог К.Д. Ушинский, решительно отстаивавший равноправие женщины во всех областях жизни, в том числе и в образовании. Посетив многие страны с целью изучения положительного зарубежного опыта, он стремился применить все самые прогрессивные достижения в образовательной системе России. «Образование женщины по крайней мере столько же важно в народной жизни, сколько и мужчины», – писал в своем отчете К.Д. Ушинский [1].

Он не только настаивал на необходимости женского образования, но и подчеркивал: «Все новейшие открытия науки и все идеи её, имеющие общий интерес, должны быть усвоены женщиной» [2].

Российские реформы 60-х годов XIX века оказали значительное влияние на развитие народного образования в стране, и с этого момента женское гимназическое образование развивалось в нашей стране достаточно интенсивно, но, в то же самое время, неравномерно по регионам. В Забайкалье, учитывая географическую отдаленность и слабый уровень развития экономики, проблема с женскими учебными заведениями стояла достаточно остро. По данным, представленным в «Энциклопедии Забайкалья», в 1895 году в Восточной Сибири и Приамурском крае существовало 7 женских гимназий и 9 прогимназий, из них 2 гимназии и 2 прогимназии работали в Забайкальской области [3].

История женского гимназического образования дореволюционного Забайкалья не получила к настоящему моменту своего исчерпывающего описания, хотя имеется ряд историко-педагогических публикаций на данную тему. На сегодняшний момент остаются малоисследованными некоторые аспекты этой проблемы, одним из которых является определение роли и места иностранных языков в женском образовании Забайкалья во второй половине XIX начале XX вв. В рамках данной статьи, базируясь на изученных нами документах Государственного архива Забайкальского края, мы представим краткий анализ преподавания иностранных языков в женских гимназиях Забайкалья в указанный период.

Верхнеудинская женская гимназия была преобразована из трехклассной прогимназии, открытой в 1860 году. Постепенно в прогимназии открывались старшие классы, и к 1906 году действовало уже семь основных классов. В 1909 году был открыт восьмой дополнительный педагогический класс, который в 1917 году по постановлению школьного совета преобразовали в общеобразовательный.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют говорить о том, что иностранный язык преподавался уже в период функционирования данного учебного заведения в статусе прогимназии. Так, в отчете Дирекции народных училищ, составленном на 1 января 1864 года, зафиксировано, что в Верхнеудинской прогимназии преподается французский язык [4]. Из отчета Дирекции народных училищ за 1903-1904 год известно, что в Верхнеудинской женской прогимназии преподавался немецкий и французский язык. Обе учительницы, Е.В. Попова по немецкому языку и К.Д. Железнякова по французскому языку, имели свидетельства Иркутского института Николая I со званием домашней учительницы [5].

Наиболее полную информацию о преподавании иностранных языков находим в отчетах данной гимназии, датированных 1917-1919 годами. В отчете за 1917 год сообщается, что ученицы гимназии изучали французский и немецкий языки, гигиену, педагогику, рисование, а также «частным образом» и английский язык. Изучение одного иностранного языка считалось по постановлению школьного совета обязательным, а за изучение второго взималась плата 5 рублей в год. Интересным фактом является преподавание в гимназии английского языка, не имевшего в тот период такого широкого распространения в учебных заведениях, как сегодня. Английский язык изучали ученицы восьмого класса под руководством преподавательницы английского языка реального училища. Что касается латинского языка, введенного в восьмом общеобразовательном классе, то его преподавал отец Антоний, ксендз, капеллан Верхнеудинской римско-католической церкви, окончивший Петроградскую римско-католическую духовную академию, имея 6 уроков в неделю [6].

Из отчета гимназии за 1918 год узнаем, что прежнего деления на обязательные и необязательные предметы не существует. Несмотря на то, что изучение только одного иностранного языка считалось обязательным, сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что в большинстве своем гимназистки изучали оба языка.

Троицкосавская женская гимназия была основана 18 апреля 1862 года как женское училище 1-го разряда на пожертвованный Кяхтинским купеческим обществом капитал. Училище было названо в честь графа Н. Н. Муравьева-Амурского. Первые сведения об обучении в данном образовательном учреждении французского языка датируются 1864-1866 годами, что подтверждает сохранившаяся программа обучения.

В 1872 году училище преобразовали в женскую трехклассную прогимназию, при которой в 1877 году был открыт четвертый класс, в 1879 – пятый, в 1882 – шестой. С открытием в 1886 году седьмого класса прогимназия получила статус полной гимназии, а спустя некоторое время на пожертвования был открыт восьмой педагогический класс. В отчете гимназии за 1918 год зафиксировано, что «в отчетном году гимназия вступила в 23 годовщину своего существования в восьмиклассном составе, в 33 в семиклассном и в 57 как женское учебное заведение вообще» [7].

Согласно данным, содержащимся в «Энциклопедии Забайкалья», в 1899 году в гимназии обучалось 250 учениц, относившихся к различным сословиям. Большую помощь гимназии оказывал попечительский совет, состоявший из председателя и трех членов, которые выбирались из числа кяхтинских купцов.

Из отчета гимназии узнаем, что в 1918 году возникла кадровая проблема, и к концу отчетного года оставалась незамещенной должность учителя французского языка. «Часть уроков этого языка в 1, 2 и 3 классе поручены вольнонаемной учительнице А.А. Бараэр, не имеющей прав учительницы, уроженки Франции и французской подданной, в 4, 5 и 6 классах начальнице гимназии О.В. Лессиг, уроки в 7 и 8 классе остались незамещенными вследствие невозможности подыскать приискать лицо, преподающее этот предмет», – констатируется в отчете [8].

Латинский язык преподавался в восьмом общеобразовательном классе, и из 12-ти учениц, изучавших его, 10 успевало по данному предмету. Французский язык преподавался во всех классах с первого по восьмой, за исключением восьмого педагогического, и изучала его, в общей сложности, 271 гимназистка, из числа которых успевали 263.

Что касается немецкого языка, то его преподавание было прекращено с начала 1915-1916 учебного года. Ввиду этого по постановлению педагогического совета с начала 1916-1917 учебного года изучение французского языка, начиная с младших классов, стало обязательным. В отчетном году французский язык изучался как обязательный предмет в четырех младших классах и в восьмом общеобразовательном. В остальных трех классах этот предмет изучался как необязательный. В итоге, из 367 учениц гимназии французский язык изучали 262 [9].

Сохранившийся протокол №1 заседания школьного совета Троицкосавской женской графа Н.Н. Муравьева-Амурского гимназии, датированный 14 февраля 1918 года, содержит сведения, касающиеся успеваемости по французскому языку. Из данного документа узнаем, что в подготовительном классе французский язык не изучался, в двух первых классах успеваемость составила 100%, во втором – 88,5%, в третьем – 86,1%, в четвертом – 90,6%, в пятом – 86,3%, в шестом – 93%, в седьмом – 100% [10].

Нерчинская Софийская женская гимназия была открыта 26 сентября 1868 года в Нерчинске как женское училище, состоявшее из подготовительного и трех первых клас-

сов. Большой вклад в создание гимназии внесли местные меценаты купцы М.Д. Бутин и Н.Д. Бутин, пожертвовавшие дом для её размещения. В 1872 году училище было переименовано в Софийскую женскую прогимназию в память о покойной супруге М.Д. Бутина – Софии Андреевны.

По имеющимся сведениям, иностранный язык изучался уже в период функционирования данного учебного заведения в статусе прогимназии. Это подтверждает сохранившийся отчет Нерчинской Софийской женской прогимназии за 1907 год, в котором сообщается, что французский язык преподавала С.Л. Муромова, а немецкий язык М.Г. Шванн [11].

В 1899 году в честь 100-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина был открыт четвертый класс, а позднее ежегодно открывался следующий старший класс. В 1917 году в гимназии насчитывалось 7 основных классов, 1 дополнительный и 6 параллельных. В гимназии преподавали русскую словесность, литературу, дидактику, математику, физику, космографию, естествоведение, историю, географию, православное вероисповедание, рукоделие, пение.

К январю 1918 года в гимназии года работало 26 педагогов, в числе которых две учительницы иностранных языков. Немецкий язык преподавала Елена Ивановна Щиrowsкая, окончившая Санкт-Петербургский Екатерининский институт с дипломом домашней наставницы. Французскому языку обучала Софья Леонидовна Муромова, выпускница Иркутского девичьего института и педагогических курсов при Московском Екатерининском институте. Латинский язык в восьмом классе преподавал вольнонаёмный служащий по найму мировой судья Эраст Михайлович Форт-Венглер. Общее количество обучающихся в гимназии на 1 января 1918 года составляло 589 человек, «из необязательных предметов ученицы занимались гигиеной, французским и немецким языками» [12].

Длительное время девочки Читы обучались только домашними учителями или были вынуждены отправляться для получения образования в другие города. В 1866 год военный губернатор Забайкальской области Н.П. Дитмар с разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири М.С.Корсакова открыл женский частный пансион с полной программой первых классов прогимназий Министерства народного просвещения, который в 1871 году переименовали в женскую пятиклассную прогимназию. В 1880 году был открыт четвертый класс, в 1886 году – пятый, в 1887 году – шестой, и, наконец, с открытием в 1893 году седьмого класса прогимназия получила статус гимназии.

К сожалению, архив данного учебного заведения не сохранился, поэтому сведения о его деятельности крайне скудны. Известно, что при 1-й Читинской женской гимназии действовал попечительский совет, который возглавил читинский купец 1-й гильдии И.А. Колеш, почетной попечительницей гимназии была М.П. Мациевская, должность председателя педагогического совета выполнял директор народных училищ статский советник А.Н. Сниткин, а первой начальницей училища являлась И.Н. Кущинская.

Преподавательский состав в 1893 году состоял из 14 педагогов. По имеющимся сведениям, в 1909 году в гимназии обучались 460 девочек, 419 из которых были проходящими, а 41 жила на пансионе. Что касается преподавания иностранных языков, то архивными документами, содержащими данную информацию, мы не располагаем. Однако в «Энциклопедии Забайкалья» в числе предметов, изучаемых в гимназии, наряду русским языком, математикой, чистописанием, естествознанием, историей, географией, рукоделием, пением, рисованием, назван и немецкий язык. Первая Читинская женская гимназия просуществовала до 1920 года, и многие её выпускницы плодотворно трудились в учебных заведениях региона [13].

Открытая в 1893 году 1-я Читинская женская гимназия не могла вместить всех желающих, поэтому создание в августе 1906 года еще одного женского среднего учебного заведения было встречено горожанами с большой радостью. 2-я Читинская женская гимназия была открыта по ходатайству директора народных училищ Забайкальской области П.Н. Рябинина на базе женской гимназии, переведенной из Порт-Артура, занятого японцами в ходе войны 1904-1905 года. Первой начальницей гимназии стала Н.В. Попандопуло.

На момент открытия гимназия состояла из трех первых классов, затем поочередно в последующие годы открывались новые классы, и, наконец, в 1910-1911 учебном году гимназия стала семиклассной. В августе 1912 года был открыт восьмой педагогический класс и младшее отделение приготовительного класса. Со второй половины 1917-1918 учебного года восьмой педагогический класс был преобразован в общеобразовательный, и в нем было введено изучение латинского языка, словесности, математики, физики по программам мужских гимназий [14].

Судя по архивным документам, вопрос об обязательности изучения французского и немецкого языков неоднократно поднимался на заседаниях педагогического совета гимназии. Решение об обязательности изучения иностранных языков для учащихся всех классов было принято с момента открытия гимназии, что зафиксировано в протоколе №1 от 5 сентября 1906 года. В решении указывалось, что курс немецкого языка во втором и третьем классах следует начать сначала, а французский продолжали изучать ученицы, перешедшие из 1-й Читинской женской гимназии, а «из новых учениц те, кто изъявили желание и сдали соответствующие испытания». Освободить от изучения языков предполагалось только в отдельных случаях, изучив все обстоятельства дела, и исключительно по решению педагогического совета гимназии [15].

Очевидно, в реализации данного решения на практике возникали определенные проблемы, в связи с чем спустя несколько лет вопрос об обязательности изучения иностранных языков вновь встал на повестку дня. Так, 1 декабря 1910 года на заседании педагогического совета 2-й Читинской женской гимназии в очередной раз принимается решение об обязательности изучения языков, цитируем: «... считать обязательным изучение обоих языков для учащихся с 1 класса, а для вновь вступающих и переходящих из других гимназий обязательным изучение одного языка (по желанию какого)» [16].

Изучение архивных документов дает основания утверждать, что причиной, обусловившей вынесение повторного решения, являлось значительное количество прошений от учениц гимназии и их родителей, содержащих просьбы об освобождении от изучения новых языков. Что касается мотивов, указанных в заявлениях, то они были различными, кто-то не хотел изучать языки «по причине болезненного состояния», «неспособности».

Обучение французскому языку начиналось в первом классе при шести уроках в неделю, сокращаясь в последующих классах, и в седьмом классе составляло всего два урока в неделю. В принципе, такое распределение уроков было вполне оправданным, т.к. именно на начальном этапе обучения необходима большая концентрация занятий. Изучение немецкого языка начиналось спустя год, во втором классе, что также вполне методически оправдано. При этом немецкий язык, как и французский, изучался до седьмого класса.

К 1 января 1918 года во 2-й читинской женской гимназии обучалось 426 учениц, из которых 276 изучали немецкий язык, а 272 французский язык. Учитывая, что в приготовительном классе немецкий и французский языки не изучались, можно утверждать, что подавляющее большинство гимназисток изучали оба иностранных языка.

Со второй половины 1917-1918 учебного года в гимназии в восьмом общеобразовательном классе был введен латинский язык, который преподавал Александр Васильевич Харченков, выпускник историко-филологического факультета Харьковского университета, кроме этого преподававший историю, географию и педагогику. Таким образом, со второй половины 1917-1918 учебного года во 2-й Читинской женской гимназии преподавались три языка, что подтверждают сохранившиеся свидетельства выпускниц, датированные 29 апреля 1918 года.

Как выше уже упоминалось, все существовавшие женские гимназии Забайкалья были переполнены, а количество желающих обучаться намного превышало количество вакантных мест. Данную проблему были призваны решить частные учебные заведения, одним из которых была Читинская частная женская гимназия О.М. Цимбал-Миклошевской.

Гимназия была открыта 11 сентября 1911 года в Чите в составе одного приготовительного класса и трех основных классов. Затем ежегодно открывался следующий класс, и к 1914-1915 учебном году она стала полноценной гимназией. По имеющимся сведениям, в гимназии изучались география, история, Закон Божий, русский язык, словесность, математика, физика, космография, педагогика, рисование, рукоделие, французский и немецкий языки.

К 1 января 1918 года в гимназии обучалось 360 учениц. Немецкий язык в 1917 году являлся необязательным предметом, и его изучали за особую плату всего 13 учениц. Что касается французского языка, то он изучался в обязательном порядке, и от его изучения ученицы освобождались только в исключительных случаях [17].

Подводя итоги, можно сказать, что иностранные языки играли важную роль в дореволюционном женском гимназическом образовании. Иностранные языки, несмотря на регламентированную необязательность их изучения, фактически изучались во всех женских гимназиях Забайкалья. При этом изучение одного иностранного языка зачастую считалось обязательным, а от изучения второго можно было отказаться. Однако на основании имеющихся архивных документов можно говорить о том, что довольно часто гимназистки предпочитали изучать оба иностранных языка.

В женских гимназиях Забайкалья изучались французский и немецкий языки, и только в одном учебном заведении изучался английский язык. Сопоставив количество уроков, мы видим, что на изучение французского языка отводилось большее количество учебного времени, что вполне объясняется высоким общественным статусом французского языка в рассматриваемый исторический период. Французский язык, являясь лидером среди изучаемых в учебных заведениях языков, позиционировался как язык высших социальных слоев общества.

Женские гимназии Забайкалья за годы своего существования подготовили большое количество образованных молодых девушек, способствовали распространению образования и повышению культурного уровня населения региона.

Примечания

1. Ушинский К.Д. Отчет командированного для осмотра заграничных женских учебных заведений коллежского советника К.Д. Ушинского // Педагогические сочинения: в 6-ти тт./ сост. С.Ф.Егоров – Т. 2. – М.: Педагогика, 1988. – С. 302.

2. Там же. – С. 305.

3. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 2-х тт. / гл.ред. Р.Ф. Гениатулин. – Т.1: Общий очерк. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 177.
4. Там же.
5. Государственный архив Забайкальского края: фонд 4, опись 2, дело 3.
6. Государственный архив Забайкальского края фонд: 4, опись 6, дело 2.
7. Государственный архив Забайкальского края: фонд 4, опись 5, дело 97.
8. Энциклопедия Забайкалья...
9. Государственный архив Забайкальского края: фонд 4, опись 5, дело 165.
10. Государственный архив Забайкальского края: фонд 4, опись 5, дело 157.
11. Государственный архив Забайкальского края: фонд 4, опись 1, дело 119.
12. Государственный архив Забайкальского края: фонд 4, опись 5, дело 160а.
13. Энциклопедия Забайкалья...
14. Государственный архив Забайкальского края: фонд 4, опись 5, дело 142.
15. Государственный архив Забайкальского края: фонд 74, опись 4, дело 1.
16. Государственный архив Забайкальского края: фонд 74, опись 1, дело 12.
17. Государственный архив Забайкальского края: фонд 4, опись 5, дело 87.

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В.Д. Пузанов

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА

В конце XVI в. дворянская конница была главной частью русской армии. По данным С.М. Середонина, к 1563 г. русская армия насчитывала около 110 тысяч человек, из которых 75 тысяч дворян, детей боярских и их слуг служили в коннице [1].

Тобольск традиционно обладал основными резервами служилых людей конной службы городов Сибири. В 1627 г. к ним относились 36 детей боярских, 116 человек роты литвы, черкас, немец и литовского списка, 13 новокрещенов и новокрещенного списка казаков – 182 человека русских служилых людей и 260 юртовских служилых татар, всего 442 человека [2]. Характерно, что среди служилых людей конной службы Тобольска в период до тюркского движения на юге Сибири большинство составляли татары. К 1633 г. тобольская конница составляла 514 человек, из них 41 – детей боярских, 128 человек литовской роты, 62 человека конных казаков, 25 новокрещенов, 258 служилых татар. Однако по данным воеводы Тобольска, к 1634 г. для отражения набега ойратов на южные слободы Сибири из гарнизона города администрация рассчитывала отправить только 100 конных человек литвы и казаков. Большинство казаков были бедны, потеряли лошадей, а служилые татары жили по юртам и деревням и их нельзя было собрать быстро [3]. В результате, правительство посылает в Тобольск дополнительные силы служилых людей.

К 1638 г. число служилых людей Тобольска увеличивается на 300 человек. В результате, за 10 лет (1628-1638 гг.) количество служилых людей Тобольска увеличивается более чем в 2 раза, с 708 до 1456 человек. Из них было 300 человек русских конных служилых людей, 50 детей боярских, 123 человека литовской роты, 104 конных казака, 23 новокрещенов и 262 служилых татарина – всего 562 служилых человека конной службы [4]. Список 1638 г. отмечал наличие, наряду со старыми, новоприсыльных конных казаков, каргопольских и устюжских, а также стрельцов каргопольских, устюжских и казанских [5].

К 1647 г. в Тобольске имелось 335 человек русских служилых людей конной службы, 69 детей боярских, 129 человек в роте литвы, черкас, немец и литовского списка русских казаков, 110 конных казаков, 27 человек новокрещенов и 250 служилых татар. В результате, Тобольск имел всего 585 человек конной службы [6]. К 1649 г. количество людей конной службы увеличилось до 595 человек. 131 человек в роте литвы, черкас, немец и литовского списка русских казаков, 27 человек новокрещенов, 112 конных казаков – 347 русских служилых людей конной службы и 248 служилых татар – всего 595 человек конной службы, составлявших почти половину гарнизона (1326 человек).

К 1660 г. служилый мир Тобольска вырос еще на 300 человек и составил 1635 человек. В результате набора в рейтары количество русских служилых людей конной службы уменьшилось. По данным разрядного стола Тобольска, в 1660 г. в городе служили 290 человек литвы, новокрещенного списка и конных казаков, в 1661 г. – 227, в 1662 г. – 217, в 1663 г. – 203, в 1664 г. – 197, в 1665 г. – 198 человек. Позднее эта корпорация стала увеличиваться. В 1667 г. в ней служили 247 человек, в 1668 г. – 300 человек [7].

П.И. Годунов писал, что в новокрещенный список брались принявшие православную христианскую веру захребетные татары, ясачные татары, ойраты и другие представители народов Сибири [8]. По данным П.И. Годунова, к 1668 г. в корпорации литвы, новокрещенном списке и конных казаках больше половины мест прямых иноземцев литвы, новокрещеннов и детей конных казаков занимали дети пеших казаков, стрельцов и даже гулящие люди и люди бывших воевод. Многие родственники корпорации русских конных людей были переведены в пешие казаки и стрельцы [9].

К 1693 г. количество людей конной службы составляло 942 человека, среди которых было 19 дворян, 253 детей боярских и 6 недорослей. Наиболее крупной стала корпорация литвы, новокрещенного списка и конных казаков, которая достигла 414 служилых людей с теми, которые пришли в Тобольск в 1693 г. из рейтар и после отпуска из Даурских острогов, и «боярином Салтыковым поверстаны на выбылые оклады дети, братья и племянники». Кроме того, в Даурии еще служили 22 человека посылки 1686 г. Корпорация служилых татар составляла к 1693 г. 250 человек [10].

К 1703 г. в Тобольске служили 837 служилых людей конной службы, 579 конных казаков и 258 служилых татар [11]. Главную роль среди конных служилых людей Тобольска играли дети боярские. Они обычно назначались в качестве командиров отрядов служилых людей для выполнения разных поручений администрации. Кроме того, часто воеводы Тобольска посылали отряды детей боярских в походы на юг Сибири.

В 1627 г. в Тобольске в составе корпорации детей боярских имелось 37 человек, из которых 24 принадлежали к настоящим детям боярским, а 10 поляков и 3 человека немцев служили с детьми боярскими [12]. К 1633 г. число детей боярских выросло до 41 человека, к 1638 г. до 50 человек, из которых было 35 детей боярских, 9 человек поляков и немец, что служили с детьми боярскими, и 9 недорослей [13]. В 1647 г. в корпорацию было по государевым грамотам зачислено 11 человек, в результате, число детей боярских выросло до 69 человек. В 1649 г. в Тобольске имелось 77 детей боярских, из которых 5 человек прибыли в Тобольск в этом году (были поставлены на выбылые места и переведены в Тобольск из Тары с окладом) [14].

К 1660 г. в 2 раза выросло число детей боярских, составив 129 человек, а в следующем 1661 г. 47 человек из этой корпорации были зачислены в рейтары, в связи с чем в ней осталось 82 человека. Но после расформирования полков нового строя и в дети боярские были зачислены назад не только люди, взятые из этой корпорации, но и несколько десятков представителей других служилых групп. В результате, к 1672 г. эта группа составила уже 180 человек, кроме которых в Тобольске имелось 25 недорослей детей боярских.

К 1678 г. в Тобольске число детей боярских уменьшилось и составило 178 человек, а недорослей имелось уже 38 человек. В списке отмечалось, что в 1678 г. часть детей боярских была переведена в прежние чины. Большая часть бывших детей боярских была зачислена в состав корпорации литвы, конных и новокрещенных списков казаков [15]. В 1681 г. список отметил 229 детей боярских «с теми, которым велено служить в городе», и 19 недорослей [16]. К 1685 г. в Тобольске имелось 247 детей боярских, а к 1693 г. – 253 детей боярских и 6 недорослей [17].

В конце XVII в. в Тобольске появились дворяне по городу. По данным окладной книги 1693 г., в Тобольске имелись 2 дворян по выбору и 17 тобольских дворян. Всего, по данным Сибирского приказа, с 1684 по 1693 г. 18 детей боярских города были зачислены в особую статью в дворяне Тобольска. В 1683 г. сын боярский Алексей Толбузин

был назначен дворянином по выбору и послан в Даурию, где стал воеводой Албазина. Алексей Толбузин руководил защитой Албазина от китайцев и в 1686 г. был убит из пушки. В 1688 г. за службу Алексея Толбузина его сыновья Петр и Федор стали дворянами по выбору [18].

В списке 1693 г. отмечается голова Борис Иванович Струнин, который сделал в Тобольске хорошую карьеру. Борис Струнин в 1668 г. из неверстанных детей боярских был взят в рейтары, и во время роспуска полков он был оставлен среди оставшихся рейтар в Тобольске как начальный человек прапорщик. В 1672 г. Борис Струнин ездил в Москву с отписками и там добился зачисления в дети боярские Тобольска. В 1674 г. он был направлен подполковником драгун в слободы по р. Исети. В 1677 г. Борис Струнин был назначен головой пеших казаков, а в 1684 г. отставлен от службы распоряжением Сибирского приказа по челобитным служилых людей, которые жаловались на частые налоги и обиды головы. Однако скоро Борис Струнин стал головой стрельцов. В 1685 г. государевой грамотой Борис Струнин был зачислен в дворяне Тобольска, а позднее назначен головой литвы и новокрещенного списка казаков, в результате занял один из важнейших постов в Тобольске [19]. В списке 1693 г. также отмечаются голова стрельцов Иван Иванович Аршинский и голова пеших казаков Петр Алексеевич Толбузин – представители старых фамилий служилых людей города, 5 сотников стрелецких, 8 атаманов казачьих [20].

Таким образом, корпорация детей боярских Тобольска менее чем за 60 лет, с 1628 по 1685 гг., выросла в 7 раз. Несмотря на попытки центральной власти ограничить этот рост, очистить его от представителей других сословий, он все же происходил. Но воеводы Тобольска обычно оказывали поддержку в увеличении численности этой группы. В целом, дети боярские сыграли очень большую роль в XVI-XVII вв. в Сибири, являясь там кадрами начальных людей – офицерским корпусом. Они командовали военными экспедициями, разведывательными партиями, небольшими и крупными военными отрядами, острогами и слободами, иногда замещали воевод в управлении уездами.

По данным списков, тобольские дети боярские формировались обычно из присланных на службу из Москвы служилых людей, ссыльной шляхты из Польши, потомков этих пришлых русских и иноземцев, детей боярских из других городов, представителей других верхних корпораций, которым удавалось, как правило, за различные военные заслуги быть зачисленным в сибирскую элиту. Однако правительство считало, что в детях боярских Сибири много представителей других групп населения. Надо отметить, что до середины XVII в. правительство спокойно относилось к зачислению в состав детей боярских представителей на окраинах России жилецких людей. Б.Н. Флоря отмечал, что в конце XVI в. в южных уездах Русского государства в дети боярские часто верстались представители казаков и крестьян [21].

В 1659 г. новый воевода Тобольска боярин И.А. Хилков получил приказ разобрать детей боярских города. В этой корпорации должны были служить только родственники детей боярских или представители других групп, которых верстали «за службы» – за особые заслуги. И.А. Хилков должен был найти в этой корпорации детей казаков, стрельцов, крестьян и гулящих людей, которых верстали без особых государевых грамот [22]. Казаков и стрельцов планировалось зачислить в их низшие служилые группы, крестьян в пашню, а гулящих людей «в какой чин пригодится». Хилков приказал удалить выходцев из низших служилых групп и жилецких людей из корпорации литвы новокрещенного списка и конных казаков, жилецкие люди были удалены из пеших казаков и стрельцов [23].

По данным И.А. Хилкова, в детях боярских Тобольска в 1659 г. служили зачисленные из других групп не за службы 9 человек, 2 бывших конных казака, 3 сына конных казаков, 2 бывших боярских холопа, 1 бывший гулящий человек, женившийся на дочери сына боярского Тобольска, по государевым грамотам, и один стрелец из Мангазеи, который в 1658 г. был взят в дети боярские Тобольска решением воеводы [24].

Кроме того, пять детей боярских Тобольска были взяты в корпорацию из детей боярских владык Тобольска, трое из детей мелких чиновников города [25]. В городах Тобольского разряда произошел разбор служилых людей. Однако И.А. Хилков только в особых случаях переводил служилых людей в низшие корпорации. В большинстве случаев воевода просил государева решения. Эти решения по служилым людям практически готовил Сибирский приказ, который ранее и разрешил воеводам перевод в высшие корпорации. В результате, большинство детей боярских после разбора служили в своей корпорации.

Так, бывший конный казак Тары Иван Неприпасов в 1653 г. получил в Москве государеву грамоту о зачислении в дети боярские Тобольска с большим окладом в 17 рублей, 17 чет ржи. Сын казака Алексей Неприпасов в 1653 г. получил его место и оклад на Таре, а в 1655 г. и он был зачислен в дети боярские. За какие службы Иван Неприпасов получил такое повышение, в государевой грамоте не было указано. И.А. Хилков разрешил ему остаться в детях боярских до особого государева указа. В 1668 г. воевода П.И. Годунов писал, что большая часть детей боярских Тобольска происходила из родственников мелких чиновников, певчих владык Тобольска, попов, казаков, стрельцов, посадских людей, гулящих людей, и даже из боярских людей [26].

В 1689 г. по государеву указу в Тобольске был проведен смотр служилых людей и были даны краткие характеристики их службы, которые позднее были отправлены в Сибирский приказ. Эти данные по 239 детям боярским города Тобольска представляют большой интерес и позволяют проследить, как формировалась корпорация служилых людей второй половины XVII в. Наиболее многочисленная группа служилых людей попала в корпорацию детей боярских по рождению. 103 человека были зачислены в корпорацию из семей детей боярских, шесть человек из кормовых детей боярских решением воевод Тобольска (45%). Еще 25 человек были зачислены в корпорацию по решению воевод Тобольска, без данных о причинах этого решения (10%). Однако фамилии большей части этих новых служилых людей свидетельствуют об их происхождении из семей детей боярских. Шесть человек были зачислены из семей чиновников Тобольска (2%).

29 детей боярских попали в корпорацию после службы в рейтарах, причем часть из них уже служила в детях боярских до рейтарской службы, большинство было взято в рейтары из семей детей боярских (12%). Четыре человека стали рейтарами из семей конных казаков, а затем попали в состав детей боярских. Попали в ряды корпорации по государевой грамоте 55 человек, из них 20 человек из корпорации конных казаков (23%). Большая группа конных казаков – 14 человек – стали детьми боярскими в 1678-1686 гг. за участие в трудных посольствах в Китай. В 1678 г. сыном боярским стал один пеший казак за участие в этом посольстве, что можно считать уникальным фактом. Имелись также редкие случаи зачисления в корпорацию членов семей казаков (2 человека) и детей атаманов (2 человека). Всего из казаков и их семей происходили, по данным книги 1689 года, 29 детей боярских (12%). Факты перевода в состав данной корпорации из других городов Сибири были очень редки и для первой половины XVII в., в 1671 г. подобная практика вообще была запрещена царским указом. Книга 1689 г. отмечает только один

такой случай: 1 человек служил в детях боярских в Березове и в 1673 г. по государевой грамоте был зачислен в состав детей боярских Тобольска.

В первой трети XVII в. одним из важных источников формирования корпорации детей боярских Тобольска была ссылка. Эти ссыльные служилые люди основали в Тобольске ряд семей, многие представители которых служили в детях боярских в конце XVII в. Однако позднее ссылка уже не играла такой роли в формировании элиты служилых людей Тобольска. По данным книги 1689 г., с 1668 г. по 1688 г. только шесть человек, которых прислали в Тобольск из Москвы в качестве ссыльных, были зачислены здесь в корпорацию детей боярских (2%). Таким образом, к 1689 г. две трети детей боярских происходили из семей детей боярских. Можно сделать вывод, что во второй половине XVII в. корпорация детей боярских становится более закрытой для других групп служилых людей. Однако возможность войти в состав этой корпорации у представителей других групп служилых людей имела, главным образом, у представителей группы конных казаков Тобольска [27].

Большое значение в служилом мире Тобольска имела особая литовская рота под началом ротмистра литовского. Список 1627 г. специально отмечает, что это место занимал выходец из Литвы. Кроме ротмистра, в это время на верху служилого мира Тобольска находилось 12 европейцев: 9 человек поляков и 3 немца служили с 24 русскими детьми боярскими [28]. К 1638 г. это число сократилось до 9 человек литвы, поляков и немец в службе с детьми боярскими [29]. В поздних списках иноземцы не отделяются уже от детей боярских русского происхождения.

Литовские люди служили в Тобольске с 1587 г., часть из них участвовала еще в походе казаков в Сибирь 1581 г. В 1624 г. государю в Тобольске били челом литовские люди, которые заявили, что служат в Сибири 40 лет и больше со времени завоевания Сибири [30]. В результате ранений и старости многие были отставлены от службы и просили устроить в городе богадельню. 30 апреля 1624 г. государь разрешил построить в Тобольске богадельню для старых служилых людей, выдавая им по 2 четверти ржи на год.

Многие служилые люди попали в роту Тобольска в эпоху Смуты, когда в Сибирь были отправлены сотни человек из европейских государств в качестве ссыльных. А.А. Станиславский отмечал, что в Сибирь были отправлены казаки, принимавшие участие в походе Владислава на Москву в 1618 г. Так, 12 июля 1619 г. в Тобольск были посланы 19 казаков колодников, которых было приказано зачислить в состав гарнизонов [31].

Однако не все казаки Литвы попадали в русские города в качестве ссыльных. В 1618 г. из войска Владислава в Москву добровольно перешел целый полк черкас, который позднее был послан на службу в северные города [32]. Большое количество иноземцев были посланы из Москвы в Тобольск в 1614-1624 гг. В 1614 г. в Тобольск было приказано отправить ротмистра Павла Хмелевского, в 1615 г. ротмистра Павла Качинского с товарищами, в 1618 г. в Тобольск привезли 60 литовских пахолков, в 1619 г. в Сибирь были отправлены 40 выезжих запорожских черкасов, которых приказали верстать в службу в Тобольске или других городах Сибири. Представители польской шляхты, офицеры польской армии верстались в дети боярские и скоро заняли высокое положение в русском обществе Сибири. Большинство ссыльных стали рядовыми служилыми людьми или попали в разряд тяглых людей.

Из гарнизонов Сибири ссыльным европейцам бежать на родину было крайне сложно. По данным Книги Записной, в 1621 г. в экспедиции на озеро Ямыш литовские и не-

мецкие люди хотели перебить русских служилых людей и убежать на р. Яик. По данным летописи, в движении участвовали 70 служилых людей иноземцев. Но план бежать из Сибири не удался. Позднее сын боярский Максим Трубчанинов вел сыск по этому делу [33]. Иноземцы иногда пытались бежать на юг к ойратам, но последние обычно выдавали таких беглецов в Тобольск. В 1628 г. воевода Трубецкой писал царю, что, возвращаясь в Тобольск в русском отряде из экспедиции с озера Ямыш, присланный по государеву указу в 1627 г. литвин Павлин Федоров изменил и ночью с караула бежал к ойратам. Тайши Чокур и Тайчин, которые кочевали у р. Иртыш, по просьбе русских отдали беглеца. В Тобольске Федорова допрашивали, для чего бежал и не хотел ли привести ойратов войной на города Сибири [34].

В 1668 г. воевода П.И. Годунов отмечал, что до 1621 г. рота формировалась только из настоящих иноземцев, но после измены у озера Ямыш воеводы стали брать в роту и природных русских конных казаков. В 1627 г. в роте имелось 63 человека литвы и черкас конных, 28 человек литвы тобольских уроженцев, 3 человека немцев и 22 человека казаков литовского списка. Обращает внимание наличие уже в это время значительного числа литвы, родившихся уже в Тобольске. Их родители, надо думать, начали службу в городе в конце XVI в. – начале XVII в. Всего в роте в 1627 г. состояло 116 человек, еще 8 человек иноземцев служили в других корпорациях Тобольска, 1 человек литвы служил в конных казаках, 4 человека литвы, черкас и немец в пеших казаках и 3 человека литовских пахолков в стрельцах.

К 1633 г. число литвы и черкас возросло до 60 человек, литвы тобольских уроженцев до 3-х человек, а русских казаков литовского списка до 30 человек. Всего к этому времени рота увеличилась на 12 человек и составила 128 человек [35]. Большое увеличение числа литвы и черкас в городах Сибири произошло в результате Смоленской войны 1632-1634 гг. По данным источников, в 1633 г. многие литовцы и немцы были сосланы в Томск, Енисейский острог, Красноярский острог и другие города. В 1635 г. ссыльные вернулись в Литву. Так, только из Томска было возвращено 84 человека. Государев указ разрешал желающим ссыльным остаться в Сибири в службе [36].

Позднее в Сибирь отправляли черкас из южных городов Русского государства, куда они выезжали из Литвы на службу. Эти выезды были особенно частыми в 20-30-е гг. XVII в. В 1639 г. в города Сибири были отправлены за измену 31 черкас Белгорода с женами и детьми, всего 179 человек. Государев указ разрешал зачислить черкас в Сибирь в службу [37]. В 1642 г. в Сибирь были посланы 93 черкаса с женами и детьми из Курска, Чугуева и Воронежа, а также запорожцев. По государеву указу, черкас надо было отправить в остроги на р. Лене в крестьяне. Однако такие ссыльные военные часто зачислялись в разряд служилых людей [38]. Н.Н. Оглоблин справедливо отмечал, что в Сибири, особенно в южных уездах, воеводы часто верстали ссыльных, крестьян в службу [39].

К 1638 г. в роте имелось только 49 человек литвы и черкас, 2 немца, из которых 6 человек было прислано в этом году из Москвы. В тоже время, число литвы тобольских уроженцев достигло 37 человек, а русских казаков литовского списку 35 человек. В результате, к 1638 г. в роте насчитывалось 123 человека, но теперь настоящих выходцев из Европы, знакомых с «новым строем», здесь было менее половины [40]. В 1647 г. рота пополнилась на 3 человека, переведенных из Тары и Тюмени по их челобитьям и верстанных на выбылые оклады иноземцев. К 1647 г. рота насчитывала 129 человек «литвы и черкас и немец и литовского списку русских казаков» [41]. К 1649 г. в роте имелся

131 человек [42]. К сожалению, эти списки не сообщают данных о числе иноземцев из Европы в этой роте. В списках 1660 г. и 1661 г. данные о составе роты были утеряны.

Рота формировалась из нескольких источников. Надо думать, что ее основой были сосланные в Тобольск выходцы из Польши, первые из которых прибыли вскоре после основания города. Позднее в роту стали зачислять их детей, которых постепенно становилось все больше. Видимо, еще ранее в роте появились служилые люди русского происхождения, «казаки литовского списка», поверстанные на выбылые места. Так, в 1660 г. в роте умерли 3 человека, а 1 был отчислен за старостью [43]. Позднее в роту переводили служилых людей, как из других корпораций служилого мира Тобольска, так и из других городов (можно предполагать, что были выходцы из Польши).

В 1660 г. в период смотра и разбора служилых людей князя И.А. Хилкова из литовского списка были отставлены 2 человека, «потому что они пеших казаков дети». В этом случае видно, что в роту иногда происходили и зачисления служилых людей из низших служилых корпораций, к которым власть до определенного времени проявляла терпимость.

Новые пополнения поступили в роту во время войны с Польшей 1654-1667 гг. В 1660 г. из Москвы в Тобольск были присланы 7 человек ссыльных литовских и немецких людей, которых было приказано поверстать в казаки литовского списка. В 1661 г. в литовский список из Москвы было прислано еще 7 человек [44]. Большие изменения произошли в составе роты в 1660-1661 гг. в период строительства в Сибири полков «нового строя». В 1661 г. 37 служилых людей из роты были переведены государевой грамотой в рейтары, 3 человека в прапорщики, а 1 человек отпущен из Тобольска в Мангазею служить государеву службу [45].

Обращает внимание изменение в структуре списка тобольской роты. Списки 20-30-х гг. XVII в. четко отличают природных иноземцев: литву, черкас и немец – тобольских уроженцев от русских казаков литовского списка. В списке 1647 г. служилые люди роты в первый раз пишутся одной строчкой: «129 человек литвы и черкас и немец и литовского списку и конных казаков», без делений на более мелкие группы [46]. Такое же обозначение имеется и в списке 1649 г. Список 1660 г. объединил весь литовский список с конными казаками [47]. Однако это единство было нарушено в следующем списке 1661 г., где две эти большие группы конных служилых людей опять написаны отдельно [48]. И, наконец, в поздних списках служилого мира Тобольска 1672, 1677, 1685, 1693 гг. все 3 группы русских конных людей объединяются: литва (которыми теперь называются все, кто раньше был в литовском списке), конные казаки и казаки новокрещеного списка. Эти изменения в списках отражают перемены, происшедшие в самом служилом мире г. Тобольска.

В конце XVII в. закончилась эпоха войн России с Литвой и Польшей, после чего прекратилось поступление пленных литвы и поляков в Сибирь. В результате, усилился процесс зачисления в корпорации поляков, литвы и черкас русского населения. В 1686 г. после заключения Вечного мира с Польшей, в Сибирь была послана государева грамота, по которой предполагалось произвести разбор служилых иноземцев. Польские, литовские и немецкие люди, желающие служить в сибирских городах, должны были быть зачислены в Москве в новые и большие, чем раньше чины и оклады. Правительство запрещало верстать в иноземные оклады представителей других групп населения и приказало прислать списки русских людей, зачисленных в иноземные оклады в Москву. И.Б. Репнин, глава Сибирского приказа, приказал воеводам городов Сибири отставить русских людей из польских окладов. Позднее представители этих иноземных корпораций были зачислены в ряды казаков [49].

К 1633 г. с 8 до 12 человек увеличилось число иноземцев из Европы в других корпорациях, 5 человек литвы и черкас служили в конных казаках, 3 человека литвы в стрельцах, 3 человека литвы и 1 немец в пеших казаках [50]. К 1638 г. количество иноземцев уменьшилось до 10 человек за счет пеших казаков, где было 2 человека литвы [51]. В 1661 г. 24 польских и немецких людей присланы с Москвы в Тобольск и зачислены в пешие казаки, 1 стал рейтаром, 39 были взяты солдаты, другие посланы на службу на р. Лену и в Дауры [52].

В 1627 г. в Тобольске служило всего 199 человек пешей службы: 100 пеших казаков и 99 стрельцов [53]. Это количество служилых людей было очень мало для гарнизона столицы Сибири. В 1651 г. воевода Тобольска В.И. Хилков сообщил царю, что в 1629 г. в прибавку к пешим казакам было прибрано в Верхотурье, в Тюмени и Туринске 150 человек. В 1631 г. Григорий Шестаков прибрал в русских городах в пешие казаки и привел в Тобольск 500 человек. В результате этого в Тобольске при воеводе боярине князе А.Н. Трубецком количество пеших казаков и стрельцов составило 858 человек. К 1633 г. в городе имелось уже 608 служилых людей 107 человек в сотне сотника стрелецкого, 501 человек в станицах у 8-ми атаманов русских пеших казаков [54]. Однако и это число служилых людей было мало для выполнения различных служб.

В 1635 г. царь приказал перевести в Сибирь «в Тобольск к прежним тобольским служилым людям в прибавку для оберегания от воинских людей и для всяких государевых сибирских прибылых служб» 500 стрельцов Холмогор, 200 стрельцов Вологды, 50 стрельцов Устюга Великого, 20 стрельцов Каргополя, 140 иноземцев Нижнего Новгорода [55]. Первоначально предполагалось, что в Тобольск отправится 110 служилых людей: 50 стрельцов Устюга Великого, 20 стрельцов Каргополя, 40 иноземцев Нижнего Новгорода, на Тару – 200 стрельцов Вологды, 100 иноземцев Нижнего Новгорода, в Тюмень – приказ стрельцов в 500 человек с головою и сотниками [56].

Служилые люди посылались в Сибирь в сопровождении семей на подводах «в Тобольск с великим поспешением» [57]. Жалование служилым людям было предписано давать по примеру тобольских иноземцев и стрельцов, первое время до постройки собственных домов воевода должен был разместить их во дворах служилых и житецких людей Тобольска. Помимо жалования, в указе содержалось требование наделить служилых людей землей по 2 десятины на человека, которая до особого распоряжения была освобождена от оброка. Однако в реальности в 1635 г. в Тобольск было прислано только 40 стрельцов из Устюга Великого и Каргополя [58]. К 1638 г. количество людей пешей службы Тобольска увеличилось до 682 человек, список отмечал в сотне сотника стрелецкого старых и новоприсыльных каргопольских, устюжских и казанских стрельцов 144, 3 человека литвы. В 8-ми станицах пеших казаков имелось 533 русских и 2 человека литвы [59].

К 1647 г. в Тобольске осталось только 436 человек пешей службы, 53 стрельца и 383 пеших казака. Значительное уменьшение гарнизона объяснялось командировкой служилых людей на восток. Список отмечал, что часть служилых людей Тобольска были посланы на р. Лену с воеводой Петром Головиным (225 человек), с воеводой Василием Пушкиным (50 человек) и на озеро Байкал с атаманом Василием Колесниковым (18 человек). Всего на востоке из гарнизона Тобольска находилось 293 служилых человека. Позднее часть служилых людей вернулась с востока в Тобольск. К 1649 г. в Тобольске имелось 78 стрельцов и 368 пеших казаков – 446 человек. В этом году вернулись с востока и прибыли из Москвы 35 человек этой корпорации, в результате, их количество составило 481 человек [60].

Большие изменения произошли в Тобольске во время реформ военных сил Сибири 1660-1661 гг. К 1660 г. в Тобольске служили 656 служилых людей пешей службы, 156 стрельцов и 500 пеших казаков и стрельцов [61]. В 1661 г. к старым стрельцам 141 человек был прибран из Тобольска и городов Тобольского разряда, 359 человек из стрелецких детей, братьев и племянников. В результате, в Тобольске был сформирован приказ стрельцов в 500 человек [62]. В городе было также 494 пеших казака [63]. В результате, к 1661 г. число людей пешей службы увеличилось до 994 человек. В 1672 г. в Тобольске имелось 1022 человека пешей службы, 458 стрельцов и 564 пеших казака [64]. К 1678 г. число людей пешей службы достигло 1095 человек: 464 стрельца и 631 пеший казак, кроме тех, которые были посланы на службу на р. Лену и в Даурию [65].

К 1693 г. в Тобольске служили 978 человек пешей службы (455 стрельцов и 523 пеших казаков). В списке отмечалось, что часть служилых людей вернулась в Тобольск по отпуску из Даурских острогов в 1693 г. Кроме того, в Даурии служили 167 служилых человека Тобольска посылки 1664, 1668, 1670, 1686 гг. (43 стрельца и 124 пеших казака).

Корпорации стрельцов и пеших казаков каждый год теряли большое количество людей. В 1633 г. из 107 стрельцов умерло 3 человека, а из 501 пешего казака выбыли, умерли и сбежали, а также за воровство, побег, грабеж, убийство торговых и промышленных людей, игру или болезнь из службы по разным причинам были отчислены 137 человек [66]. В 1638 г. из 144 стрельцов выбыли 10 человек, а из 535 пеших казаков выбыли, умерли, бежали и были посажены в тюрьму за воровство 104 человека [67].

Характерно, что именно представители этой группы служилых людей часто совершали преступления в уезде. Источники отмечают, что наиболее распространенными преступлениями пеших казаков были игра, воровство, ругань; за эти виды преступления пешие казаки часто подвергались различным видам наказания, обычно их били батогами на торгу Тобольска [68].

В историографии отмечалась значительная роль боевых холопов в русском войске XV-XVII в. [69]. Корпорация стрельцов и пеших казаков городов Сибири формировалась частью из беглых людей. В 1620 г. Максим Строганов жаловался царю на частые побегы его людей в Сибирь. Позднее Андрей Строганов просил у царя Михаила Федоровича вернуть ему беглых холопов, которые в 1625-1626 гг. записались в казаки или жилецкие люди в городах Сибири. В 1627 г. был отдан своему хозяину беглый холоп Кузьма Аврамов, записавшийся в Тобольске в казаки. В.И. Корецкий справедливо полагал, что правительство в первую очередь заботила проблема заселения новых территорий. Государевы грамоты предлагали воеводам выдавать крестьян, пришедших в Сибирь менее 5 лет назад, а холопов отдавать только при наличии на них крепостей. Воеводы обычно стремились отказать в подобных требованиях [70].

Н.И. Никитин полагал, что необходимость быстрого увеличения военной силы заставляла воевод в Сибири верстать службу случайных, ссыльных и гулящих людей. Н.И. Никитин показал, что основную убыль в Тобольском гарнизоне 1630-1640-х гг. несли станицы пеших казаков, сформированные в 1631 г. Главной причиной убыли служилых людей являлось бегство. Позднее, в середине XVII в. положение в Тобольском гарнизоне изменилось, бегство и заключение в тюрьму стало редким явлением. Н.И. Никитин отмечал, что эти данные являются свидетельством укрепления военно-административного аппарата Сибири в XVII в. и увеличения численности русского населения [71].

В результате, правительство несколько раз проводило наборы «охочих людей» для пополнения этой корпорации. Кроме того, в эти годы определенную роль в пополнении гар-

низона играла ссылка. Всего, по данным В.И. Хилкова, в 1630-1640 гг. в Тобольске было зачислено из ссыльных в пешие казаки и стрельцы 55 человек. В 1660 г. был прислан с государственной грамотой с Москвы ссыльный стрелец, «и велено ему быть в Тобольску в стрельцах» [72]. Таким образом, в 1630-1640 гг. в результате 3 посылок и ссылки в гарнизон города было зачислено 745 пеших казаков и стрельцов. Надо отметить, что ссылка играла в формировании корпорации пеших казаков и стрельцов второстепенную роль, по сравнению с другими источниками – прибором вольных людей в городах Сибири и особенно русских городах. Значительная часть этих сил была направлена на службы на восток.

Кроме служилых людей, в городе были обротчики. В списке 1633 г. в Тобольске отмечен городской приказчик, к 1647 г. в городе было уже 2 городских приказчика. Это количество отмечают и следующие списки. В списке 1660 г. отмечен приказчик пашенных крестьян. Количество пушкарей и затинщиков увеличилось с 5 человек в 1620 гг. до 7 (1633 г.), 9 (1640-1660 гг.) и, наконец, 11 человек (1670-1690 гг.). В Тобольске имелось большое количество толмачей. В списке 1633 г. упоминаются три толмача, в списке 1638 г. отмечено, что из них были 2 татарских толмача, 1 остяцкий толмач. К 1660 г. в Тобольске имелось уже 5 толмачей: 3 татарских, 1 остяцкий и 1 ойратский. К 1678 г. было 10 толмачей: 4 татарских, 3 остяцких толмача, 1 ойратский и 2 ойратской грамоте переводчика. В 1693 г. упоминаются только 4 татарских и 1 ойратский толмач, 1 ойратской грамоты переводчик.

Количество воротников города и острога составляло 4 человека. В списке 1633 г. упомянуты 2 кузнеца. В списке 1693 г. отмечен бронный мастер. В Тобольске имелся палач, двое заплочных мастеров, бирюч и часовщик. Кроме того, в городе было значительное количество сторожей – 8 человек. В списке 1660 г. отмечено, что было 4 сторожа съезжей избы, а позднее приказной палаты, 2 корабельных сторожа, 2 тюремных сторожа. В 1693 г. отмечен 1 сторож таможенный. В 1633 г. в Тобольске было 25 человек обротчиков [73].

С.В. Бахрушин справедливо отмечал, что русская власть в Сибири принимала на службу бывших вассалов Кучума, предоставляя им значительные права. В результате, в крупных центрах юга Сибири – Тобольске, Тюмени, Таре, Томске – были образованы особые корпуса из служилых татар, под началом татарского головы. По социальному положению служилые татары были близки русским служилым людям [74]. По данным списка 1633 г., в Тобольске, кроме 258 служилых татар, имелся 201 их родственник и захребетник, которые использовались на различных службах. Они гоняли ямскую гоньбу на 4 дороги и посылали по 50 человек в экспедиции на озеро Ямыш для работ [75].

Дети боярские имели оклады от 7 до 20 рублей, в зависимости от своей службы. В корпорации литвы новокрещенного списка и конных казаков в первые десятилетия оклады составляли 7 рублей. Позднее к 1668 г. многие представители этой корпорации добились увеличения своих окладов до 10-12 рублей. Такие прибавки к окладам воеводы могли назначать из выбылых окладов «за службы» служилых людей. Воевода П.И. Годунов писал в Сибирский приказ, что часто такие большие оклады назначались воеводами городов Тобольского разряда по своим прихотям, а «не за службы». В Тобольске в 1669 г. П.И. Годунов приказал снять все прибавки к окладам, которые воеводы Тобольского разряда назначили без государева указа с 1659 по 1669 гг. П.И. Годунов приказал в городах никого не верстать без государевых указов и отписок Тобольска. П.И. Годунов писал, что в государевых наказах воеводам Тобольска и ранее были требования не верстать и не переводить из оклада в оклад служилых людей. Однако эти приказы в Сибири

не выполнялись. Так только боярин А.А. Голицын, воевода в Тобольске в 1663-1667 г., верстал в большие оклады и дал прибавки 73 служилым людям. В Тобольске П.И. Годунов приказал назначить равные оклады в корпорации конной службы, разделив служилых людей на ряд статей [76].

На протяжении всего XVII в. Тобольск по составу населения был, главным образом, военным городом. В 1628 г. воеводы Тобольска князь Трубецкой и князь Волынский сообщали царю, что «жилецких тобольских посадских людей потому ж в Тобольске мало и те приставлены у твоих государевых дел в таможе в городе у твоей государевой казны и у подгородных житниц и у всяких твоих государевых дел в ценовальниках» [77].

К 1624 г., по подсчетам О.Н. Вилкова, жалованные люди имели 77% дворов в городе, а остальные группы (посадские люди и крестьяне) 23%. В 1624 г. в Тобольске имелось 345 городских двора, из них 223 служилых (64%), 46 посадских (13%), 12 крестьянских (3%), 29 дворов ружников (8%), 17 дворов администрации (5%), 18 дворов других групп населения (6%). Кроме того, за городом имелся 261 двор русского населения, из них 91 двор служилых людей, 30 посадских, 140 крестьянских [78].

К 1698 г. жалованные люди составляли 65% населения Тобольска. Все мужское население Тобольска составляло 3455 человек, количество русских служилых людей в городе составляло уже 2138 человек, административных чинов 44 человека и 56 ружников. Всего к 1698 г. в Тобольске насчитывалось 2396 служилых людей: из них 2138 русских, 258 служилых татар. В то же время выросло и количество посадских людей, которых к 1698 г. насчитывало 1217 мужчин (35% населения). В абсолютных числах и к концу XVII в. посадское население серьезно уступало служилому населению города Тобольска [79]. О.Н. Вилков справедливо отмечал, что многие служилые люди Тобольска занимались ремеслом, промыслом и торговлей. В 1624 г. 17 служилых людей (8%) занимались торговлей и промыслами, в 1632 г. 72 (8%), 1655 г. 156 (17%), 1696 г. 357 (17%) [80].

Многие служилые люди занимались земледелием. В.И. Корецкий показал, что организация пашни служилых людей городов Сибири в широких размерах произошла в первые годы XVII в. По данным В.И. Корецкого, голод в городах Сибири, которые зависели от привозного хлеба, начался раньше, чем на Руси. Попытки закупки хлеба правительством из Перми и городов Поморья в 1603-1604 гг. оказались неудачными по причине дороговизны. В 1601-1602 гг. многие жители Перми бежали от голода в города Сибири. В результате, по мнению В.И. Корецкого, было принято решение прекратить выдачу хлебного жалования жалованным людям Тобольска, Тюмени, Тары, Верхотурья и Пельма, наделив их землей под пашню и угоды [81].

Однако, по данным источников, и позднее служилые люди южных городов Сибири, имея пашни, получали как денежное, так и хлебное жалование. Так в 1624 г. воевода Тобольска боярин Ю.Я. Сулешов отмечал, что до его приезда в Сибирь «служилые люди владели многими землями даром, а оброку никакого с той земли не платили, а денежное и хлебное жалование те служилые люди имали..., а тою землею владели сверх жалования» [82]. В качестве воеводы Тобольска Ю.Я. Сулешов приказал не давать хлебного жалования служилым людям сибирских городов, имевшим пашни, в результате чего «учинил государю многую прибыль» [83]. В результате, в Сибири снизились хлебные цены. По данным Ю.Я. Сулешова, до его приезда служилым людям покупался хлеб за 1-1,5 рубля четверть, позднее по распоряжению воеводы цена была снижена до 20 алтын за четверть хлеба [84].

Н.И. Никитин справедливо полагал, что первыми и долгое время наиболее многочисленными жителями Тобольского уезда стали служилые люди. Именно они, по мнению ученого, и завели первую пашню в Тобольском уезде. В целом, по оценке Н.И. Никитина, первые десятилетия русской колонизации земельные владения русских людей располагались по главным рекам Тобольского уезда и их притокам. К 1623 г. хозяйство служилых людей составляли половину русских земельных владений на р. Тобол, который начал осваиваться в первую очередь, а также 1/3 от количества хозяйств русского населения на р. Иртыш [85].

Н.И. Никитин отмечал, что русские начали хозяйственное освоение Тобольского уезда в первые годы после строительства Тобольска. Однако напряженная политическая обстановка в Западной Сибири конца XVI в. заставила их начать земледельческую колонизацию в районе, неудобном для сельскохозяйственного производства по р. Тоболу. Только позднее, в результате ослабления военной опасности, появилась возможность для колонизации земель по р. Иртыш [86].

По данным Н.И. Никитина, к 1623 г. в сельских поселениях Тобольского уезда русские имели 304 двора, из которых 116 принадлежало служилым людям, 89 пашенным крестьянам, 41 оброчным крестьянам, 31 посадским людям, 12 Успенскому монастырю, 8 ружникам и 7 представителям низшей администрации [87].

Служилые люди Тобольского уезда имели земли в личном владении, в редких случаях отмечается совместное владение [88]. Величина пашни колебалась у служилых людей от 0,25 десятин в поле до 12 десятин [89]. Однако преобладала пашня от 1 до 3 десятин в поле на хозяйство. При этом надо отметить, что под пашню была занята только небольшая часть удобной земли. В целом, наделы служилых людей составляли от 3 до 121 десятины. Обычным считался надел от 12 до 36 десятин земли удобной для пашни [90].

Центр русской Сибири Тобольск имел большой гарнизон из служилых людей. Большое значение в городе имели дети боярские, которые выполняли службу в Тобольске и других городах Сибири. Служилые люди Тобольска были преобладающей по численности группой населения города, играли главную роль в его жизни.

Примечания

1. Горсей Джером. Записки о России XVI – начала XVII вв. – М., 1990. – С. 52; Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. – М., 2001. – С. 97; Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI-XVII в. // Исторические записки. – М., 1938. – Т. 4. – С. 259; Волков В.А. Войны и войска Московского государства. – М., 2004. – С. 408-410; Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. – М., 1982. – С. 256; Козляков В.Н. Михаил Федорович. – М., 2004. – С. 203-205.

2. РГАДА, Ф. 214, Ст. 25, Л. 14.

3. РГАДА, Ф. 214, Кн. 46, Л. 8; Ст. 60, Л. 290-292.

4. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 1-5.

5. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 3.

6. РГАДА, Ф. 214, Кн. 209, Л. 1-5.

7. РГАДА, Ф. 214, Кн. 535, Л. 253.

8. РГАДА, Ф. 214, Кн. 535, Л. 254.

9. РГАДА, Ф. 214, Кн. 535, Л. 254-256.

10. РГАДА, Ф. 214, Кн. 1044, Л. 8.

11. РГАДА, Ф. 24, Д. 1, Л. 13.
12. РГАДА, Ф. 214, Ст. 25, Л. 1.
13. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 2.
14. РГАДА, Ф. 214, Кн. 209, Л. 1-2; Кн. 248, Л. 1.
15. РГАДА, Ф. 214, Ст. 1678 Л. 1-4.
16. РГАДА, Ф. 214, Ст. 354, Л. 1; Ст. 513, Л. 1.
17. РГАДА, Ф. 214, Кн. 1044, Л. 7.
18. РГАДА, Ф. 214, Кн. 1044, Л. 7; Ст. 970, Л. 1-14.
19. РГАДА, Ф. 214, Ст. 100, Л. 120; Ст. 977, Л. 1-60.
20. РГАДА, Ф. 214, Кн. 1044, Л. 8.
21. Флоря Б.Н. Русское общество и Смутное время // Исторические записки. – М., 2003. – № 6 (123). – С. 34.
22. РГАДА, Ф. 214, Ст. 663, Л. 203-205.
23. РГАДА, Ф. 214, Ст. 663, Л. 207-209.
24. РГАДА, Ф. 214, Ст. 663, Л. 210-216.
25. РГАДА, Ф. 214, Ст. 663, Л. 219-223.
26. РГАДА, Ф. 214, Ст. 663, Л. 254-256.
27. РГАДА, Ф. 214, Кн. 948, Л. 1-298.
28. РГАДА, Ф. 214, Ст. 25, Л. 13.
29. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 2.
30. РГАДА, Ф. 214, Кн. 6, Л. 183.
31. Станиславский А.А. Гражданская война в России XVII в. – М., 1990. – С. 201.
32. Воссоединение Украины с Россией. – Т. 1. – М., 1954. – С. 326.
33. Сибирский летописный свод... С. 147; Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1968. С. 159; РГАДА, Ф. 199, Портфель 541, Л. 1-65; Портфель 477, Ч. 2, Д. 5, Л. 16.
34. РГАДА, Ф. 214, Ст. 16, Л. 15.
35. РГАДА, Ф. 214, Кн. 46, Л. 8; Кн. 535, Л. 255-256.
36. РГАДА, Ф. 214, Ст. 55, Л. 4-23.
37. РГАДА, Ф. 214, Ст. 72, Л. 279.
38. РГАДА, Ф. 214, Ст. 495, Л. 134; Акты Московского государства. Т. 1. С. 456; ЧОИДР 1908 Т. 4. С. 41-43; ЧОИДР 1909 Т. 2. С. 56; ЧОИДР 1910 Т. 1. С. 37-39; ЧОИДР 1910 Т. 2 С. 51.
39. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 2.
40. РГАДА, Ф. 214, Кн. 209, Л. 2.
41. РГАДА, Ф. 214, Кн. 248, Л. 2.
42. РГАДА, Ф. 214, Кн. 408, Л. 2.
43. РГАДА, Ф. 214, Кн. 419, Л. 3; Ст. 1567, Л. 241, 281.
44. РГАДА, Ф. 214, Кн. 419, Л. 3.
45. РГАДА, Ф. 214, Кн. 209, Л. 2.
46. РГАДА, Ф. 214, Кн. 248, Л. 2; Кн. 408, Л. 2.
47. РГАДА, Ф. 214, Кн. 419, Л. 3.
48. РГАДА, Ф. 214, Ст. 794, Л. 373-377.
49. РГАДА, Ф. 214, Кн. 46, Л. 6.
50. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 3 об.
51. РГАДА, Ф. 214, Кн. 419, Л. 5.
52. РГАДА, Ф. 214, Ст. 25, Л. 14.

53. РГАДА, Ф. 214, Кн. 46, Л. 6.
54. РГАДА, Ф. 214, Ст. 61, Л. 465.
55. РГАДА, Ф. 214, Ст. 61, Л. 475.
56. РГАДА, Ф. 214, Ст. 61, Л. 18.
57. РГАДА, Ф. 214, Ст. 408, Л. 57.
58. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 3 об.
59. РГАДА, Ф. 214, Кн. 209, Л. 1-5.
60. РГАДА, Ф. 214, Кн. 408, Л. 3.
61. РГАДА, Ф. 214, Кн. 419, Л. 4.
62. РГАДА, Ф. 214, Кн. 419, Л. 5.
63. РГАДА, Ф. 214, Кн. 568, Л. 2 об.
64. РГАДА, Ф. 214, Кн. 641, Л. 4.
65. РГАДА, Ф. 214, Кн. 46, Л. 6.
66. РГАДА, Ф. 214, Кн. 46, Л. 5.
67. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 3 об.
68. ЧОИДР. 1883. Кн. 1. 18-30.
69. Хелли Р. Холопство в России 1450-1725. – М., 1998. – С. 447-456.
70. Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время Смуты (конец XVI – начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири. – М., 1973. – С. 45.
71. Никитин Н.И. О практике управления сибирскими гарнизонами в XVII в. // Торговля, промышленность и город в России XVII – начала XIX в. Сб. статей. – М., 1987. – С. 105.
72. РГАДА, Ф. 214, Ст. 408, Л. 57.
73. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 4; Кн. 209, Л. 3; Кн. 408, Л. 4; Кн. 641, Л. 5; Кн. 1044, Л. 10.
74. Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. – Т. 3. – Ч. 2. – М., 1955. – С. 163-176.
75. РГАДА, Ф. 214, Кн. 46, Л. 8-15.
76. РГАДА, Ф. 214, Кн. 535, Л. 251-257.
77. РГАДА, Ф. 214, Ст. 16, Л. 214.
78. Вилков О.Н. Социальная структура сибирского города XVII в. // Известия Сибирского отделения А. Н. Серия общественных наук. 1970. – № 6. – Вып. 2. – С. 33.
79. Вилков О. Н. Указ. соч. – С. 34.
80. Вилков О. Н. Указ. соч. – С. 35.
81. Корецкий В. И. Указ. соч. – С. 51.
82. РИБ, Т. 8, С. 351.
83. Там же.
84. Там же.
85. Никитин Н.И. Заселение русскими Тобольского уезда в первой четверти XVII в. // Вопросы истории хозяйства и население Сибири XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. – М., 1974. – С. 275.
86. Там же. С. 279.
87. Там же. С. 264 – 291.
88. Там же.
89. Там же.
90. Там же.

Я.Г. Солодкин

**О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ
«ЕРМАКОВА ВЗЯТИЯ» СИБИРИ
(ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Немало проблем истории знаменитой казачьей экспедиции, положившей начало присоединению к Московскому государству «Сибирской страны», остается еще дискуссионным, главным образом в силу малочисленности сохранившихся источников, почему тщательный анализ уцелевших свидетельств о перипетиях «зауральской эпопеи» 1580-х гг. приобретает особую значимость.

Из бытующих в историографии многочисленных датировок начала «Ермакова взятия» «Кучумова царства» самой убедительной представляется обоснованная три десятилетия тому назад Р.Г. Скрынниковым (прежде всего, благодаря анализу «опальной» грамоты Ивана Грозного Строгановым) и подтвержденная доводами А.Т. Шашкова и Д. И. Копылова: в поход, следствием которого стало крушение татарского «юрта», казачья «дружина» выступила в конце лета или первые дни осени 1582 г. Некоторые тюменские ученые не согласились с таким выводом [1], полагая, что уже весной того же года ермаковцы действовали в низовьях Оби. Но это заключение основано на сообщении Кунгурского летописца о походе отряда Богдана Брязги до Белогорья – сообщении, которое едва ли достоверно [2]. Примечательно, что к 1582/83 гг. экспедиция Ермака отнесена в приписке (впрочем, неизвестного происхождения) на рукописи, где Безнинский летописец скомпилирован с кратким [3]. Подкреплять датировку Р.Г. Скрынникова ссылкой на участие Ермака в Ливонской войне [4; 5], однако, не представляется корректным, ибо в походе русских войск к Могилеву (1581 г.) участвовал, видимо, не тот атаман, имя которого обессмертило «покорение Сибири».

Большинство современных ученых вслед за владычным дяком Саввой Есиповым, сочинившим «летопись Сибирское царство и княжение, и о взятии, и Тоболске граде» (1636 г.), определяет численность «дружины» Ермака в 540 человек [6]. (Подчас эта цифра на основании Строгановской и Ремезовской летописей увеличивается до 840 и даже 5000 [7; 8], что представляется неоправданным). Происхождение интересующего нас сообщения «слогателя» Есиповской летописи Основной редакции (далее – ЕЛ) можно объяснить следующим образом. Подобно синодику «ермаковым казакам» (далее – С), софийский приказный упоминает о гибели атамана Ивана Кольца и 40 его сподвижников [9]. Примечательно, что при основании Тары было «из Тюмени велено послать, выбрав, литвы и черкас и казаков конных 40 человек». Столько же тобольских казаков в следующем году под началом письменного головы Б. Доможирова отправилось из Тары в поход против Кучума. В 1595/96 гг. в этот город послали мещовских детей боярских И. Беклемишева, М. Глебова и Ф. Лопухина; в подчинении каждого из них находилось по 40 «литвинов», черкас и казаков [10; 11; ср. 12; 13; 14; 15]. По-видимому, 40 человек составляли в то время отдельную боевую единицу. С «товарством» такой численности Иван Кольцо, очевидно, присоединился к Ермаку, «войско» которого могло насчитывать (что у казаков являлось типичным) 500 казаков. По наблюдению же А. Л. Станиславско-

го, «при объединении нескольких станиц один из станичных атаманов становился главой всего отряда и всегда назывался впереди других атаманов» [16].

С точки зрения Д.Я. Резуна, «русский полк», одолевший «сибирского салтана», включал собственно «ермаковых», «воровских» и предводительствуемых Черкасом Александровым строгановских «охочих» казаков [17; 18]. Однако Черкас, сведения о котором весьма многочисленны [19; 20], ни разу не упоминается в такой роли. Сомнительно, повторим, летописное известие о 300 иноземцах (но не казаках), которыми Строгановы решили пополнить «дружину» Ермака перед ее походом за «Камень». Наконец, в источниках нет и намек на три отряда, объединившихся для этого похода, тем более, что «полк» Ермака мог включать и «воров» (в оценках государевых воевод и московских приказных).

По заключению Р.Г. Скрынникова, разделяемому некоторыми историками [21], к началу экспедиции Ермака основные силы «сибирцев» еще не вернулись из набега на Пермь Великую, и казачий «рейд» застал Кучума врасплох, у него даже не хватило войск для обороны своей столицы. Этот взгляд подкрепляется указанием Погодинского летописца (далее – ПЛ), согласно которому хан «приходу на себя Ермакова не чаял, а чаяху, что он воротитца назат на Часовую» [22]. Стало быть, «Кучум воспринимал начало похода как обычный казачий набег за добычей» [23]. Но в ПЛ, который можно считать наиболее любопытной переработкой есиповской «Повести о Сибири и о сибирском взятии», читаем, что ермаковцы, разграбив «на Волге государеву казну» и «погромив» там ногайских татар, «прибежали» «в Чюсовую» и ее «сибирским повоевать не дали. И с тех мест (того времени. – Я. С.) учали оне, Ермак с товарищи, мыслить и збираться, как бы им доитти до Сибирской земли до царя Кучюма». Отряды последнего (во главе с ханским наследником Али или Алеем), следовательно, были разбиты казачьей «дружиной» еще до ее вторжения в эту «землю», начавшегося далеко не сразу после того, как прославшийся Токмаком атаман и его соратники очутились на Чусовой. Узнав о бое своих «татар» с казаками у Епанчина, Кучум приказал собрать войска в городе Сибири и «ополчиться» против русских, и вскоре к хану явилось множество татар, остяков, вогулов и других «языков», так что перед сражением у Чувашевой горы «поганые» располагали 20-тикратным численным перевесом над «товарством» Ермака. (В ЕЛ сказано, что накануне этой битвы кучумлян было в 10 или 20 раз больше, нежели казаков. Тем не менее «бежаша множество их поганых от малочисленнаго [воинства]»). Если верить С, столько же «нечестивых» полегло «под Чювашею» [24]). Таким образом, летописные источники не подтверждают вывода, что появление ермаковцев в его владениях стало для сибирского хана неожиданным, и он не успел собрать достаточных сил, чтобы противостоять атаманам и казакам.

В представлении Р.Г. Скрынникова и Н.И. Никитина сражение, решившее участь «Кучумова царства», произошло близ Абалака, после того как царевич Маметкул истребил там отправившуюся на рыбалку станицу есаула или пятидесятника Богдана Брязги. Ведь, по словам Есипова, это была «брань велия», затянувшаяся «на мног час». Последнее выражение, однако, встречается и в рассказе «архиепископля» дьяка о гибели отряда Ивана Кольца [25]. Оно налицо во многих нарративных и документальных памятниках, в том числе (в Повести о царе Федоре Ивановиче) применительно к ситуации, сохранявшейся не более двух часов [26; 27; 28; 29; 30; 31; 32]. Порой же древнерусские книжники употребляли сходные формулировки: «долг (един) час», «скорый час», «многи (многие, едины) часы» [33; 34; 35; 36]. В оценке софийского дьяка «брань велия» состоялась не

только возле Абалака, но и близ урочища Бабасан, а затем «под Чювашею» [37]. Приведенное выражение (или «бой велик», «битва великая») не было редкостью в книжности Московской Руси. Кстати, фраза «жнуще ... яко класы» («яко класы, жняху») помимо С, ЕЛ и ряда ее вторичных разновидностей имеется во многих произведениях XVI – XVII вв. [38; 39; 40; 41], оборот «солнце евангельское осия, псаломский гром огласил», вопреки мысли Е.К. Ромодановской, не принадлежит Есипову; эти слова, которые цитировал князь И.А. Хворостинин [42], восходят к Священному Писанию. Итак, замечание создателя ЕЛ о масштабе и продолжительности боя у Абалака – это «общее место» русской средневековой письменности, одна из ее устойчивых формул [43]. По справедливому заключению Н.А. Дворецкой, в произведении Есипова (который подчас неточно представляется дьяком и тобольской митрополией, и архиепископской канцелярией [44]), факты часто излагаются в духе книжной риторики, сказывается литературная традиция, не отражающая исторической действительности [45]. Примечательно, что сибирские летописцы изображали бой на Абалаке (по сообщению С.У. Ремезова, в урочище Шамшинском) как месть Маметкулу за гибель Богдана Брязги «с товарищи» [46]. Попутно заметим, что некоторые выражения, которые мы находим в ЕЛ («вдвдася ... невозвратному бегству»), «спящим без всякого опасения», «во уреченном месте»), имеют аналогии в Летописной книге о Смутном времени [47]. Учитывая наблюдения И.Ю. Серовой, это можно объяснить тем, что в обоих сочинениях использован общий источник, хотя он, скорее всего, отразился в протографе ЕЛ, если не предшествовавшем ей «писанию». Кроме того, в летописи владычного дьяка часто встречаем одни и те же фразы, скорее всего, тоже заимствованные: «мыслити зло (зла не мыслити)», «собрание поганых», «множество богатства приобретаеши», «яко змии ухапят (ухапити)», «на бежение устремилася», «плакаху (восплакася) плачем велиим», «со многими воинскими люд(ь)ми» [48].

«Подчювашскую брань», которую можно признать решающей в ходе экспедиции Ермака, некоторые исследователи относят к 23-25 октября [49; 50]. Такая датировка есть только в Ремезовской летописи [51]. Недавно Н.А. Березиков приурочил сражение на Чювашевом мысу, впрочем, бездоказательно, к 22 октября [52]. Предпочтительнее (как думалось еще Г.Ф. Миллеру) показание Есипова, который датировал это «бранное ополчение» следующим днем. Иногда утверждается, что битва произошла на Княжем лугу, точнее, в его «юго-восточном углу» [53]. Этот луг упомянут в ЕЛ и ПЛ, но лишь как место, где накануне своего пленения в Тобольске охотились Сейдяк, Салтан и Карача [54]. Битва же, поражение в которой заставило Кучума покинуть свою столицу, согласно и ранним, и более поздним источникам, произошла на берегу Иртыша «под Чювашею» (Чувашевым), у горы Чувашевой, возле засеки у Чувашева мыса [55; 56]. 26 октября ермаковцы вступили в город Сибирь, причем без боя, и утверждение, будто в этот день русский народ одержал победу над властелином татарского юрта [57], не вполне точно.

Многие исследователи пытались выяснить, что представляла собой «перекопь», на которой (или возле нее) в водах малоизвестного Вагая либо «великого» Иртыша погиб Ермак [58]. Упоминавшие о ней сибирские «слогатели» иногда под влиянием Нового летописца добавляли, что «перекопь» располагалась близ острова [59]. Лишь в хронографической повести «О победе на бесерменского сибирского царя Кучума Муртозелеева и о взятии Сибирского царства» (по-видимому, второй половины XVII в.) перекопь названа урочищем [60], но вряд ли оправданно: в «тетрадах» Есипова сказано об урочищах Бабасан и Абалак [61]. Немногочисленные документальные свидетельства подтверждают за-

ключение Н.М. Карамзина, что перекопь – это существовавший ко времени похода (как думалось казакам, навстречу бухарским «торговым людям») искусственный канал, соединявший два водоема или служащий для выпрямления русла реки [62; 63; 64]. Недаром в материалах вотчинного делопроизводства Тобольского архиерейского дома XVII в. говорится о Ермаковой перекопи, вероятно, месте последнего ночлега «ратоборного» атамана, в том числе ее и нижнем устье, что поблизости от Вагая, и образующей нижнее устье «Иртыша речки» [65].

Примечания

1. Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. – С. 121, 136-137.
2. Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Колл. моногр. – Нижневартовск: Нижневартовский гос. гуманитар. ун-т., 2009. – Ч. 4. – С. 8-11.
3. Солодкин Я.Г. Летописные датировки начала зауральской экспедиции Ермака и их источники//Исторические записки: Научные труды Исторического факультета. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т., 2004. – Вып. 10. – С. 17.
4. Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Ермак и Строгановы: к проблеме подготовки и начала экспедиции в Сибирь//Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. («Строгановские чтения»). – Березники: Перм. книж. изд-во, 2004. – С. 22.
5. Шумилов Е.Н. Строгановы и русская колонизация, или почему Ермак Тимофеевич не пошел в Сибирь «Московским трактом»//Вопросы истории и культуры ... С. 75.
6. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – М.: Наука, 1987. – Т. 36. – С. 50.
7. Худяков Ю.С. Кольчуга Ермака. Легенды и источники//Тюркские народы: Мат-лы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. – С. 240, 243.
8. Гасников А.Г. Еще раз о походе Ермака Тимофеевича в Сибирь//Казачество: проблемы истории и историографии: Мат-лы 28-й всерос. заоч. науч. конф. – СПб.: Нестор, 2003. – С. 20.
9. ПСРЛ. – Т. 36. – С. 61, 71, 380.
10. Описание Сибирского Царства: Соч. Г. Ф. Миллером. – М.: Либерия, 1998. – Кн. 1. – С. 214, 215, 230.
11. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.)/Сост. Н.Н. Оглоблин. – М., 1901. – Ч. 4. – С. 30.
12. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею имп. Академии наук. – СПб., 1841. – Т. 1. – С. 444, 445.
13. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVII вв. // Уч. зап. Моск. гос. ун-та. – Вып. 94. – М., 1946. – Т. 1. – С. 110.
14. Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 109.
15. Резун Д.Я. К изучению менталитета сибирских землепроходцев XVII в.// Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI-XX вв. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – С. 108.

16. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 9, 29-30, 110. Ср.: С. 59, 68, 124, 134.
17. Резун Д.Я. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака?//Изв. Сибир. Отделения АН СССР: Сер. обществ. наук. – 1981. – № 11. – Вып. 3. – С. 18.
18. Резун Д.Я. Люди на сибирском фронтире в XVII-XIX вв.//Сибирское общество в контексте модернизации XVIII-XX вв.: Сб. мат-лов Всерос. конф. «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII – XX вв.». – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 16.
19. Ромодановская Е.К. Избранные труды: Сибирь и литература: XVII век. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. – С. 68, 227, 230-232.
20. Никитин Н.И. Сопратники Ермака после «Сибирского взятия»//Проблемы истории России. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. – Вып. 4. – С. 59-66.
21. См., напр.: Зыков А. Искер – забытая столица Сибири//Родина. – 2004. – Спец. вып.: Тобольск – живая былина. – С. 15.
22. ПСРЛ. – Т. 36. – С. 130.
23. Ромодановская Е. К. Избранные труды ... С. 201.
24. ПСРЛ. – Т. 36. – С. 53, 71, 130 – 132, 380.
25. Там же. – С. 57, 61. Ср.: С. 132.
26. Там же. – СПб., 1859. – Т. 8. – С. 63.
27. Там же. – М.: Наука, 1965. – Т. 14. – С. 17, 42, 50, 66. Ср.: С. 41.
28. Там же. – М.: Наука, 1978. – Т. 34. – С. 143.
29. Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР): Середина XVI века. – М.: Художественная литература, 1985. – С. 224, 452.
30. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1981. – С. 140.
31. Библиотека литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 6. – С. 406.
32. Козляков В. Смута в России: XVII век. – М.: Омега, 2007. – С. 510, 511.
33. ПСРЛ. – Т. 14. – С. 51, 136.
34. Там же. – Т. 34. – С. 107, 126.
35. Охотникова В.И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском//Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. – Л.: Наука, 1985. – С. 21, 27. Ср.: С. 24.
36. ПЛДР: Конец XVI – начало XVII веков. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 394, 414, 416, 420.
37. ПСРЛ. – Т. 36. – С. 52, 53. Ср.: С. 131.
38. Ромодановская Е. К. Избранные труды ... С. 133, 341-342, 344.
39. Русская Историческая Библиотека. – СПб., 1909. – Т. 13. – Стлб. 7, 34.
40. Временник Ивана Тимофеева. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 85, 126. Ср.: С. 62, 152.
41. Виршневая поэзия (первая половина XVII века). – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 284, 320, 330.
42. ПЛДР: Конец XVI – начало XVII веков. – С. 432.
43. См.: Прохазка Е.А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей//Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1989. – Т. 42. – С. 228-240.

44. Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв.: Колл. моногр./Отв. ред. Е.К. Созина. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. – С. 94, 103.
45. Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 64.
46. Ромодановская Е. К. Избранные труды ... С. 192.
47. ПЛДР: Конец XVI – начало XVII веков. – С. 388, 392-394, 396, 412, 418.
48. ПСРЛ. – Т. 36. – С. 52, 53, 55, 57, 59, 61, 63, 64. 66-68.
49. Ермак//Советская историческая энциклопедия. – М.: Изд-во АН СССР, 1964. – Т. 5. – Стлб. 507.
50. Могильников В.А. К истории знакомства русских с Сибирью до Ермака//Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XIX веков. – Tobolsk: РИО ГПНТБ СО РАН, 2005. – С. 140.
51. ПЛДР: XVII век. – М.: Художественная литература, 1989. – Кн. 2. – С. 558, 559.
52. Березиков Н.А. Сибирская экспедиция Ермака: военная тактика казаков//Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: Мат-лы регион. науч. конф. – Новосибирск, 2009. – С. 113.
53. Пантелеев П.А. Сибирь: начало истории – новая версия//Российская история. – 2009. – № 4. – С. 207, 208.
54. ПСРЛ. – Т. 36. – С. 66, 136.
55. Там же. – С. 52-55, 71, 79, 243, 307, 380. Ср.: С. 92.
56. ПЛДР: XVII век. – Кн. 2. – С. 558, 559, 568, 581.
57. Кириллов В.В. Ансамбль Тобольского кремля (Опыт создания общегородского публичного центра раннепетровского времени)//Семен Ремезов ... С. 80.
58. См.: Кружинов В. М., Сокова З. Н. Последнее сражение Ермака: исторические источники и исследования//Вестн. Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та: Сер. «Ист. науки». – 2008. – № 1. – С. 22-24.
59. ПСРЛ. – Т. 36. – С. 40, 73, 74, 78, 138, 189.
60. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции/Собр. и изд. А. Попов. – М., 1869. – С. 401.
61. ПСРЛ. – Т. 36. – С. 52, 56. Ср.: С. 129.
62. Карамзин Н.М. История Государства Российского. – М.: Книга, 1989. – Кн. 3. – Т. 9. – Примеч. 245.
63. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1988. – Вып. 14. – С. 249, 250.
64. Алферова Г.В. Русские города XVI-XVII вв. – М.: Стройиздат, 1989. – С. 101, 136.
65. Вотчины Тобольского Софийского Дома в XVII в. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. – С. 5, 11, 75.

И.В. Жадинец

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Теория устойчивого развития в последние 30 лет стала одной из самых исследуемых и быстро развивающихся и продолжает находить все большее распространение на общемировом уровне, включая Россию; ее идеологами выступают передовые и прогрессивные организации как мирового сообщества (такие, как ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ, ВОЗ, Всемирный банк и другие), так и отдельных стран. В настоящее время проблема устойчивого развития – предмет активного обсуждения в научной литературе, на конференциях.

Термин «устойчивое развитие» был введен в научный оборот в докладе в 1987 году Международной комиссией ООН по окружающей среде и развитию. Однако в силу своей исключительной емкости и многоплановости данное понятие интерпретируется по-разному, а общепринятое определение отсутствует.

В первую очередь, рассматривая генезологию понятия «устойчивое развитие», различные ученые не раз отмечали неточность русского перевода зарубежного выражения. Действительно, данное словосочетание означает просто устойчивый, постоянный рост. В тоже время в европейских языках *sustainable development*, *developement durable*, *nachhaltige Entwicklung* имеют несколько иной смысл. Подразумевается развитие «продолжающееся», можно сказать, «самодостаточное», «поддерживающееся», которое может поддерживаться неопределенно долго, т.е. такое, которое не нарушает основы дальнейшего прогресса человечества и развития его в оптимальном направлении [1].

Одно из наиболее часто приводимых определений в зарубежной научной литературе особо выделяет экономические аспекты, обозначая его как экономическое развитие, способное удовлетворить нужды нынешнего поколения, не лишая будущие поколения способности к удовлетворению собственных нужд. Другое определение рассматривает устойчивое развитие в более широком контексте, определяя последнее как род человеческой деятельности, питающий и увековечивающий историческое воплощение сообщества всех живых существ на Земле [2].

Что касается мнения российских ученых, то можно выделить 3 группы определений устойчивого развития, где определяющим является социальный, экологический или экономический аспект.

Например, В.И. Данилов-Данильян приоритетной считает социальную составляющую и полагает, что «это такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации *человека* и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества» [3].

Другие ученые, в частности, В.Н. Турченко, подчеркивают, что идея устойчивого развития подразумевает, в первую очередь, переход к разумному *природопользованию*, предполагающему сбалансированность потребления и воспроизводства природных ресурсов. Что касается невозобновляемых ресурсов, то следует минимизировать их использование за счет рациональной экономии, внедрения передовых ресурсосберегающих тех-

нологий и, по возможности, замены возобновляемыми или практически неисчерпаемыми ресурсами [4].

К. Берентаев, например, в своих работах рассматривает категорию устойчивое развитие во взаимосвязи экономического, экологического и биологического аспектов, что, по его мнению, особенно важно в условиях глобализации и интеграции экономики, когда усиливается связь между всеми сторонами человеческой деятельности. Однако первостепенной составляющей устойчивого развития считает *экономический рост*, причем обусловленный научно-техническим прогрессом, внедрением ресурсосберегающих технологий. Согласно К. Берентаеву, устойчивое развитие – это «обеспечение положительных темпов экономического роста на протяжении длительного периода времени, что должно обеспечить постоянное повышение уровня жизни населения и улучшения состояния окружающей среды» [5].

Думается, фактором устойчивого развития может выступать экономическое развитие, а не экономический рост, т.к. это слишком узкое понятие. Экономическое развитие общества подразумевает не только экономический рост, но и качественные структурные сдвиги в экономике, внедрение новых технологий, повышение уровня жизни населения. Можно согласиться с Т.В. Мельник, что устойчивое развитие несет интеграцию там, где это возможно, и идет на компромисс там, где это не представляется возможным. Устойчивое развитие предполагает сбалансированное социально-экономическое развитие при максимальном сохранении благоприятного состояния окружающей среды и природно-ресурсного потенциала [6].

Необходимо выделять несколько уровней устойчивого развития: глобальный (в масштабах всего мира или отдельных стран), региональный (область, район, населенный пункт), локальный (хозяйствующий субъект, домохозяйство) и индивидуальный.

На уровне нашего государства создана «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» в соответствии с положениями, изложенными в Декларации и других документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), а также в материалах XIX специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк, 1997 г.). В то же время Россия, создавая свою национальную стратегию устойчивого развития, определяет основные задачи с учетом своих особенностей.

Основными приоритетами устойчивого развития Российской Федерации являются обширная территория с сохранившимися уникальными природными ресурсами и естественными экосистемами, человеческий потенциал и экономические ресурсы. Для обеспечения устойчивого развития страны необходимо в максимальной степени сохранять территории с естественными экосистемами, разумно использовать невозобновляемые природные ресурсы и человеческий потенциал, а также – ввиду сложившейся демографической ситуации – направить усилия на развитие человеческого потенциала.

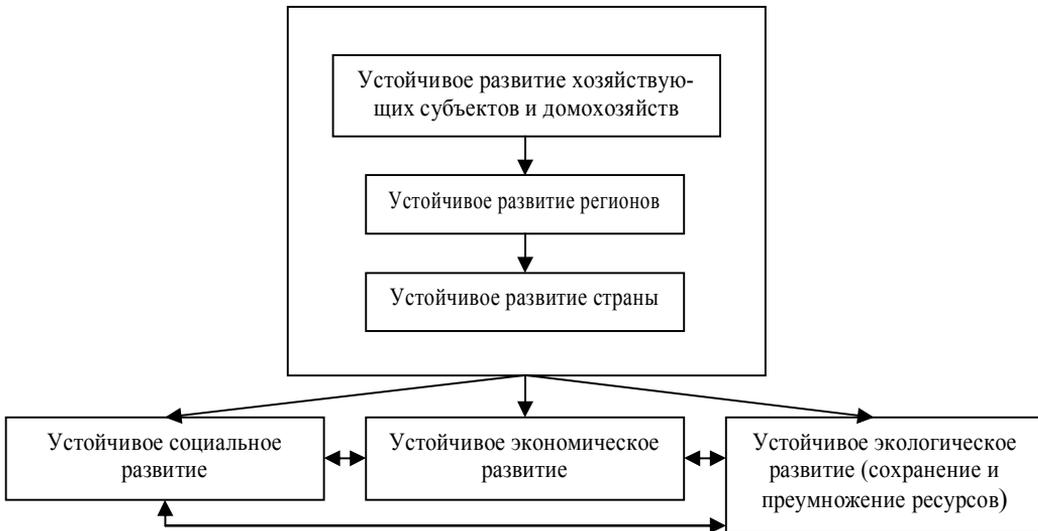
Первоочередной целью устойчивого развития России является улучшение качества жизни населения на основе научно-технического прогресса, стабильного развития экономики и социальной сферы при сохранении потенциала природного комплекса территории как части биосферы, а также развития технологического потенциала в интересах нынешнего и будущих поколений. Но, согласно Концепции, повышение уровня жизни людей должно ограничиваться пределами, превышение которых приводит к разрушению естественного механизма регуляции окружающей среды и ее необратимым глобальным изменениям [7].

Достижение устойчивого развития в многонациональном, географически дифференцированном государстве – таком, как Российская Федерация – невозможно без устой-

чивого развития всех его отдельно взятых субъектов. У каждой области имеется ряд специфических особенностей, которые определяют необходимость поиска оптимальных региональных моделей перехода к устойчивому развитию. Экономически устойчивое развитие любой территории, в свою очередь, немислимо без устойчивого функционирования хозяйствующих субъектов.

На основании вышеизложенного можно схематично представить систему устойчивого развития страны (см. рис. 1). Устойчивое развитие индивидуумов предопределяет развитие предприятий и домохозяйств, которые влияют на устойчивое развитие регионов, которые, в свою очередь, вносят вклад в развитие страны и мира.

Рис. 1. Система устойчивого развития страны

Таким образом, для исследования проблем устойчивого развития применяется системный метод, с помощью которого рассматривается сложная структура, включающая в себя социальное, экономическое и экологическое взаимодействие. Система является совокупностью элементов, связанных между собой определенным образом и образующих некоторое целостное единство. В системе всегда обнаруживается целостность, делимость на элементы, таким образом, система является структурой в виде системообразующих связей между элементами и их упорядоченности, также обладающей новыми системными качествами, которые не проявляются у элементов по отдельности.

По мнению Л.В. Мантатовой, наиболее общая закономерность устойчивого развития – это раздвоение единого на противоположности и динамическое равновесие между ними. Устойчивое развитие имеет место там, где противоположности не достигают антагонизма, где имеет место самоорганизация системы, «разрешимость» ситуации; эту диалектику устойчивого развития наиболее адекватно выражает понятие гармонии (в гераклитовской интерпретации) [8]. Гармония, по Гераклиту, есть внутренняя связь, скрытая согласованность, то есть равновесие, получающееся в результате «схождения» неослабевающего «расхождения» противодействующих сил. Процесс развития идет как минимум двумя противоположными путями: изменчивости и устойчивости, хаоса и порядка, инво-

люции и эволюции. В этом единстве и взаимопереходе противоположных моментов развития понятие устойчивого развития делается акцент на эволюции, согласованности и направленности изменений. Процессу такого развития присущи порядок и безопасность, выживаемость и «сохраняемость» структур в противовес хаосу и катастрофичности. Словом, устойчивое развитие – это такая творческая эволюция системы, при которой никакие преобразования внутри системы, никакие внешние возмущающие факторы не могут вывести ее из состояния динамического равновесия» [9].

Рассматривая понятие устойчивости в рамках общей теории систем, можно заметить, что с ним тесно связано понятие равновесия. Для каждой системы существует устойчивое состояние динамического равновесия, к которому она стремится, но никогда не может достичь. Закон равновесия гласит, что в процессе развития система стремится сохранить свое равновесное состояние, противодействуя всем внешним и внутренним влияниям или силам. Если компенсаторные способности системы недостаточны, равновесие нарушается, что приводит либо к разрушению системы, либо к ее качественному изменению и установлению нового равновесия. Если понимать организацию системы как совокупность противоположных частей, взятых в их взаимодействии, единстве и борьбе, то в силу действия закона равновесия в ходе развития системы эта совокупность будет стремиться сохраниться, противодействуя всем влияниям, пытающимся изменить соотношение между частями системы или баланс между противоположностями.

Бывает, в неустойчивых состояниях, далеких от равновесия, не представляется возможным предугадать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более высокий уровень организации. В таких случаях выбор нового пути развития неравновесной системы слабо зависит от предыдущих изменений в системе и определяется различными, часто случайными причинами, которые приводят к качественным изменениям и переводят систему в новое устойчивое состояние равновесия [10].

Однако государство, предприятия и экономика в целом – это искусственные системы, поэтому не являются саморегулирующимися. Для каждой такой системы существует оптимальное количество управляющих воздействий, с помощью которых она удерживается в области устойчивости. Недостаточное или избыточное управление может вывести систему из этой области в нестабильное состояние.

Развитие предполагает постоянное смещение старого новым, более совершенным. Развитие происходит только тогда, когда новое прерывает существование старого, забирая из него всё положительное и жизнеспособное. Качественное изменение системы также можно назвать смещением равновесия. В границах меры смещение равновесия происходит путем количественных изменений. При нарушении границы меры количественные изменения уже не способны восстановить равновесие, поэтому новое равновесие достигается путем качественного изменения системы.

Устойчивое развитие является свойством жизнеспособных систем, а это свойство определяется не только самой системой, но и ее окружением. Структура и функции системы должны быть адаптированы к ее окружению, и наоборот, конкретные свойства окружения находят свое отражение в ее структуре и функциях. К примеру, форма тела рыбы и способ ее передвижения отражают законы динамики жидкости в ее водном окружении; правовая система общества отражает социальное окружение, в котором она получила свое развитие [11].

Продолжительное существование системы возможно лишь при ее прогрессивном развитии. Регрессивные изменения приводят к деградации и разрушению системы. Отсутствие изменений ведет к застою и стагнации; система теряет способность противодействовать внешним и внутренним влияниям, нарушающим ее равновесие, в ней неизбежно начинаются регрессивные изменения, а затем происходит разрушение системы. Без прогрессивного развития сохранение форм в природе на самом деле неминуемо движется к постепенному разрушению, возможно, незаметному в силу своей скорости для обычных способов восприятия и исследования. И большинство «сохраняемых» природных комплексов находится в таком положении: они медленно, неуловимо для нас разрушаются.

Таким образом, задача управления устойчивым развитием может трактоваться как определение и поддержание жизнеспособности системы.

Государство, регион или предприятие является сложной системой с множеством взаимодействий, определяющих устойчивость, поэтому в этом случае рекомендуется оценивать устойчивость движения (процессов) в заданных пределах, в нашем случае – устойчивость развития. Для этого необходимо определить показатели состояния системы, знать показатели входного воздействия (оценка того, что движет системой или воздействует на нее) и постараться найти меры, влияющие на изменение состояния (показатели управления), если это нужно. В целом это позволит влиять на устойчивость движения (развития) системы.

Методология оценки устойчивого развития территории содержит список показателей, насчитывающий около 130 наименований, организованных в структуру «входное воздействие – состояние – управление» [12].

В рамках этой структуры показатели входного воздействия (можно сказать, движущая сила) представляют действия человека, а также процессы и модели, оказывающие непосредственное воздействие на устойчивое развитие как систему. Показатели состояния указывают на конкретное «состояние» различных аспектов устойчивого развития, в то время как показатели управления – на выбор того или иного политического курса, а также на другие виды реагирования в ответ на изменение состояния устойчивого развития для изменения текущего состояния. Хотя использование структурных цепочек «воздействие – состояние – реагирование» получило широкое применение в теории, данный подход не всегда учитывает системную и динамическую природу конкретных процессов и их применение в более крупной системе, содержащей большое число контуров обратной связи.

Определение адекватного перечня показателей устойчивого развития на уровне деревни, города, региона, страны и даже всего мира является нелегкой задачей. Ее решение требует знания того, что является наиболее важным для жизнеспособности задействованных систем, а также каким образом это служит делу обеспечения устойчивого развития. При этом число репрезентативных показателей должно быть как можно меньше, но не быть заниженным в ущерб необходимости.

Однако необходимо также учесть, что существуют многочисленные условия, ограничивающие развитие. Некоторые из них можно преодолеть, однако большинство ограничений не подлежит изменению. Такие ограничения сокращают общий диапазон теоретических возможностей, оставляя лишь ограниченный потенциально достижимый перечень возможных вариантов.

В частности, существуют ограничения со стороны запасов материальных ресурсов и энергии. На Земле имеется лишь один неиссякаемый источник энергии – Солнце, мате-

риальные же ресурсы ограничены глобальными запасами. Рециркуляция, или повторное использование ресурсов, является необходимым условием устойчивого развития.

Имеются и ограничения со стороны социума. Общество, которое располагает более образованным населением, обладающим высокими профессиональными навыками, общество, способное предоставить своим гражданам разнообразное и построенное на принципах открытости культурное окружение, имеет больший потенциал устойчивого развития.

Присутствуют и ограничения со стороны времени. Все динамические процессы, в т. ч. и устойчивое развитие, требуют временных затрат, введение новых технологий, создание инфраструктуры, прирост населения и т.д. Особое значение придается отношению скорости распространения угрозы к скорости реагирования: если скорость реагирования меньше скорости распространения угрозы, то жизнеспособность и устойчивость системы находятся на грани риска [13].

Устойчивость системы требует устойчивости (то есть неизменных показателей) внешней среды, что само по себе невозможно. Современный этап мирового производственного и экономического развития характеризуется значительным ужесточением конкурентной борьбы, что негативно отражается на конкурентоспособности и устойчивости функционирования многих предприятий.

Для управления многими сложными системами, созданными человеком, такими, как экономика, различные производственные системы, требуется инструментарий, обеспечивающий информацией о значении показателей. Примерами таких инструментов могут служить показатели прожиточного минимума, занятости населения, индекса курсов акций Доу-Джонса. Но часто случается так, что важные показатели не являются очевидными. К примеру, единый показатель, такой, как ВВП для страны или выручка для предприятия, не способен охватить все жизненно важные аспекты устойчивого развития, т.к. характеризует лишь некоторые звенья системы.

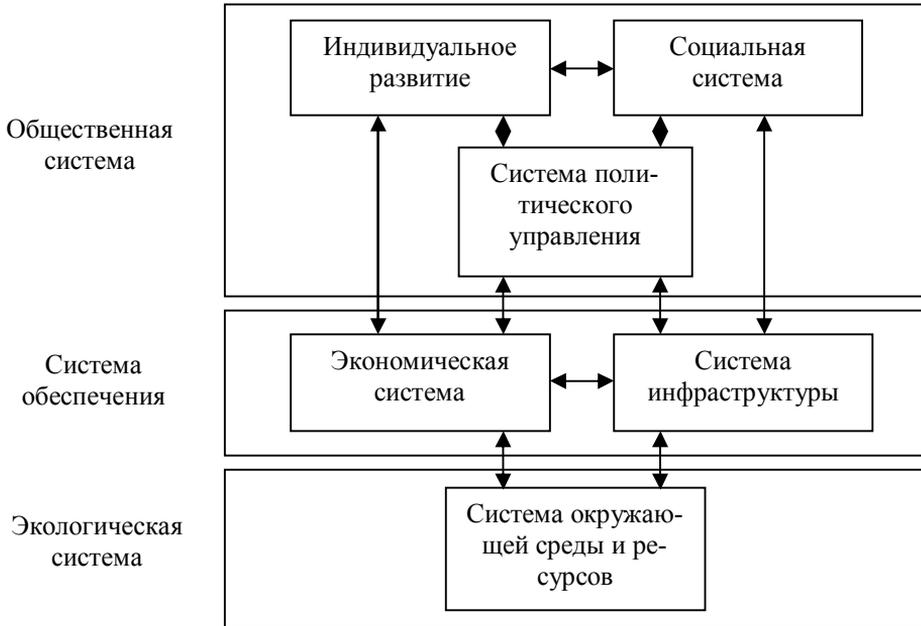
С точки зрения системного рассмотрения устойчивого развития Х. Боссель предлагает выделить шесть основных подсистем [14]:

1. индивидуальное развитие (гражданские свободы и права человека, право на труд, уровень материального благополучия, образование, квалификация и др.);
2. социальная система (динамика населения, распределение доходов, социальная защищенность и др.);
3. политическое управление (правовая система, различные сферы политики);
4. инфраструктура (транспорт, связь, размещение промышленных объектов и т.д.);
5. экономическая система (производство, потребление, предпринимательство, труд, межрегиональная торговля, рынки);
6. ресурсы и окружающая среда (природные ресурсы, истощение и регенерация ресурсов).

Можно сказать, такой подход применим для всех систем различных уровней, созданных человеком (государство, регион, хозяйствующий субъект, домохозяйство). Для того чтобы система была жизнеспособной, должна устойчиво функционировать и развиваться каждая из составляющих ее подсистем. Для простоты понимания, эти шесть подсистем могут быть агрегированы до трех: общественная, обеспечения и экологическая (см. рис. 2). Данные обобщенные подсистемы практически соответствуют трем категориям капитала, часто используемым при анализе общей системы: человеческий капитал, возобновимый капитал и экологический (невозобновимый) капитал. Можно считать, что

только пристальное внимание к этим сферам и пропорциональное развитие всех подсистем дадут возможности устойчивого развития, дисбаланс же приоритетов приведет к нарушению равновесия общей системы.

Рис. 2. Основные подсистемы антропосферы во взаимосвязи

Таким образом, устойчивое развитие как экономическая категория в настоящее время приобретает особое значение, расширяет свои границы. Не ограничиваясь устойчивостью предприятия, отрасли, страны, эта категория включает в себя и глобальные угрозы экономического, экологического и социального характера, без учета которых проблема устойчивого развития не может быть решена. Можно сказать, устойчивое развитие – это непрерывный динамический процесс формирования мирового гражданского общества, снижения социального неравенства и экологической нагрузки на биосферу, разработки новых ресурсосберегающих и экологически чистых технологий с целью предотвращения глобальных экологических, экономических и социальных угроз, обеспечения экономического роста без ущерба для экологии.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что устойчивое развитие – это стабильное поступательное развитие общественных систем на всех уровнях, сбалансированное в социальном, экономическом и экологическом аспектах.

Примечания

1. Родионова Л.Н. Устойчивое развитие промышленных предприятий: термины и определения // Нефтегазовое дело. – 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ogbus.ru>.
2. Показатели устойчивого развития: Теория, метод, практическое использование. Отчет, представленный на рассмотрение Балатонской группы / Авт. Х. Боссель. Пер. с англ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН – 2001. – С. 15.
3. Данилов-Данильян В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 20.
4. Турченко В.Н. О методологии устойчивого развития. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/1_98/10_TURCH.htm.
5. Берентаев К. Устойчивое развитие. К концепции устойчивого развития республики Казахстан. [Электронный ресурс]: электрон. журнал. – Астана: Institute for Development Cooperation. – 2002. – Режим доступа: <http://www.ngoidc.kz/?uin=1044273574&chapter=1044333985>.
6. Мельник Т.Е. Управление устойчивым развитием промышленных предприятий на основе использования эффективного комплексного показателя его оценки: дисс. канд. эконом. наук. – Орел, 2009. – С. 15.
7. О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. – Указ Президента РФ от 01.04.1996 г. №440.
8. Мантатова Л.В. Философия устойчивого развития. – Информационный портал Байкал-Lake. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=1734>.
9. Рассел Б. История западной философии. – Т.1. – М: «Миф», 1993. – С. 63.
10. Белояров В.В. Диалектика устойчивого развития. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philosophy-sd.narod.ru/dialectics.htm>.
11. Показатели устойчивого развития: Теория, метод, практическое использование. Отчет, представленный на рассмотрение Балатонской группы / Авт. Х. Боссель. Пер. с англ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 34.
12. Показатели устойчивого развития: структура и методология / Пер. с англ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2000. – С. 3.
13. Там же. – С. 16-18.
14. Там же. – С. 28-29.

Т.Ю. Денисова

ИСКУССТВО В СИСТЕМЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

*Если искусство чему-нибудь и учит...,
то именно частности человеческого существования.
Оно вольно или невольно поощряет в человеке именно его ощущение
индивидуальности, отдельности,
превращая его из общественного животного в личность.*

И. Бродский

Массовая культура функционирует за пределами культуры.

Н.А. Хренов

Понятие массовой коммуникации и ее функции

Феномен коммуникации является предметом исследования самых разных дисциплин. Более того, явления самого различного порядка сводятся к факту коммуникации: психология изучает восприятие как факт коммуникации, генетика устанавливает коды наследственной информации, нейрофизиология описывает процесс передачи сигналов с периферии нервных окончаний к коре головного мозга и т.д. [1].

На протяжении последнего столетия особое внимание привлекает к себе феномен массовой коммуникации. Это обусловлено, прежде всего, тем, что с начала XX в. с развитием техники и технологий стали многогранней не только информационные связи, но, зачастую, менялся и сам культурологический статус массовой коммуникации. В наиболее общем виде массовую коммуникацию можно определить как процесс распространения информации (знания, духовных ценностей, моральных и правовых норм и др.) с помощью технических средств (печати, радио, кинематографа, телевидения) на численно большие, рассредоточенные аудитории. При этом массовая коммуникация выступает как социально-ориентированный опосредованный вид общения, где ее главной функцией является не просто информирование, но и соединение рассредоточенных индивидов в социальной среде. Проще говоря, массовая коммуникация выступает как средство, с помощью которого человек ощущает себя членом более широкой общности, то есть социума, и активно включается в его жизнь.

Таким образом, стратегической функцией массовой коммуникации является интеграционная функция, предполагающая – в числе прочего – формирование массовой психологии, формирование массы как субъекта и объекта социального действия. Для ее обеспечения необходимы создание общего эмоционально-психологического состояния аудитории, снабжение ее необходимой информацией, формирование единых смысловых ориентиров восприятия этой информации, единых ценностных установок, и, в конечном счете, организация поведения сформированной таким образом самодостаточной общности и стимуляция ее развития, движения в определенном направлении [2].

Наиболее простой и известной моделью механизма осуществления массовой коммуникации признается схема Г. Лассуэлла, включающая следующие элементы: коммуникатор, содержание сообщения, средства коммуникации, характеристики аудитории, изме-

нения аудитории в результате коммуникации. Таким образом, коммуникатор понимался Лассуэлом как источник некоей информации, т.е. как субъект, собирающий, формирующий, обрабатывающий информацию, решающий, каким будет ее окончательный вид и содержание, и отправляющий ее аудитории по определенным каналам, через средства массовой коммуникации, с целью повлиять на сознание, установки и поведение конкретных общностей. Аудитория массовой коммуникации изначально понималась как пассивный объект обработки коммуникатором, что отражало манипулятивность коммуникации.

Позже, когда стала очевидна обратная связь с аудиторией, были добавлены новые элементы коммуникации, такие, как основные ценности, стратегии, реакции реципиентов, эффекты. Они отражают совместную деятельность в коммуникационном процессе и коммуникатора, и аудитории, влияя не только на эффективность результата коммуникации, но и определяя внутреннее содержание самого процесса. Поэтому особую значимость приобретает анализ специфических качеств данной аудитории, социально-культурного контекста, в котором происходит акт коммуникации, а также средств массовой коммуникации. Важнейшими свойствами средств массовой коммуникации, обеспечивающими ее эффективность (хотя присущими каждому из них в разной степени), являются диахронность (возможность устойчивого сохранения передаваемого сообщения во времени); диапопность (возможность преодоления передаваемыми сообщениями значительных пространств и расстояний); мультиплицирование (возможность многократного, почти неограниченного воспроизведения одного и того же содержания сообщения); симультантность (возможность предоставлять сообщения множеству людей практически одновременно); репликация (возможность регуляции своих воздействий самими средствами массовой коммуникации) [3].

Искусство как средство коммуникации

Особую роль среди средств коммуникации играет искусство, выступающее, с одной стороны, как инструмент познания действительности, а с другой – как средство коммуникации [4], хотя и весьма специфичное, настолько, что возникает вопрос по поводу того, насколько правомерно рассматривать искусство в таком качестве. Безусловно, искусство обладает необходимо присущими средству массовой коммуникации качествами, перечисленными выше: диахронностью, диапопностью, симультантностью и т.д. Однако специального рассмотрения заслуживают два взаимосвязанных вопроса:

1. особенности отношений участников коммуникации, а также мера их участия и соучастия в генерировании художественного текста;
2. способность искусства к интеграции больших общностей путем формирования коллективной идентичности, общей картины мира.

В целом, специфичность эстетической коммуникации состоит, прежде всего, в том, что ни тот, кто создает произведение, ни тот, кто его воспринимает, ни о какой коммуникации как цели и не помышляет, поскольку искусство и творится, и воспринимается в одиночестве. Более того, сам транслируемый и воспринимаемый художественный текст обладает определенной мерой автономности по отношению и к автору-художнику, и соавтору-зрителю. Остановимся далее на более подробном рассмотрении каждой из двух проблем.

Мера автономности участников коммуникации

Сам акт создания художественного текста (в равной степени вербального и невербального) от рождения замысла до способа воплощения актуализирует идею частности, отдельности человеческого существования, уникальности его мирозидения. По словам

английского живописца Тернера, «художник осмеливается думать сам за себя и из этой смелости вырабатывает метод» [5]. История мировой культуры может быть представлена не только как последовательная смена стилей и направлений в искусстве, но и как ряд одиноко стоящих великих художников. Даже становясь впоследствии основателями школ, обрастая учениками и эпигонами, они остаются одиночками и в силу уникальной масштабности таланта, и в силу способности провидеть неочевидные современникам истины. В процессе интерпретации созданный текст вступает во взаимодействие с настолько же частным существованием, и, следовательно, мировидением читателя-зрителя. Созданный в процессе «одинокого» творчества текст трансформируется, встречаясь в процессе «одинокого» прочтения с текстом читателя. Так, по словам И. Бродского, «многое можно разделить: хлеб, ложе, убеждения, возлюбленную, но не стихотворение, скажем, Райнера Мария Рильке» [6], поскольку, как он пишет далее, «эстетическое переживание – всегда переживание частное» [7].

Важнейшей заслугой искусства является стремление к максимально адекватному отражению субъективного переживания в условиях объективно существующих языковых структур и, соответственно, механизмов мышления – того, что названо С. Чейзом «тугану of words». Это становится возможным благодаря специфике художественного дискурса – его амбивалентности, диалектике прямых и контекстуальных смыслов, утверждений и умолчаний, использованию метафор, т.е. тому, что позволяет создавать целостный, многомерный образ рассматриваемого феномена, причем без ущерба для точности. Создание художественного образа является способом сжатого и выразительного отображения сложнейших феноменов: «Ревность – да это Отелло!» (Л.С. Выготский).

«Апория преемственности» (А.А. Исаев), в равной степени являющаяся проблемой и для философии, и для искусства, особенно в условиях современного «цитатного мышления», в контексте рассматриваемой проблемы может быть разрешена лишь в случае приоритета собственного, уникального – в ущерб общепринятому, адекватного – в ущерб понятному. При том, что у нас есть только тот язык, который есть, все же лучшее в искусстве начинается с нуля, когда, как писал М.К. Мамардашвили о прозе А. Платонова, «мир начинается заново, и для описания этого мира принимаются такие слова, которые заново прошли через невербальное оригинальное сознание автора» [8]. По-настоящему талантливые произведения оказываются способными преодолеть тиранию языковой традиции, представляя незамутненный, действительно новый взгляд на вещи.

Вместе с тем, следует отметить, они оказываются не только средством трансляции неповторимого мироощущения художника, но и, в силу особой чувствительности и тонкости его натуры, индикатором самочувствия эпохи, культуры, свидетельством того, как человек воспринимал себя и свое бытие. По-новому синтезируя жизненный материал, преобразуя его в соответствии с собственным переживанием мира, собственным опытом, художник создает свои творения, по словам А. Вебера, «в синтезе личности и мира» [9]. Т.о., роль художника в том, что он артикулирует то новое отношение к общественным и духовным фактам, которое «носится в воздухе», и транслирует его в «готовом» виде в умы современников. По утверждению О. Мандельштама, произведения искусства – это «чудовищно уплотненная реальность» [10]. Искусство делает видимыми и значимыми вещи, которые ускользают в суеде повседневности из фокуса внимания. Мало заметная в обыденной жизни деталь в произведении искусства вдруг становится вместилищем глубоких и неожиданных смыслов: «Кто видел руки палача во время бичевания Христа, кто всматривался в маслины на обочине крестного пути? Но вот они изображены на картине,

вырваны из бесконечной череды страстей господних и муки Христа, запечатленные в этих прекрасных и яростных образах, снова вопиют к нам среди холодных музейных за- лов» [11].

То есть искусство, обладая специфическим способом формулирования субъективного феноменального опыта, делает его общезначимым, доступным, поскольку любая из репрезентаций этого уникального опыта способна генерировать варианты его осмысления в процессе интерпретации. Если бы художественные произведения, созданные, повторим, в результате «одинокого» творческого акта, не представляли поведенческие и смысловые архетипы, не размышляли над вневременными проблемами, вряд ли существовали бы мировые шедевры, признанные разными эпохами и культурами. Так искусство, творимое и воспринимаемое в одиночестве, но при этом фиксирующее, артикулирующее и транслирующее общезначимые идеи, преодолевает замкнутость и художника, и зрителя в границах их пространственной и временной конечности. И поскольку в любом художественном произведении всегда содержится возможность «осуществления в жизни другой жизни» [12], выхода за горизонт собственного отдельного и единственного эмпирического существования, постольку искусство становится средством коммуникации.

Художественный текст как средство коммуникации

Определение сущности художественного текста как средства коммуникации побуждает к поискам ответа на два вопроса: об абсолютности авторского начала в тексте в процессе создания и о мере его готовности, окончательности к моменту трансляции.

Х.-Л. Борхес вообще высказывает сомнение в наличии уникального авторского Я, проводя в многочисленных эссе и стихотворениях идею о специфике его функционирования в процессе коммуникации автор-читатель [13]. «Если есть на страницах этой книги хоть одна счастливая строка, прости, читатель, что я использовал ее первым... Стечение обстоятельств, сделавших тебя читателем этих опытов, а меня их автором – лишь тривиальная случайность», – писал он в обращении к читателям в первом юношеском сборнике своих стихов [14]. И дело здесь не в скромности Борхеса, а в специфическом понимании им жизненной задачи художника – не генерировать смыслы, а оформлять их, будучи, с одной стороны, «ничем» («Мне имя – некий и всякий»), поскольку художник не создает ничего, чего бы уже не было в этом мире; а с другой стороны – «всем», поскольку его творение способно вместить и выразить то, что в мире есть. Борхес цитирует в связи с этим самохарактеристику Агриппы Неттесгеймского («Презираю, познаю, не ведаю. Домогаюсь, смеюсь, донимаю, жалею. Философ, бог, герой, дьявол и весь мир»); упоминает Торреса Вильярóaля, который «убеждается в том, что похож на всех прочих, иными словами, что он – никто» [15].

Следует также учитывать, что контакт произведения с воспринимающими его людьми представляет собой некоторое множество возможных его прочтений, образующих вместе смысловой потенциал произведения. У. Эко, говоря о специфике эстетических сообщений (а именно – о их неоднозначности), полагал, что всякое произведение искусства предполагает бесконечное число возможных толкований: Однако возникает вопрос: каково происхождение этих толкований – генерируются ли они в процессе «встречи» автора и зрителя-читателя, либо выявляются, будучи заложены в художественный текст изначально? Первая позиция убедительно представлена Ю.М. Лотманом. Он, в частности, заявлял следующее: «Читатель вносит в текст *свою* личность, *свою* культурную память, коды и ассоциации. А они никогда не идентичны авторским» (курсив автора) [16]. Вторая позиция сформулирована У. Эко в его замечательных лекциях «Шесть

прогулок в литературных лесах»: «...всякий текст – это ленивый механизм, требующий, чтобы читатель выполнил часть работы за него» [17]. То есть прочтение не вносит изменения в текст, лишь выявляя потенциальную множественность информации, ее смысловых нюансов. Но откуда взялись эти смыслы? Сам ли автор заложил их, не подозревая об этом, ведя себя как медиум, слышащий некие «голоса», текст ли обнаружил тем самым свойство самогенерации, будучи, по Ю.М. Лотману, «мыслящей структурой»? Или все же все дело в читателе, который произвольно доконструирует и реконструирует текст, внося в него то, чего там изначально не было? По утверждению У. Эко, «...мы склонны считать, что все, что *мы видим* в произведении, в нем *действительно есть*» (курсив наш – Т.Д.) [18]. В таком случае, что представляет собой роль читателя в художественной коммуникации – роль соавтора или безответственного участника игры в глухой телефон? Эко приводит убедительную цитату Вольфганга Изера о том, что читатель «...заставляет текст выявить потенциальную множественность взаимосвязей. Эти взаимосвязи суть продукт обработки *текстового сырья* читательским разумом, но не является текстом как таковым...» [19]. Это значит, что текст на момент трансляции (вступления в коммуникацию) не является готовым, окончательным. Он различен для автора и читателя. То есть, опыт индивидуального прочтения произведения воспроизводит смыслы, которые в нем не заложены, а возможны, могли бы быть, и, в силу бесконечности индивидуального опыта, бесконечна и информативность эстетического сообщения. Следовательно, феномен художественного текста есть не что иное, как ряд возможных интерпретаций – *и более ничего!* – не улавливаемых никакой теорией коммуникации. Не исключено, пишет У.Эко, «что когда-нибудь коды гомеровской эпохи окажутся безнадежно утраченными и мир коммуникаций станет питаться иными, невиданными нынче кодами, и тогда гомеровские поэмы будут прочитаны так, как нам сегодня и представить невозможно» [20].

Значит ли это, что дешифровка собственно авторского послания, заключенного в произведении, – дело абсолютно безнадежное, и зритель-читатель в процессе восприятия произведения открывает *себя*, встречается, коммуницирует исключительно *с собой*?

Однако, как признается современными семиологами, большинство «уникальных» художественных решений, примеров «индивидуального самовыражения» содержит определенные риторические схемы как продукт сложных социальных конвенций, которые, по замечанию У. Эко, устанавливают набор матричных комбинаций, способных порождать индивидуальные варианты толкований и нарушающие ожидания, связанные с функционированием основного кода [21].

В процессе эстетической коммуникации сообщение действительно меняется, трансформируется его код, выявляются непредусмотренные возможности прочтения, однако оно, как минимум, имеет отношение к своему создателю и эпохе, в контексте которой возникает. При любых толкованиях в исходном послании сохраняется инвариантная доля смысла, вокруг которой в процессе коммуникации генерируется, приращивается «что-то еще». Попадая в различный социокультурный контекст, художественное произведение хранит память обо всех предыдущих контактах и, соответственно, интерпретациях, и тем самым создает вокруг себя синкретичное смысловое пространство.

Условия эстетической коммуникации

Достижение коммуникации (хотя бы относительной) между участниками становится возможным при наличии определенных условий. Среди необходимых условий коммуникации, обеспечивающих понимание участников и эффективность трансляции идей, смыслов, ценностей, вероятно, важнейшими следует признать три:

- 1) общая для участников картина мира;
- 2) ориентирование послания конкретному адресату;
- 3) определенная однозначность послания, гарантирующая ожидаемую его интерпретацию. Последнее должно быть обеспечено как со стороны содержания, так и со стороны приемов и средств его донесения.

По определению Л.Е. Бляхера, картина мира – это «смысловая композиция из взаимно упорядоченных, связанных и ранжированных элементов. В такой композиции один из элементов (смыслов) является смысловым центром всей картины, сверхсмыслом. А означенная им ценность – сверхценностью. В зависимости от нее ранжируются все остальные смыслы и ценности. Этот сверхсмысл и транслируется по каналам социальной коммуникации, принимая там официально-легальные формы и тематизируя собой социальные действия индивида» [22].

В контексте рассмотрения искусства в качестве одного из средств массовой коммуникации становятся особенно очевидными две его основные задачи:

- 1) репрезентация существующей картины мира;
- 2) моделирование желаемой картины мира путем трансляции в адрес аудитории послания, заложенного создателем произведения искусства.

Изначально основной задачей искусства выступала репрезентация образа, идеального мира, общества, человека, то есть изображение мира таким, каким он, по сути, не является, но должен быть. Такую задачу преследовало искусство, начиная с античности и вплоть до эпохи Просвещения. Однако, начиная с XVIII века, существенно меняются художественные ориентиры и представления о предназначении искусства в жизни общества. Генеральной задачей искусства декларируется отражение реального мира со всеми его достоинствами и несовершенствами, а неотъемлемым свойством искусства и его миссией одновременно признается способность произведений искусства целенаправленно воздействовать на окружающий мир, общество в целом и каждого индивида в отдельности, транслировать в мир реальные и идеальные, умоглядно сконструированные модели. Даже тогда, когда целью произведения искусства провозглашается самовыражение художника, тем не менее, это произведение, так или иначе транслируя образ мира художника в реальный мир, воздействует на него, трансформирует, подвергает пересмотру устоявшиеся представления.

Таким образом, искусство находится с картиной мира в очень тесной – прямой и обратной – связи. Так, искусство является отраженной в художественном произведении картиной мира его автора (авторов, в случае если это коллективное творчество), эпохи, к которой он принадлежит. Искусство любой исторической эпохи более или менее полно воспроизводит доминирующую в то время картину мира со всеми ее индивидуально своеобразными вариациями. Данная картина является центром художественной информации, т.е. входит в содержание искусства и определенным образом его организует. В то же время, картина мира включает в себе программу собственного художественного представления, потому что актуальный для каждой эпохи своеобразный набор творческих методов, с помощью которых в искусстве реализуется картина мира, в известном смысле сам является результатом этой картины.

Однако произведение искусства, являющееся художественной моделью действительности, обладает одной принципиальной особенностью: пока в нее не включен зритель, она не завершена, не построена. Как писал И. Бродский, «роман или стихотворение есть продукт взаимного одиночества писателя и читателя» [23]. Однако встреча и взаим-

ное узнавание «двух одиночеств» возможны лишь при условии конгениальности автора и адресата, их совместного владения общим кодом художественного языка, наличия общих жизненных впечатлений, сходства картины мира. Художественное произведение как послание может оставить зрителя равнодушным, и даже вызвать раздражение, если художник апеллирует к тому опыту, к той памяти, которых у зрителя нет.

Случаи, когда «встречи» не происходит, нередки. При этом зритель может быть человеком весьма «художественно развитым», а само произведение оцениваться им как шедевр, но все равно может возникнуть смысловое или эмоциональное рассогласование между художественным произведением и воспринимающей стороной: произведение попало «не по адресу». Все дело лишь в том, что принадлежность к разным психологическим типам, социальным и культурным пластам, этническим общностям, историческим эпохам порождает специфические субкультуры, которые востребуют разное искусство. Именно поэтому произведения искусства чаще всего имеют адресный характер и рассчитаны на восприятие определенными субкультурами [24].

В случае, когда адресатом является массовая аудитория, коммуникативная ситуация принимает совершенно другой характер: текст становится только средством трансляции послания. Задачей адресанта является не максимально адекватное самовыражение, а выбор приемов и средств, гарантирующих запрограммированное восприятие, предельная рационализация эффектов, испытываемых, но неосознаваемых адресатом (объектом).

Общность картины мира в совокупности с просчитанными манипулятивными приемами дает массовой культуре огромные возможности управления аудиторией, ее программирования.

С точки зрения У. Эко, существует «образцовый читатель», легко управляемый и соучаствующий в тексте, как бы уже смоделированный текстом и в тексте. Текст пишется для него и изначально видится автором его глазами. Как говорит Эко, «...существует не только образцовый читатель «Поминок по Финнегану», но и образцовый читатель железнодорожного расписания и текст требует от каждого из них иной формы соучастия». Очевидно, наличие «образцового читателя» каким-то образом предполагается в процессе генерирования текста, а скорее, даже программируется специфическими приемами со стороны автора, – «образцового автора», говоря словами Эко. Этот «образцовый автор» «на первой же странице самым беззастенчивым образом обнажает перед читателем свои намерения, указывая, какие именно эмоции читателю надлежит испытывать, даже если сам текст не может их вызвать...» [25]. Т.е послание автора не равно транслируемому тексту, текст лишь частично содержит его в себе, однако послание почти гарантированно достигает адресата благодаря дополнительным приемам (например, мелодраматическим визуальным или вербальным клише, смеху за кадром и т.д. в современных сериалах).

По-видимому, массовая культура является как раз идеальным местом встречи автора и читателя, а именно «образцового автора» и «образцового читателя». Понимание достигнуто, неожиданности исключаются: автор «угадал», чего ждет читатель, читатель получил то, что ожидал, к чему был готов. Абсолютно однозначное эстетическое сообщение, минимизирующее возможность различных толкований, не побуждающее к соучастию в конструировании текста, к усилению интерпретации, во-первых, малоинформативно, малосодержательно (как встреча с зеркальным отражением), а, во-вторых, подлинность такого рода коммуникации как встречи двух Я, мягко говоря, остается под вопросом.

При этом абсолютно неоднозначное послание при своей предельной содержательности (если включить в содержание бесконечные интерпретации) неплодотворно, по-

сколько встреча художника и зрителя в процессе восприятия эстетического сообщения является лишь точкой соприкосновения двух автономных текстов. Притом, что несовпадение кодов адресанта и адресата в коммуникативных актах – скорее правило, а их идентичность – скорее исключение, вариативность интерпретации эстетического сообщения такова, что информация, заключенная в нем, граничит с шумом. Таким образом, произведение искусства может, вероятно, рассматриваться как послание художника потенциальной аудитории (и соответственно, акт его создания, трансляции и восприятия – как акт коммуникации), но сомнение в адекватном (а точнее, в однозначном) прочтении ставит эффективность такой коммуникации под вопрос.

По мысли У. Эко, «плодотворной неоднозначностью может считаться такая неоднозначность, которая, привлекая мое внимание, побуждает к усилию интерпретации, помогая подобрать ключ к пониманию, обнаружить в кажущемся беспорядке порядок более сложный и совершенный, чем тот, что характерен для избыточных сообщений» [26]. В процессе такой эстетической коммуникации меняется само сообщение, трансформируется его код, адаптируясь к коду зрителя, переструктурируется иерархия смыслов, выявляются неизвестные автору и непредусмотренные им возможности. Меняется при этом и зритель, получающий в процессе коммуникации не только насыщение, но и неизведанный им ранее голод, не только ответы, но и новые вопросы.

Возвращаясь к проблеме, обозначенной в начале статьи, можно сделать следующий вывод. Эстетическое сообщение способно эффективно выполнять функции средства массовой коммуникации (а именно – средства трансляции идеи, формирования и поддержания желаемой адресантом и понятной адресату картины мира) в случае, если принадлежит к явлениям массовой культуры. (Отношение же массовой культуры к культуре вообще, и к искусству в частности, лаконично выражено культурологом Н.А. Хреновым фразой, вынесенной в эпиграф: «Массовая культура функционирует за пределами культуры»).

Однако, вместе с тем, в кризисные и переходные эпохи художник, при всей его неангажированности и неангажируемости, посредством своего творения способен участвовать в формировании нового коллективного мифа как регулятора массового сознания, улавливая и артикулируя то, что «витает в воздухе», «чему пришло время», и выступая тем самым в роли, сходной с ролью политического реформатора или религиозного пророка.

Таким образом, произведение искусства может, разумеется, выступать в качестве функционально-прагматического, манипулятивного средства коммуникации между адресантом (заказчиком) и аудиторией. Однако роль искусства в системе массовых коммуникаций не исчерпывается этим утилитарным уровнем, ролью некоего толмача, медиатора. Воплощая «дух времени» в художественную форму, художник и его произведение несут культуротворческую миссию медиума между миром идей эпохи и повседневной реальностью.

Примечания

1. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – С. 33.
2. Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002. – С. 294.

3. Там же. – С.298-305.
4. Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 253.
5. Липатов В. Колдовское очарование катастроф // Юность. – 1996. – №3. – С. 32.
6. Бродский И. Нобелевская лекция // Бродский И. Поклониться тени: Эссе. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 299.
7. Там же. – С. 303.
8. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. – М.: Моск.шк.полит.иссл., 2000. – С. 314.
9. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры.– СПб.: Универс. кн.,1998. – С. 28.
10. Мандельштам О.Э. Утро акмеизма // Мандельштам О. Сочинения в 2-х тт. – Т.2. Проза. – М.: Худ. лит., 1990. – С. 142.
11. Камю А. Изнанка и лицо: Сочинения. – М.:ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. – С. 484.
12. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. – С. 261.
13. См., например, стихотворение Борхеса «Превосходство невозмутимости», эссе «О никчемности личного».
14. Борхес Х.Л. Собр. соч. в 4-х тт. – Т.1: Страсть к Буэнос-Айресу: произведения 1921-1941 годов. – СПб.:Амфора, 2000. – С. 11.
15. Там же. – С. 13.
16. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: «Языки рус. культуры», 1999. – С. 112.
17. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / Пер. с ит. А. Глебовской. – СПб.: Symposium, 2007. – С. 9.
18. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – С. 86.
19. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. – С. 32.
20. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – С. 114.
22. Там же. – С. 93.
23. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 107.
24. Бродский И. Нобелевская лекция // Бродский И. Поклониться тени: Эссе. – СПб.: Азбука, 2001. – С.305.
25. Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. – С. 261.
26. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. – С. 35-36.
27. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – С. 79.

Е.В. Варясова

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

По мнению антропологов, культура состоит из четырех элементов: понятия (концепты), отношения, ценности, правила (нормы, регулирующие поведение людей в соответствии с ценностями определённой культуры). По утверждению И.Р. Мокаевой, «язык насквозь антропоцентричен: предназначен и ориентирован на человека как носителя ценностей культуры» [1]. Ценности – это общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться; они составляют основу нравственных принципов. Разные культуры могут отдавать предпочтение разным ценностям, и каждый общественный строй устанавливает соответствующую систему ценностей.

Ценности как идеальные сущности недоступны непосредственному восприятию, однако попытка описания системы ценностей возможна благодаря тому, что мы умеем пользоваться языком, а также тому, что корпус словаря нашего языка включает слова, за которыми стоят значения, содержащие элементы идеи ценности. Именно язык даёт возможность вывести представления о ценностях в «окно сознания» и «расшифровать» их через установленные для них названия, так называемые «слова-ценности».

Слова-ценности являются средствами выхода на «узлы» ценностной картины мира. Формируясь как личность в социуме, индивид бессознательно усваивает систему ценностей, понятий и представлений своей культуры и в большинстве случаев не способен подвергнуть их реальной критике. В языке ценность представлена словами-ценностями, в виде ценностного (т.е. являющегося результатом отражения действительности через «фильтр» ценностной картины мира) компонента значения.

Нельзя сказать, что базовые ценности заключаются в содержании определённых слов, но они соотносятся с некоторыми словами. Для психолингвиста слово – это вход в единую информационную систему человека, с помощью которого он пытается постичь скрытые образования, механизмы и связи. Задавая слова-стимулы, исследователь сам конструирует параметры ценностных ориентаций испытуемого и направляет ассоциации в определённое русло. Отсюда он узнаёт отношение испытуемого к тому, о чём спрашивает, а также о важности одних параметров конструкта по отношению к другим.

Таким образом, термин «слово-ценность» в психолингвистическом эксперименте приобретает иное методологическое значение: это те языковые способы, с помощью которых информанты напрямую выражают свои ценностные представления, это своеобразное слово-символ ценностной картины мира. Н.С. Федосюткина на основе экспериментального исследования делает вывод, что среди слов, называющих базовые ценности россиян, фигурируют: *любовь, семья, дружба, счастье, жизнь, здоровье, мир, понимание, работа, деньги* [2].

В нашем эксперименте испытуемым было предложено задание составить текст, рекламирующий мороженое. Участниками лингвистического эксперимента стали 185 человек (школьников, студентов и взрослых испытуемых), которые сначала давали название гипотетическому товару, а потом создавали рекламный текст. Для удобства обработки информация из анкет на бумажных носителях была переведена в электронную форму. Слова из полученных текстов проанализированы на предмет частотности и рас-

пределения по тематическим группам, соотносимым с базовыми ценностями россиян, названными выше.

В качестве примера рассмотрим текст из анкеты № 12:

*Если ребёнок хочет покушать,
Если ребёнок хочет поесть,
Есть прекрасное спасенье –
Мороженое «Морж».
И недорого, и вкусно.
Просто супер, просто класс.
Шоколад, ваниль и фрукты.
Всё, всё, всё для вас.*

Все знаменательные слова из данного текста, кроме названия мороженого, вошли в группы-репрезентанты отмеченных ценностей.

Базовая ценность «любовь» представлена в анализируемых текстах словами *любовь* 1, *любовный* 2, *любимый* 3, *любить* 6 (всего 12 единиц). Ценность «дружба» – лексемами *друг* 3, *подружиться* 1 (всего 4 единицы). Ценность «семья» – *близкие* 1, *дети* 15, *мама* 1, *ребёнок* 7, *родители* 3, *родные* 1, *семья* 3, *чадо* 1 (32 единицы). Ценность «деньги» отражена в словах и сочетаниях *выгодно* 1, *выигрыш* 1, *деньги* 1, *дешёвый* 2, *доступная цена* 3, *недорого* 4, *низкая цена* 2, *скидка* 1 (15 единиц). Ценность «жизнь» представлена лексемами *жизнь* 6, *жить* 2 (8 единиц). Базовые ценности «работа», «мир» (состояние без войны), «понимание» ввиду специфики текстов (продовольственная реклама) не представлены.

Особенно представительными оказались группы лексических единиц, репрезентирующие такие базовые ценности, как «здоровье» и «счастье».

К группе «здоровье», на наш взгляд, можно отнести не только само слово *здоровье* 9 и лексемы, иллюстрирующие полезность рекламируемого продукта (*аппетит* 1, *вещество* 2, *витамин* 4, *вырасти* 1, *диетический* 1, *кальций* 2, *качество* 6, *минерал* 1, *настоящий* 11, *натуральный* 20, *освежать/свежесть* 11, *питательный* 1, *полезный* 10, *помочь* 6, *прилив сил* 1, *природный* 1, *развитие* 2, *сила/сильный* 3, *сохранить* 1, *сытость* 1, *укрепление костей* 1, *экологически чистый* 1, *энергия* 3), но и наименования компонентов товара (сырья) как носителей питательной, энергетической и иной ценности (*ананас* 3, *арахис* 1, *арбуз* 4, *банан* 4, *ваниль/ванильный/ванилин* 14, *вафельный* 2, *глазурь* 9, *гранат* 1, *груша* 1, *дыня/дынный* 2, *земляника* 1, *изюм* 2, *клубника/клубничный* 17, *кокосовый* 1, *крем-брюле* 2, *лайм/лаймовый* 2, *мармелад* 3, *молоко/молочный* 22, *мюсли* 1, *мята/мятный* 3, *орехи* 7, *персик* 3, *печенье* 2, *сахар* 4, *сгущёнка* 1, *сливки/сливочный* 15, *сок* 5, *тростник* 1, *фисташковый* 2, *фрукт/фруктовый* 38, *черника* 1, *шипучка* 2, *шоколад/шоколадный* 41, *яблоко* 9, *ягоды* 8). Всего в данной группе имеется 353 лексические единицы.

Примером рекламного текста, иллюстрирующего ценность «здоровье», является текст из анкеты № 45: *«Мороженое здоровья обогащено витаминами, кальцием, сделано из специального молока, полезно для детского развития. Мороженое «Здоровяк» – и ваш ребенок будет здоров».*

Особый интерес представляет группа слов, соотносимых с базовой ценностью «счастье», к специфическим признакам которой Н.С. Федосюткина на основе ассоциативного эксперимента относит следующие: «радость», «удовлетворение», «веселье», «улыбки», «смех», «всё хорошо», «удача», «исполнение желаний», «исполнение мечты», «гармоничность», «красота», «божество».

В словаре С.И. Ожегова слово «счастье» толкуется как «чувство и состояние полного, высшего удовлетворения». Можно предположить, что мелиоративно окрашенные интенсификаторы, которыми изобилуют рекламные тексты, отражают те степени интенсивности эмоционального переживания, которые названы в словарной дефиниции. Поэтому к группе «счастье» мы относим слова-«усилители»: *великолепный* 4, *волшебный* 2, *восхитительный/восхищённо* 3, *высший* 3, *гениальность* 1, *изумительный* 2, *изысканный* 1, *исключительный* 1, *класс/класный* 2, *лучший* 12, *максимальный* 1, *невероятный* 2, *невиданный* 1, *невообразимый* 1, *недосягаемый* 1, *незабываемый* 7, *неизгладимый* 1, *необыкновенный* 4, *необычный* 5, *неповторимый* 2, *неподражаемый* 1, *нереальный* 2, *очень* 28, *потрясающий* 1, *превосходный* 1, *прекрасный* 7, *прелесть* 1, *райский* 6, *самый* 35, *сказочный/сказка* 7, *супер* 5, *чудный/чудо* 4.

Также к группе «счастье» относятся лексические единицы, отражающие разные аспекты «чувства и состояния удовлетворения», представлений о товаре, чувственного восприятия рекламируемого продукта: *безудержно* 1, *блаженство* 1, *бог* 1 («мороженое богов»), *бодрость* 4, *весёлый* 6, *взбудоражить* 1 («вкус, который взбудоражит вас»), *вознаграждаться* 1, *впечатление* 3, *вспомнить/напомнить/память* 12, *гордиться* 1, *добродушный* 1, *желание* 5, *искушение* 1, *кайф* 1, *мечта* 4, *награждаться* 1, *наслаждение/насладиться* 17, *настроение* 14, *небо* 5 («очутиться на седьмом небе от удовольствия»), *неожиданно* 1, *нравиться* 9, *окунуться* (в прохладу/воспоминания) 3, *ощущать/ощутить/ощущение* 17, *повысить* (настроение) 1, *поднять* (настроение) 5, *погрузиться* (в мир желаний/наслаждений/эмоций) 3, *подарок/подарить* 12, *поесть/есть/съесть* 5, *покушать* 1, *представить* 3, *привлекательный* 2, *прикоснуться* 6, *приятный* 7, *пробовать/попробовать* 36, *радость* 8, *раскрасить* 1, *романтизм* 1, *романтика* 1, *романтическая атмосфера* 1, *соблазн* 1, *спасенье* (от жары) 5, *сюрприз* 1, *утолить* (жажду) 3, *удовольствие/довольный* 17, *улыбка* 2, *фантазия* 1, *хотеть* 15, *чувство* 16, *эмоция* 2.

Вкусовые качества мороженого также можно отнести к положительно оцениваемым элементам чувственного восприятия: *ароматный* 3, *взрывающийся* 3, *вкус/вкусно/вкусный* 153, *воздушный* 2, *душистый* 1, *интересный* 3, *лакомство/лакомый* 3, *лёгкий* 2, *лёд/ледяной* 18, *мягкий* 2, *нежный* 21, *нестандартный* 1, *оригинальный* 3, *прохладный* 11, *свежий* 29, *сладкий* 25, *сочетание* (разных вкусов) 5, *сочный* 3, *холодный* 8, *экзотический* 5, *яркий* 3. Лексемы, характеризующие внешний вид мороженого, тоже выполняют функцию создания положительного «образа» товара (который, судя по суггестивной направленности рекламных текстов, способен сделать потребителя счастливым): *большой* 6, *громадный* 1, *игрушка* 1, *красочный* 1, *огромный* 3, *разноцветный* 1, *удобная упаковка* 2.

Признак новизны, существенный для многих товаров, в данном случае выражен словами *новизна*, *новинка*, *новый*, *первое в мире*, *сенсация* (41 случаев), но частотность этих единиц обусловлена во многом самой формулировкой задания. Разнообразие товара представлено словами *вид* 6, *выбор* 2, *любой вкус* 2, *марка* (в значении «сорт») 1, *масса* 2, *много* 9, *множество* 2, *пломбир* 6, *различный* 1, *разный* 13, *сорт* 15, *эскимо* 3. Диапазон выбора товара отражён в словах и сочетаниях: *в любую жару* 1, *любой ларёк* 1, *любой магазин* 1, *мечта любого* 1, *универсальный* 1.

Качество продукта отражено в единицах: *благоприятно* 1, *гарантировать* 1, *гарантия* 1, *действительно* 3 («это действительно мороженое, с настоящим исконным вкусом»), *исконный* 1, *истинный* 2, *классический* 4, *обогащённый* 2, *особый* 1, *отборный* 1, *поистине* 1, *положительный* 1, *сокровище* 1, *специальный* 5, *специфический* 1, *хороший*

9. В рекламных текстах обозначается также состав товара, его питательная ценность и пр.: *ингредиент 4, калория 2, низкокалорийный 1, порция 1, состав 3*. Востребованность товара маркируется словами *знаменитый 1, модный 1, популярный 2*.

Иллюстрацией ценности «счастье» может служить текст из анкеты № 19: *«Что может быть прекрасней классики? Натуральное мороженое «Вивальди», приготовленное самой природой, доставит вам истинное наслаждение! «Вивальди» – классика наслаждения»*.

Всего к группе слов, репрезентирующих базовую ценность «счастье», можно отнести 897 лексических единиц. Таким образом, данная группа является наиболее представительной, что согласуется с выводами исследователей, изучающих особенности современного медиадискурса: «Миф представляет собой совокупность содержательных напластований. В рекламе, как в современной форме мифологии, этими составляющими выступают системы ассоциаций, метафор, архетипов. Рекламу как миф структурируют вербальные и визуальные символы продукта, торговых марок, брендов. Сюжетное наполнение являют иллюстрации счастья, успеха, любви и прочих ценностей, необходимых человеку для ощущения «полноценности» своей жизни» [3].

Создавая свои рекламные тексты, респонденты в нашем эксперименте демонстрируют значительное влияние телерекламы, которая среди других видов рекламы в силу своего креолизованного характера [4], совмещения вербального (звукоряда) и изобразительного компонента (видеоряда), оказывает особенно сильное влияние на воспринимающего её индивида. Счастье на телеэкране предстает «здесь и сейчас», почти мгновенно. Оказывается, вовсе не обязательно терпеть лишения в пути обретения желанного, можно просто купить указанный продукт и посредством него получить необходимое: любовь, благополучие, успех. Демонстрируя поддельную лёгкость, телевизионный рекламный ролик путем многократного повторения «очаровывает» человека, заставляет его поддаваться влиянию рекламной сказки.

Большинство наших испытуемых – подростки и молодые люди в возрасте 12-20 лет. «Согласно результатам опросов, среди российской молодежи заметно проявляет себя гедонистическая направленность личности. Так, только 44% российских студентов готовы служить людям, общему благу в ущерб своим интересам, а заботу об обездоленных считают своим нравственным долгом лишь треть опрошенных. Тогда как 75% полагают, что не следует упускать развлечений и удовольствий или отказываться от радостей жизни и веселого времяпрепровождения» [5].

Рекламный текст, активно транслируя такие ценности, как «здоровье», «счастье», достигаемые путём приобретения рекламируемого продукта, формирует новую иерархию ценностей, или, лучше сказать, деформирует сложившуюся в течение веков систему ценностей русского общества, в которой гедонистический компонент был малозначимым, а концепт «счастье» ассоциировался с духовной полнотой жизни.

В этой связи необходимо реформирование аудитории, причём, главным образом, аудитории молодёжной. Медиаобразование молодёжи – одна из важнейших задач, стоящих перед медиасообществом и гражданским обществом в целом. Медиаобразование как набор средств и методов для обучения молодёжи осознанному восприятию средств массовой коммуникации сегодня как никогда актуально. С помощью медиаобразования молодёжь сможет, критически оценивая работу СМИ, в том числе рекламные тексты, отличить миф от реальности, понять природу манипуляций, осмыслить свои мироощущения и предъявить запросы медиаотрасли.

Примечания

1. Мокаева, И.Р. Этические концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балкарского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2004. – С. 50.
2. Федосюткина Н.С. Слова-ценности как средство доступа к ценностной картине мира (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2005. – С. 83.
3. Кривко М.А. Телевизионная реклама в современной культуре: дис. ... канд. филол. наук. – С. 37.
4. Сорокин Ю.Л. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. / Ю.Л. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 181.
5. Жилавская И.В. Оптимизация взаимодействия СМИ и молодёжной аудитории на основе медиаобразовательных стратегий и технологий: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – С. 33-34.

В.В. Артамонова, И.М. Куликова

ОНТОЛОГИЯ ЭТНОСА В РОМАНАХ Е. АЙПИНА И А. ИВАНОВА: ОПЫТ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ

В последнее десятилетие в современном литературном процессе наблюдается определенный кризис литературы «центра», во многом зависящей от пристрастий читателей, моды и т.д. В то же время укрепляются позиции региональных и этнонациональных литератур, основополагающей тенденцией которых становится стремление к осмыслению ментальных основ этноса и желание атрибутировать описываемое национально-культурное пространство как значимое для всей России и – шире – для всего человечества.

В этой связи представляется интересным сопоставить романы крупного хантыйского прозаика и общественного деятеля Е. Айпина «Божья Мать в кровавых снегах» (2002) и ставшего популярным в последние годы пермского писателя А. Иванова «Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор» (2003). По мнению рецензентов, оба романа удовлетворяют культурному ожиданию большой эпической прозы. Так, критик Г. Ребель подчеркивает эпический масштаб изображаемого в «Сердце Пармы» [1]. Переплетение «неодолимости мифа» с «неодолимостью реальности» в произведении Е. Айпина подчеркивает Н. Энгвер [2]. Художественные составляющие обоих романов: языческая древность, соприкасающаяся с христианским миром, героическая история, переплетенная с современностью, мифы и легенды, сосуществующие с реалиями, первородность природы – позволяют подойти к этим текстам как к современному «эпосу».

Эпохи, следующие за большими историческими катаклизмами (будь то 1920-е или конец 1990-х – начало 2000-х гг.), как правило, вызывают в литературе возрождение эпических форм. Так, писатели «почвеннического» направления в литературе 20-х годов XX века восприняли революцию как возможность возрождения и утверждения народного сознания, обратились к изображению народной стихии, ее первородных сил, на которые должна опереться новая власть (А. Веселый, А. Ремизов, Б. Пильняк, Вс. Иванов, Л. Леонов в «Барсуках» и др.). Посыл современных авторов – А. Иванова и Е. Айпина – из того же ряда, усложнившийся тем, что авторы апеллируют к постсоветской государственности, стремятся художественными средствами обозначить такую модель общественного устройства, которая учитывала бы наличие множества национально-культурных прав равноправных этносов России.

Предмет изображения обоих авторов один – история взаимоотношений русских и финно-угорских народностей – остяков и вогулов (ханты и манси), сосуществующих издавна бок о бок на северных землях России. И Е. Айпин, обратившийся к трагическим страницам истории, и А. Иванов, создавший легендарный образ Центрального Урала и Прикамья, предлагают воспринимать свои регионы как пространства, равновеликие «центру». В этом их отличие от эпических романов с региональным содержанием начала XX века (пятитомная сага Г. Гребенщикова о роде сибирских казаков Чураевых, «Угрюм-река» Вяч. Шишкова и др.). В этом же – преемственная связь современной этнической литературы с онтологизмом «деревенской прозы» 70-х гг. XX века. Эта связь явлена в обращении к жизни народа в переломные эпохи, в интересе к социально-психологическим изменениям в народном сознании, в утверждении духовных ценностей,

выработанных народом на протяжении веков, в единстве истории и современности, в представлении о времени как преемственности в цепи поколений, появлении героя – «лучшего человека», духовно связанного с этическими традициями своего народа, в утверждении идеи гармонии мира и человека, стремлении к духовно-философскому осмыслению бытия. Это является существенными характеристиками прозы В. Белова, В. Распутина, В. Астафьева, близкого к «деревенщикам» Ч. Айтматова, чья книга «Пегий пес, бегущий краем моря» дала мощный импульс для развития этнонациональной северной литературы. Е. Айпин и А. Иванов восприняли от «деревенской прозы» и ведущие стилиевые признаки: создание образа на пересечении различных временных координат, обращение к символике мифов, легенд, сказок, использование образов-символов, своеобразный полифонизм, наличие основного этического голоса, выражающего коллективное мнение, и др. Так, лучшие страницы романа Е. Айпина отведены истории югорской земли, изображению национального характера ханты, почти этнографическому описанию обрядов и обычаев, нравов, примет, верований, особенностям миропонимания, где соединились христианство и язычество. Опоэтизирована материальная культура ханты: расшивка одежды и обуви, украшения; своеобразие орнамента и его символика («заячьи ушики», «ветка березы», «спинка соболя на две стороны»). Роман А. Иванова демонстрирует тот же подход. «...Хотя и Кама, и Сылва, и Чусовая, и Вишера – это совершенно реальные уральские реки, но в романе... они наделены неповторимым характером, обликом, судьбой», все это, с точки зрения Г. Ребель, указывает на этнографизм романа [3]. Вспомним, что писателей, обращавшихся к теме деревни, в свое время упрекали в идеализации народной жизни. На деле поэтизация народно-крестьянского мира была вызвана стремлением уберечь его перед натиском техногенной цивилизации (В. Солоухин «Владимирские проселки», А. Солженицын «Матренин двор», В. Белов «Лад: Очерки о народной эстетике» и др.). В произведениях современных «онтологов» этот пафос усиливается, появляется стремление к определенной «музеификации» былого с целью сохранить уникальность каждого исчезающего исторического «экспоната», будь то первозданный природный пейзаж или выходящее из обихода «нутряное» слово. Историко-этнографические комментарии у А. Иванова, живые национально-самобытные картины природы («Лето проскользнуло мимо, как *девичья лента* по речному перекату») или исторической жизни («Под... лазоревым небом по зеркальной и густо-синей долине Камы, четко ограниченной зубчатыми стенами сизых *ельников*, медленно плыл целый город – множество огромных плотов и плоскодонных широких барок...») [4] – слагают целостный образ пермского средневековья. Национальный колорит романа «Божья Матерь в кровавых снегах» также создается включением в ткань текста иносказательных обозначений (*Сидящая* – Земля, *Ногастый* – созвездие Большой Медведицы), сравнений и метафор, характеризующих своеобразие этнического мировосприятия («*огненный камень* сразил первого пристяжного быка» – это о бомбе, «*железная птица* клюнула» – об аэроплане; «сердце *клюет голод*», «голова побелела, как *перо халея*»; «бесстрашны, как *медведи*», «смахивал на *птенец в гнезде*). Автор активно использует язык и стиль народных сказок и легенд: сложносоставные определения («*костляво-тощий*», «*древние-задревние*»), приложения («*реки-земли*», «*деревья-травы*», «*святимилица-капища*», «*изгибы-извивы*») [5]. Но этнографические описания не являются самодовлеющими для писателей. В их романах реализуется возможность соединить краеведение с развитыми формами историко-культурной рефлексии, прослеживаются современные интенции и смыслы. Ощущение исторических переломов как катастрофы и восприятие истории региона как события,

отражающего общезначимые закономерности, обусловили принципы нового историзма этнонациональной прозы.

Идейно-тематически, идеологически романы «Божья Мать в кровавых снегах» и «Сердце Пармы» перекликаются: авторов интересует тема вхождения «малых» этносов в состав российской государственности и возникающий в связи с этим конфликт центра и национальных окраин, в обоих текстах доминирует идея гибельности такого вхождения для угорских народностей. Авторы обращаются к разным историческим эпохам: А. Иванов воспроизводит события XV века, присоединение княжества Пермского и земель вогулов (манси), живущих в Предуралье, к Московской Руси, Е. Айпин обращается к восстанию ханты Зауралья против советской власти в 30-е годы XX века, известное по архивным документам как Казымское, и его жестокому подавлению. А. Иванов отстаивает как данность равновеликость разных правд в нравственно-философском споре о смысле и цели российской экспансии, Е. Айпин сосредоточен на негативных явлениях и последствиях советской политики.

В противостоянии «прежнего» и «нового» авторы на стороне «прежнего» как более глубокого, корневого, изначального и более человеческого. Когда посланец великого московского князя пытается восстановить пермского князька Михаила, главного героя, «лучшего человека», против пермских татар, он натывается на категоричный отпор: «Исур мне друг преданный». Языческая Парма для Михаила – родная земля, которую Москва принуждает его завоевать и «охристианить» ценой ссоры с соседями-вогулами. Михаил близок по взглядам Верховному шаману вогулов, для которого Парма «была словно бы мускул огромного сердца земли». Шаман готов смириться с вторжением в пермский мир христианского бога, потому что есть нечто большее, «изначальный порядок вещей», который вбирает в себя все верования. На этом фоне кощунственным выглядит желание христианского епископа Ионы истребить этот самый «изначальный порядок», который воплощен для него в священной для вогулов Прокудливой березе, под которой соединились судьбы русича Михаила и вогулки Тиче. С позицией епископа смыкается позиция вогульского вождя Асыки, который считает, что «можно мириться с набегами врагов, но нельзя мириться с их богами». Своя правда и у московского царя Ивана III: «...Русь должна быть великой державой. Хочу я из единой Руси такую глыбу сделать, чтобы по всем нашим землям от Смоленска до Чердыни не было чердынцев, тверяков, московитов, не было чудинов, литвинов, русинов, – а все были русские!». Пермский князь Михаил относится к словам Ивана настороженно: «...Мысль твоя светлая, да руки твои одна в крови, другая в чужом кармане». Однако, вернувшись домой, Михаил советует мансийским вождям принять православие, поскольку понимает, что бессмысленно воевать против жестокой государственной силы. В результате присоединения Перми к Москве автономное развитие этой земли, основанное на живом общении разных этносов, заменяется обезличенным развитием Российской империи. Результат завоевания для личной судьбы князя пессимистичен. Сцена его гибели весьма символична, он словно растворяется в природе: «И он уже не был князем, не был человеком, а был только корнями отцветающих трав, только палой листвой, только светящимся песком».

Проблемы, которые решают легендарные и исторические герои Алексея Иванова, прежде всего национальные и религиозные, и сегодня чреватые государственными, национальными и мировыми конфликтами. Современные политические аллюзии писателя очевидны. Так, критик С. Кузнецов отмечает, что главная тема романа А. Иванова – кровавая цена, которую пришлось заплатить за строительство империи. «Сердце Пармы» невольно заставляет вспом-

нить о методах, которыми создается любая империя [6]. Напротив, критики А. Гаррос и А. Евдокимов, утверждают, что «главное послание Иванова – послание имперское – но непривычно здоровое и трезвое... – про безальтернативность имперского синтеза. Про то, что... выплавление цельной русской нации было делом подлым, кровавым, жестоким, мучительным – но единственно верным» [7]. Противоречивые идеологические трактовки романа связаны, видимо, с художественной позицией автора, которую Г. Ребель характеризует как «эпически – отстраненную», «внеличностную»: «...автор нигде не высказывается напрямую, ни разу не произносит окончательного приговора» [8]. В то же время объективное, равно уважительное к разным мирам и ценностям системам повествование говорит о демократизме и толерантности авторской позиции.

Социально-исторический пафос романа Е. Айпина также основан на убеждении, что насилие государственной власти уничтожает живой круговорот национальной жизни. Писатель отстаивает идею неповторимости и значимости духовной философии и культуры «малых» этносов, выступает против навязывания им цивилизационных достижений другой культуры. Остяки заслонились от цивилизации своими обычаями и верованиями, традиционными промыслами, тесной связью с природой, Землей, которые одушевлены. Поэтичен мир остяков: «Белая зима сменяется зеленым летом. Но взамен белому снегу приходит белая ночь... Солнце приносило белый день, чтобы люди могли... полюбоваться деревьями, травами, водами, землей и небом» [9]. Уважение к человеку – главное в обычае ханты (Отец Детей спасает замерзающего Белого человека, прабабушка Анна спасает умирающую от голода княгиню, Мать равнодушна к судьбе девушки-ненки). В то же время власть большевизма, по мнению автора, основана на подавлении и уничтожении естественного течения жизни и личности человека. Эта власть ассоциируется с красным цветом, символизирующим в контексте романа кровь и смерть. За выразительными художественными образами легко прочитывается авторская позиция: с помощью насилия утверждаются те политические режимы, которые непонятны для здравого смысла «простого» человека. Откровенно публицистичен эпилог романа, в котором Е. Айпин в резкой очерковой манере показывает последствия, как он считает, большевистского господства: опустошение земель, разграбление нефтяных недр, спаивание местного населения и т.д. Целый народ оказался на грани исчезновения.

Е. Айпин открывает новую страницу в становлении в этнической прозе народов Севера жанра «онтологического» романа, причем не свободного от постмодернистского влияния. Его произведение можно отнести к тому направлению в этнической прозе, которое определяется как этнофутуризм. Сам термин принадлежит эстонскому литератору М. Синиярву и введен им в конце 80-х гг. для характеристики новаторских тенденций в художественной культуре финно-угров. Литературный этнофутуризм рассматривается как инвариант постмодернизма, смыслополагающей чертой которого является диалог базовых этнокультурных ценностей с мировым постмодернизмом. Главной идеей этнофутуризма стала попытка выявления современных этнических мировоззренческих установок «в контексте взаимосвязей с русской и мировой культурой как наиболее адекватного времени выражения интеллектуального и эмоционального восприятия эпохи» [10]. Элементы постмодернистского дискурса явно прослеживаются в финно-угорских литературах и изобразительном искусстве Поволжья (Р. Миннекузин, М. Федотов, А. Ельцов, И. Федосова и др.), а также в отдельных произведениях хантыйской, мансийской, ненецкой литератур («Откровение Крылатого Пастора» Ю. Шесталова, «Молчащий» А. Неркаги и др.). Наиболее ярко черты этнофутуризма проявляются у Е. Айпина в восприятии

внешнего (по отношению к этническому) бытия как хаоса, абсурда, а также в противопоставлении «чужому» личности, способной сохранить целостность мировосприятия в опоре на традиционные ценности. В повествование Е. Айпина органично входят мифы, историография, публицистика. Уничтожение грани между фактом и вымыслом, мистификация, псевдофактографичность – эти приемы постмодернистского письма в эпизодах кровавого противостояния непримиримых социальных сил, порой искажая объективную реальность, подчеркивают художественный субстрат произведения.

Постмодернистская стилистика просматривается и в романе А. Иванова. Его «Сердце Пармы» включает исторический и собственно легендарный материал, в том числе фольклорно-мистический, мифологический по своему происхождению, сочетающий в себе хроникальность и вымысел [11]. Не случайно критики видят в романе подобие «фэнтези». По мнению О. Дарка, «фэнтези» не абсолютное жанровое определение, а терминологическое выражение взгляда из другого, языческого мира на все происходящее в романе [12]. Процесс колонизации Верхнекамья Москвией предстает как хаос «глобализующей силы», а кровавые сцены побоищ – как «дикое зверское камлание». Следствием игнорирования постмодернистской составляющей романа А. Иванова стало высказываемое рядом критиков возмущение изображением христианских священников, произвольной трактовкой исторических событий и характеров.

Несомненно, постмодернистская эстетика во многом определила жанр и стилистику анализируемых произведений. В то же время следует отметить принципиальное отличие региональной и этнонациональной онтологической прозы от постмодернистского текста. Этнонациональная литература «серьезна», в ней нет релятивистской игры концептами, образами, смыслами. Она пытается вернуть кодам и знакам мира их первичный ценностный смысл. Однако в обиход своего письма эта литература активно пропускает художественные приемы постмодернизма для изображения взаимопроницаемости мира и его вещей.

Структурообразующей чертой постмодернизма называют интертекстуальность как диалог между текстами разных культур, своеобразный способ включения в литературную традицию, ее осмысление (чаще всего пародийно-ироническое) и создание на этой почве нового, оригинального произведения. Для создания новых текстов используются отрывки культурных кодов, формул, ритмических фигур, фрагменты социальных идиом [13]. Все это наличествует в произведениях Е. Айпина и А. Иванова. Так, в постмодернистском ключе решена у А. Иванова картина необъятного и многообразного московского бытия, впервые увиденного князем Михаилом: «Москва потрясла князя, ... загромодила пространство, накрыла с головой». Это ощущение передается динамичными перечислениями (постмодернистский «перечень» и «каталогизация» жизни), рядами существительных и глаголов, которые предьявляют многообразный мир «самого большого, самого красивого, самого жестокого и жадного города вселенной». В этой картине несомненно переключка с пушкинским изображением Москвы в «Евгении Онегине», однако постмодернистская реминисцентность здесь подчинена созданию полнокровной и достоверной художественной картины.

В романе «Божья Мать в кровавых снегах» Е. Айпина постмодернистская стилистика проявляется более отчетливо. Сама композиция романа – «... алмазная ось, вокруг которой развивается трагедия Матери Детей, Богоматери и Кровавых Снегов Севера», по образному выражению критика [14], – представляет собой художественный инвариант этнофутуристского тезиса об «абсурде» и «хаосе» чужого мира и преодолении его

«лучшей» личностью этноса, а структура произведения по природе интертекстуальна. Обратимся к выявлению интертекстуальных пластов произведения, посредством которых переосмысливается социальная история и развивается онтологическая проблематика.

Первый пласт связан с постмодернистским переосмыслением концептов советского периода. В романе устанавливается противоречивая связь с произведениями революционной эпохи, изображающими революцию в «метельном облике» («Двенадцать» А. Блока, «Голой год» Б. Пильняка), где показан разгул необузданных инстинктов, даны «хмельно пахнущие кровью» сцены («Россия, кровью умытая» и «Реки огненные» А. Веселого, «Конармия» И. Бабеля, «Партизанские повести» Вс. Иванова, «Ватага» В. Шишкова, «Донские рассказы» М. Шолохова и др.). Именно здесь вступает в свои права то этнофутуристское восприятие чуждого мира, соотносимое с эстетикой «фэнтези», о которой упоминалось выше. Автор ведет спор с образами, воспевающими революцию, меняет их ценностные смыслы: не «белый венчик» Иисуса, а Богородица «в кровавых снегах». В то же время он активно использует художественно-изобразительные приемы революционной прозы, то, что критик К. Локс определял как «натурреализм» или «анекдотическую фантастику», «сплошное заливание отдельного человека хаосом сломанного быта», «хаотическую смену впечатлений», «реальное, граничащее с фантастикой» [15]. В романе Е. Айпина подобный метод становится ведущим при создании образов «красных»: они пахнут кровью; у них «лиственничные дубины», «суковато-шершавые», чтобы вырывать «из тела наказуемого куски живого мяса»; у них в плену «в их застенках замучены, забиты, заживо заморожены, сожжены, растерзаны на части» многие остяки. Откровенный публицистический тон повествования сразу же вызывает реминисценции с гитлеровскими концлагерями и сталинским ГУЛАГом. Исследователи романа в описании «кровавого пира красных» обнаружили ассоциативные связи с традициями «Слова о полку Игореве» [16]. Сходные ассоциации вызывает и описание побоищ в романе А. Иванова: «Вокруг него бушевал безумный пир. Так над тушей заваленного, но еще живого оленя пирует изголодавшаяся волчья стая, когда волки выдирают из тела куски еще трепыхающегося мяса и рвут их друг у друга из зубов».

Концептуальный образ большевиков, «кожаных курток», подчеркивающий прямолинейность, бездушность партийных функционеров в «Голом годе», образ, широко представленный в советской литературе 20-х годов (у И. Эренбурга, К. Федина, Л. Леонова, Ю. Либединского, А. Серафимовича и др.), в образной системе романа Е. Айпина получает предельно шаржированное воплощение. Главарию красных свойственны вседозволенность, безнаказанность, жестокость. В числе жертв «красных» не только люди, но и животные (олени, ездовые собаки, волчица и ее детеныши). Один из героев (Белый) называет большевиков «существами страшнее зверя»; Мать воспринимает их как «нелюдей». Здесь налицо «выворачивание» пильняковского понимания «звериного» как естественного, стихийно-жизненного. При характеристике «красных» используется соответствующая лексика: «взревел», «злобно прохрипел», «мертвые, без всякого выражения», «налившиеся кровью глаза»; они «смачно» жуют и глотают куски мяса; помощник главаря «лает», а не разговаривает. В онтологической системе образов романа «Божья Матерь в кровавых снегах» животные, напротив, очеловечены, они помогают попавшим в беду, переживают, подобно людям. В текст романа введены вставные новеллы: о Пойтэке, который тащит в зубах последнего сына Матери к людям; о жизни волчицы, которая, как и Мать, потеряла своих детей. Разумеется, в ассоциативном ряду здесь появляется, прежде всего, образ волчицы Акбары, описанной в «Плахе» Ч. Айтматова.

Постмодернистской переработке подвергаются и другие концепты и образы советской прозы, например, «пробуждение» женского идеологического сознания (повесть Л. Сейфуллиной «Виринея», где процессы стихийных социальных движений раскрывались через внутренний мир крестьянки). Е. Айпин снова идеологически меняет этот концепт. Героини двух произведений психологически схожи, Мать Детей приобретает, подобно крестьянке Виринее, личностное осмысление происходящего, аналитичность оценок, но с противоположным знаком: не к революции, а *от* нее, не *против* кулаков, а *за* них. Художественный психологизм Айпина совмещает в себе стиливые черты фольклорной традиции (форма вопросов-ответов, синтаксический параллелизм, анафора, эпифора) и письменной культуры (наплывы воспоминаний о прошлом, сны Матери, воображаемых ею картин будущего, использование композиционного приема рассказ в рассказе).

Второй пласт интертекстуальной ткани романа «Божья мать в кровавых снегах» связан с христианскими и языческими образами, их трансформацией и авторской оценкой. Начало «христианизации» азиатской литературы положил в 80-х гг. XX века Ч. Айтматов своим романом «Плаха», замыслом книги «Богоматерь в снегах» (опубликован отрывок). Критик Ю. Козлов упрекал Е. Айпина, что он воспользовался айтматовским названием, хотя мог бы придумать более емкое и нестандартное [17]. Даже если это так, то, возможно, автор сделал это намеренно, «по-постмодернистски». Неосуществленное произведение Айтматова задумывалось как художественное исследование сталинизма, что придает особую перспективу роману хантыйского писателя. Семантика образа Матери Детей в контексте такого заглавия приобретает мощный всечеловеческий масштаб. Икона *Salus Populi Romani*, «Богородица в снегах», особо чтима в Риме, она является покровительницей Вечного Города. Икона Казанской Божьей Матери, висящая в остояцком чуме, спасает Мать Детей от смерти, мироточит и не утрачивает магической силы даже после того, как в нее попадает «красная пуля». Смысл самого образа Матери Детей – в силе любви, в подвиге спасения и защиты всех обездоленных и скорбящих. Приготовившись умереть, Мать Детей увидела, как Главарь красных неожиданно стреляет в образ православной Божьей Матери и убегает. Семантика этой символической сцены (Богоматерь приняла пулю революционного фанатика и тем самым спасла язычницу и ее сына, хотя икона для Матери Детей была сначала чем-то чужеродным, посторонним) заключается в утверждении возможности соединения «своего» и «чужого», установлении общего для всех духовного порядка. Образ Матери Детей вырастает в ходе повествования до символа Матери всех людей и приобретает черты Богородицы Марии. Она подобна лику Божьей Матери на иконе в золотой оправе, особенно в сцене кормления младенца. В картине будущего, представляемого Матерью, ей чудится собственная фигура, заколдованная и заговоренная от красных пуль и смерти, как Божья Мать. Только в восьмой главе называется реальное имя остячки: Вера Саввишна, что придает образу конкретные, индивидуальные черты. Но в то же время имя – Вера – также наполнено символическим смыслом. Таким образом, автор романа решает для себя и для своего этноса вопрос о вере: защитница небесная равновелика для всех и помогает всему человечеству, будь то язычник или православный, точно так же, как «боги и богини» остяков.

В многозначном, многослойном образе Матери Детей в полной мере реализуется общечеловеческий (и общеприродный) архетип материнской силы и стойкости. Этому образу сопутствуют и реалистические, и мифологические реминисценции, которые демонстрируют подвиг силы и способность к выживанию в экстремальных условиях. В смысловое поле этого архетипа входят у Е. Айпина, например, образы «Матери Человеческой» В. Закруткина и повести «В гнездышке одиноком» Т. Молдановой. Мария, героиня повести В. Закруткина,

тоже собирает вокруг себя и сохраняет все живое – не только своих детей и пришлых сирот, но и «чужого» немецкого сына, раненого солдата вермахта, и домашнее зверье, спасая их всех от уничтожения, помогая выжить в невероятных условиях или достойно умереть. Однако образ Матери Детей более трагичен: Айпин изображает не только «движение вперед», но и «обратное движение». Мать Детей, собрав все живое вокруг себя, постепенно теряет всех в кругах «адовых мук» (отсылка к Солженицыну, Данте?): сыновей, мужа, вожака-оленья, рыжего пса – и становится Матерью Дитя, единственного оставшегося в живых сына, малыша Саввушки, охраняемого собакой Пойтэк. В этом отношении образ Матери соотносим с образом Анны, героини Т. Молдановой, которая также постепенно теряет своих детей, ее «гнездышко» оказывается разоренным. Анализируя фольклорно-поэтические черты образа Матери, исследователи соотносят его с образом Ярославны, «кличущей» Солнце, Небо и Месяц; фольклорные переключки отмечены ими и в заклинании героиней Реки, и в обращении Матери к верховному языческому божеству Неба – Торуму, и в ее молитвах (Солнышку-Матушке и Месяцу-Старику) и причитаниях. Они же выявляют переключки с «ползущими» героями Б. Полевого («Повесть о настоящем человеке») и Ю. Рытхэу («Айвангу», «Вэкэт и Агнес»): в конце произведения перед читателем предстает ползущая с покалеченными ногами женщина, «вперед, только вперед», чтобы спасти своего ребенка» [18]. История волчицы, развивающаяся параллельно истории Матери, подчеркивает их коренное, онтологическое родство. Обе теряют детей, обе «ползущие», уничтожаемые злой надприродной силой.

В романе А.Иванова мы также обнаруживаем «богородичный» мотив. Идея взаимопроницаемости мира решается автором на образе языческой Золотой Бабы, из-за которой в романе разворачиваются жестокие конфликты. (Кстати, заметим, что образ Золотой Богини встречается в произведениях многих писателей Севера. Вспомним повесть мансийского писателя Ю. Шесталова «Тайна богини Сорни-най», в которой молодой рабочий ищет в тайге реликвию своего народа – Золотую Богиню; или очерк К. Носилова «Серебряная Баба» о спрятанном главном идолу язычников, с которой был сделан слиток из серебра). «Не Баба это никакая, а Богородица. Потому её язычники прячут», – рассказывает епископ Филофей, затеявший охоту на языческое сокровище. У другого героя, Калины, своя история: Золотая Баба, действительно, Богородица, слепленная из града, в нее уверовала и крестилась половина язычников в дальних странах, а другая половина в родную Парму вернулась и Богородицу из золота с собой унесла (эта фантастическая легенда отражает реальные финно-угорские корни пермских угров). Параллель Золотая Баба – Богородица проходит через весь роман как знак изначальной общности всех народов и верований и как трагический символ враждебности распавшихся осколков этой общности, отмечает Г. Ребель [19]. Михаил, глядя на свою возлюбленную Тиче, кормящую младенца, видит в ней Богоматерь, «но не ...бесплотную, излучающую печаль», а «языческую богоматерь – нагую, отважную, сильную, как волчица, которая, улыбаясь сама себе, кормит самого хищного волчонка в стае». Этот образ у А. Иванова многозначен, являет самые противоречивые ипостаси (возлюбленной, матери, языческой богини, «бестелесной Богоматери-Умиление»). Природный эквивалент образа в романе – Вишера (образ Золотой Бабы присутствует в топонимической легенде о происхождении этой уральской реки).

Реминисцентные ряды романов Е. Айпина и А. Иванова не замыкаются на литературных текстах. В некоторых эпизодах произведений мы имеем дело с явлением, определяемым исследователями как «интермедальность» [20]. Это особый тип внутритекстовых взаимосвязей в произведении, основанный на взаимодействии художественных ко-

дов разных видов искусства. Так, образ Матери Детей с младенцем на руках вызывает аллюзии не только с иконописными полотнами, но и с Мадоннами на картинах мастеров Возрождения. В качестве примера интермедийных связей можно привести эпизод стрельбы Матери и ее сына Романа по аэроплану, сбросившего бомбу на восставших ханты. Описание положения тел Матери и ее сына при стрельбе, самолета в дыму, улетающего к горизонту, убитого Романа на шубе-малице вызывает визуальные переключки с клише советских фильмов о войне, живописным полотном А. Пластова «Фашист пролетел». О «кинематографичности» повествования А. Иванова также написано немало: отмечают его манеру показывать «крупные планы» героев, «голливудскую» зрелищность батальных сцен. И. Кукулин отмечает, что художественный историзм А. Иванова близок позиции А. Тарковского в фильме «Андрей Рублев», где события русского средневековья тоже были представлены как метафора и как способ вызвать современность на диалог [21].

Сравнивая исторические концепции двух авторов, мы видим явное сходство. Как А. Иванов изображает мир, в котором живой, дышащий исторический процесс сменяется неподвижной «стабильной» жизнью, лишенной пафоса личного, уникального действия, так и Е. Айпин утверждает, что только духовно-нравственный опыт выживания на Крайнем Севере, опора на обычаи предков позволили остякам выжить в условиях утвердившегося большевистского «порядка» и «стабильности». Взгляд на современность у писателей довольно пессимистичен. Соотнося исторические аллюзии с современностью, А. Иванов изображает ситуацию неверия человека в будущее, поскольку насильственное «огосударствление» не воспринимается его членами как собственное, насущное дело. Поэтому единственной опорой для исторического сюжета «Сердца Пармы» становится герой-медиатор, романтический персонаж, которому одному под силу невероятным усилием связать непримиримо противостоящие друг другу начала, «последний герой»: ему суждено быть убитым или исчезнуть. Белый человек, делящий с остяками тяготы их существования, в романе Е. Айпина, так же, как князь Михаил в «Сердце Пармы», выполняет функции героя-медиатора, транслирующего авторские оценки и взгляды на происходящее. Это своего рода «культурный герой» народного эпоса, идеализированный автором. Белый обладает сказочным количеством талантов: он храбрый воин, удачливый придворный, пророк; он знаток древних летописей, живописец и архитектор. Персонаж ассоциативно связан и с русским фольклором (былинный удалец, который в огне не горит, в воде не тонет), и с хантыйским (легенды о богатыре Мадур Вазе и богатыре-шамане Танье). Одновременно связан он и с образами «белых людей» в романах об американских индейцах (у самого Е. Айпина есть книга очерков «Русские индейцы»), и с образами белогвардейских офицеров как представителей имперской власти, не вмещавшейся (позиция Айпина) в устоявшийся порядок жизни ханты (в предыдущих произведениях писателя варьируется мотив противопоставления «Белый Царь – Красный Царь»). Но он так же, как и герой-медиатор А. Иванова, «исчезает»: то ли растворяется в просторах Севера, то ли перебирается в Европу, что само по себе символично.

Подводя итоги самому общему и первоначальному рассуждению об онтологизме современной этнонациональной прозы, можно сделать вывод об определенном идейно-стилевом единстве региональных литераторов, общности их мировосприятия. Это определенная оппозиция центру, предупреждение о негативных последствиях «имперской» и «колонизаторской» государственности, желание свободного развития коллективного и личного бытия равноправных этносов и народностей. Трансформация христианских мотивов подчеркивает ориентацию на совместное сосуществование в рамках единой цен-

ностной системы, обогащенной духовно-культурными достижениями каждого этноса. Региональные писатели активно пользуются приемами постмодернистского письма, но в то же время сохраняют ценностные ориентиры «серьезного» эпоса.

Примечания

1. Ребель Г.М. «Пермское колдовство», или роман о парме Алексея Иванова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.arkada-ivanov.ru>.
2. Энгвер Н. То, что под камнем. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://Сайт газеты «Литературная Россия», архив №13. 19.04.2002//www.litrossia.ru>
3. Ребель Г.М. Указ. соч.
4. Иванов А. Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор. – СПб.: Азбука-классика, 2007. (Далее в тексте цитируется это издание без указания страниц).
5. Роговер Е., Нестерова С. Творчество Еремея Айпина. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. – С. 124-125.
6. Кузнецов С. Кровь империи и печень врага //Русский журнал. – 8 мая – М., 2003. – С. 3.
7. Гаррос А., Евдокимов А. Одинокий голос крови // Эксперт. – 15 сентября. – 2003. – С. 4.
8. Ребель Г.М. Указ. соч.
9. Айпин Е. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург: Издательский дом «ПАКРУС», 2002 (Далее в тексте цитируется это издание без указания страниц).
10. Феномен этнического и глобализация культуры народов Поволжья и Приуралья /Материалы «круглого стола». – Ижевск, 2004. – С. 12, 13, 72, 95, 98.
11. Кукулин И. Героизация выживания. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.arkada-ivanov.ru>.
12. Цит. по ст.: Чудинова Г.В. Интерпретация миссионерской деятельности подвижников православия в романе Алексея Иванова «Чердынь – княгиня гор». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.arkada-ivanov.ru>.
13. Современное зарубежное литературоведение. Энциклопедический справочник. – М., 1996.
14. Энгвер Н. Указ.соч.
15. Локс К.Современная проза. – Печать и революция. – № 5. – 1923. – С.84-85.
16. Роговер Е., Нестерова С. Указ. соч. – С. 114.
17. Козлов Ю. Кровь под «белым пятном» //Хантыйская литература: Сборник. – М.: Литературная Россия, 2002. – С. 152.
18. Роговер Е., Нестерова С. Указ.соч. – С. – 121,123.
19. Ребель Г.М. Указ.соч.
20. Тишунина Н.В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований //Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Материалы международной научной конференции. – СПб, 2001. – С. 153.
21. Кукулин И. Указ. соч.

М.В. Крапивина

**КЕМЕРОВСКИЙ МИФ:
ХРОНИКА ДРАМОМАНИИ-2
(ПО ИТОГАМ ГУМАНИТАРНОГО СЕМИНАРА)**

Любое социокультурное явление нуждается в теоретическом обосновании. Новейшая русская драматургия не исключение. Сейчас можно наблюдать процесс бурного развития, становления этого направления российского театра. Оно вызывает всесторонний интерес не только у театральной критики и культурной общественности, но и в научной среде.

Так, с 23 по 26 апреля 2010 года в Кемерове прошел уже второй открытый гуманитарный семинар «Драмомания: автор – герой – адресат в новейшей русской драме», который был совместно организован и проведен учеными-филологами из РГГУ (Москва) и КемГУ (Кемерово) [1].

Ментальная база для развития современного театра

Главной задачей семинара, по словам организаторов, является формирование гуманитарного пространства, внутри которого люди, в том числе не привыкшие говорить о современной культуре, включаются в современный продуктивный диалог.

В работе семинара приняли участие не только молодые литературоведы, филологи и студенты (в основном из Кемеровского и Новосибирского университетов), но и специалисты по современной драме: Яна Глембоцкая, известная как автор проекта «Угольный бассейн» (Кемерово, Новосибирск), современные драматурги – представители новейшей драматургии Юрий Клавдиев (Санкт-Петербург) и Вячеслав Дурненков (Тольятти), театральные критики, блоггеры, журналисты, молодые режиссеры и актеры из кемеровского театра-студии «Встреча» во главе с директором театра Ириной Петровой.

Уникальность этого гуманитарного семинара заключается в его междисциплинарном подходе: он сочетает как традиционную научную часть, так и креативно-практическую. По словам куратора и идеолога семинара, доцента кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ Сергея Лавлинского, «новейшей драматургии в самых разных ее проявлениях и современному театру требуется некое теоретическое обоснование, ментальная база, без которой, конечно, театр дальше развиваться не может. Пока накапливается интересный опыт, он требует какой-то систематической рефлексии. Вот ради этого мы и затевали Драмоманию». Надо сказать, еще несколько лет назад специалисты не могли определиться, куда можно отнести «новейшую драму» – к социокультурному понятию «театрально-драматургическое движение» или историко-литературным понятиям «направление», «течение», «школа» [2].

Идея семинара возникла неслучайно. «Несколько лет назад, – рассказывает идеолог семинара С. Лавлинский, – я обратил внимание на то, что современная драма вызывает у студентов особый интерес. Я начал интересоваться этим явлением, перечитал достаточное количество текстов, и в итоге у меня сам собой получился спецкурс «Поэтика новейшей русской драмы и современный культурный контекст». Ключевой задачей спецкурса было помочь студентам, во-первых, научиться самостоятельно определять траектории

становления современной драматургии, во-вторых, овладеть инструментами анализа произведений новейшей драмы, прежде всего, как художественных и эстетических явлений, в-третьих, обнаружить диалогическую связь дискурсивно-жанровых поисков «новейшей драмы» (НД) не только с ближайшим культурным контекстом, но и с традициями классической драмы. Именно поэтому в рамках спецкурса особое внимание уделялось обсуждению рецептивного потенциала НД, предлагалась оригинальная типология «позиционности» эстетических установок, характерных для произведений современных драматургов. Помимо драматических текстов в качестве материала использовались фрагменты художественных фильмов и театральных спектаклей. В рамках спецкурса проводился анализ некоторых спектаклей из репертуара московских театров или гастрольной программы российских и европейских театров в Москве.

Тем не менее, как отмечает С. Лавлинский, при таком интересе со стороны молодого читателя к НД на том же спецкурсе выяснилось, что далеко не все знают об этом явлении; притом что ему, ни много ни мало, уже лет 15. «И я подумал, почему бы не создать такой семинар, который выполнял бы просветительскую задачу – знакомил людей с целым пластом культуры, достойным особого внимания. Одним словом, первая задача состояла в том, чтобы познакомить людей с кругом драматургов, произведений, принадлежащих к течению НД. Но это была не единственная задача семинара. Нужна была научно-креативная площадка, так как изучать какое-то явление, в том числе явление современной культуры, без такой основы невозможно. Очень хотелось, чтобы такая площадка возникла в Кемерове и, соответственно, в Москве. Вообще, я всегда был убежден, что все интересные явления в науке и современной культуре происходят, когда преодолеваются некие границы: географические, возрастные, социальные и, конечно же, границы, отделяющие один научный язык от другого. Хотелось создать совместный с КемГУ научно-креативный проект (наши кафедры ведь родственные) для ученых, студентов, драматургов и для всех, кто интересуется и занимается НД серьезно».

Так опыт спецкурса в РГГУ, а также модель рефлексии современной русской драмы, которую предложили в свое время коллеги из Самарского университета [3], был успешно применен и на семинаре в Кемерове.

Современная драма как историко-литературное явление

Семинар открыл С. Лавлинский. В своем вступительном слове он подчеркнул просветительский аспект этого, по сути, многоформатного проекта, рассказал о том, что такое новейшая драма в современном культурном контексте, кто есть кто в современной драматургии, представил свою десятку лучших представителей этого движения, предложил типологию конфликта в новейшей драматургии, обратил внимание на связь новейшей драмы и современного кинематографа.

Первые два дня молодые ученые-филологи из Москвы, Кемерова, Новосибирска и других городов выступали с интересными докладами, в которых были проанализированы тексты НД. «Хотя принято считать, что драматические произведения читать трудно, современную драму читать не менее интересно, чем смотреть», – полагает С. Лавлинский. Действительно, почти во всех докладах отмечалась уникальность «новодрамовских» пьес, которая заключается в их двойной репрезентации/рецепции – не только в виде театральной постановки текста, но и в виде собственно литературных текстов. Как замечает постоянный участник и организатор семинаров в Кемерове, ученый-литературовед Андрей Павлов, «для того чтобы восприятие “новой драмы” было эстетически полноценным, она должна быть не только поставлена на сцене, но и обязательно прочитана [4].

Именно поэтому такой интерес к текстам новейшей драмы проявляют филологи и литературоведы, а не только критики и люди театра. «В центре нашего внимания именно *текст* пьесы; рассматривать ее мы будем как *литературное* произведение, а не театральное», – так определил основную задачу семинара Юрий Подковырин (доклад «Соотношение эпического и драматического элементов в пьесе Сергея Решетникова «Бедные люди, блин»). По словам того же докладчика, «на сцене наиболее удачно воплощаются драматические моменты. И именно они воспринимаются наиболее органично, а сам момент показа жизни, конечно, с трудом переводится на сцену, что свидетельствует, скорее, о том, что *текст адресован в полной своей смысловой мере именно читательскому сознанию* (курсив наш – М.К.). В свою очередь, Татьяна Волкова в докладе «Универсальный текст»: «Кислород» И. Вырыпаева», отмечая «синкретизм всех (или почти всех) видов современного искусства, который проявляется в тексте данной пьесы», также подчеркивает, что пьеса «предназначена и для чтения, ведь названия «композиций», посвящение (Ольге Мухиной), игра с расположением слов обращены именно к читателю – зрителю самого текста».

Таким образом, можно сказать, что тексты НД уже перешли в разряд историко-литературного явления.

Круг обсуждаемых вопросов на семинаре был довольно широк и во время обсуждения даже спонтанно выходил за рамки обозначенной темы «Автор – герой – адресат в новейшей русской драме». «Документальность» и «натурализм», слово как «предмет» и как «способ» оценки, «гротескный образ языка» и «гротескный субъект», «реальное» и «воображаемое» в «картине мира» в современной драматургии, зазоры восприятия адресатом в «новой драме» и «актуальном фильме» – таков далеко не полный перечень всех вопросов, представленных в докладах. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Яна Глембоцкая (Новосибирск) предложила аудитории сравнительный анализ пародийно-сатирической пьесы Исидора Штока «Божественная комедия», известной в первую очередь благодаря постановке в 1973 г. в Театре кукол Сергея Образцова, и пьесы Ивана Вырыпаева «Бытие №2» (премьера состоялась в 2006 г. в театре «Практика»). Утверждая, что «Бытие №2» возвращает диалог драматурга с создателем к традиции Дантовой «Божественной комедии», Глембоцкая обращает внимание на то, что в «Бытии №2» на уровне композиции присутствуют уровни текста, соответствующие аду, чистилищу и раю. Ад – это похабные частушки пророка Иоанна. Чистилище представлено в виде дискуссий квазиавтора пьесы Антонины Великановой с Богом-лечащим врачом, потому что чистилище – это и есть рефлексия. И, наконец, в пьесе есть завершающая часть, которую можно соотнести с Дантовым раем, – это отлет Антонины Великановой вместе с Создателем-врачом на Солнце, то есть перемещение в рай. Таким образом, автор раскрывает «реальное» и «воображаемое» через столкновение героя в пародийном контексте с Другим как Чужим, в качестве которого выступает Бог [5].

«Другой», который является катализатором конфликта и, вместе с тем, определяет тип конфликта, может быть представлен в новейшей драме и в лице самого героя, согласно типологии современной русской драмы, предложенной Ильмирой Болотян и Сергеем Лавлинским. Поэтому неслучайно Ю. Подковырин (Кемерово) в своем докладе «Субъектная организация в произведениях новейшей отечественной драматургии» опирается на репрезентативный текст пьесы С. Решетникова «Бедные люди, блин». Ключевой вопрос, прозвучавший в исследовании автора, можно сформулировать так: кто же является *субъектом речи* и *субъектом сознания*? Отвечая на этот вопрос,

Ю. Подковырин делает неожиданный вывод о том, что в этой пьесе «герой предстает и субъектом и объектом изображения» благодаря соединению в пьесе «повествовательных (исповедально-дневниковых) и драматических (игровых) элементов». Обусловлено это, в частности, «актуальным для новейшей драмы кризисом самоидентификации героя, когда имеет место конфликт с самим собой как с Другим: «я-реального» и «я-мечтаемого»; я-культурного» и я-«растворенного в быте».

Разрушение самоидентификации личности в постсоветском трансформирующемся обществе, которое лежит в основе формирования кризиса идентичности [6], нашло безусловное отражение в произведениях НД. По словам критика Марка Липовецкого, «одним из основных предметов рассмотрения в НД является кризис идентичности, который стал содержанием целой эпохи...» [7]. Этот вопрос всесторонне рассматривает *Андрей Павлов* в своем докладе «Номинация героя в современной пьесе» на материале пьес: «Терроризм» братьев Пресняковых, «Доктор» Елены Исаевой, «Не проговоренное» Михаила Покрасса, «Другой человек» Петра Гладилина, «Кухня» Михаила Курочкина, «Пластин» Василия Сигарева, «Чайная церемония» и «Шахматы шута» Александра Строганова, а также на примере фильма Ильи Хржановского «4» по сценарию Владимира Сорокина, который наверняка вписывается в контекст новейшей драматургии. И в перечисленных пьесах, и в фильме, по мнению Андрея Павлова, «ситуация кризиса идентичности, связанная с потерей имени, становится методом художественных размышлений».

По мнению *Марии Лагоды* и *Андрея Павлова* (доклад «Гротескный субъект в неклассической драме: к постановке проблемы»), кризис идентичности соотносится с появлением в НД гротескного субъекта, «образ которого строится «на переходе границ» «я», поскольку в современных пьесах можно наблюдать «исчезновение тех границ кругозора субъектов, сохранение которых обеспечивало бы их идентичность». Исследуя персонажей с «нестационарным» статусом на материале пьес М. Покрасса «Не проговоренное», Е. Гришковца «Дредноуты», Ю. Клавдиева «Я, пулеметчик», Н. Коляды «Рогатка», И. Вырыпаева «Кислород», «Июль», П. Гладилина «Другой человек» и А. Строганова «Чайная церемония», авторы доклада приходят к выводу, что «пьесы подобного рода требуют гротескной манеры сценического воплощения, как будто актер играет не одного персонажа, а нескольких».

В свою очередь, понятию «гротескный субъект» близко понятие абсурда, в котором пребывает современный мир и которую переживает современный герой НД. Ситуация абсурда конструируется в том числе и вставными текстами, феномен которых рассматривает в своем докладе *Татьяна Волкова* (Кемерово) «Вставной текст в новейшей драме» на материале пьес: И. Вырыпаева «Кислород», Ю. Клавдиева «Пойдем, нас ждет машина», Вяч. Дурненкова «Mutter», «Шкатулка» и Вл. Сорокина «Dostoevsky-trip». При этом автор доклада подчеркивает, что «абсурд понимается новой драмой не как бессмыслица, а как одновременное сосуществование абсолютно несовместимых сущностей».

На актуализацию преломления событийного пласта в сознании героя новейшей драмы обращает внимание *Наталья Агеева* (Новосибирск) в своем докладе «Специфика жанра монодрамы». Исследуя жанр монодрамы в историческом ключе, Агеева акцентирует внимание на современных образцах этого жанра («Как я съел собаку», «Дредноуты», «Одновременно» Е. Гришковца и «Июль» И. Вырыпаева), в которых, по мнению докладчика, используется как инициационная модель, так и модель разорванного сознания (потока сознания), «которая, тем не менее, дает целостный взгляд на мир, а также обозначает позицию героя по отношению к миру».

Проблема позиции читателя, которая формируется автором через ремарки, относительно самой пьесы, относительно автора-творца и действующих лиц была проанализирована в докладе *Вероники Самылиной* (Кемерово) «Проблема читателя в пьесе Александра Стrogанова «Чайная церемония». Согласно концепции автора, в пьесе «автору-творцу отводится лишь роль коммуникатора, а читатель как адресат становится уже реализатором».

Тема «телесности» и «натурализма» в новейшей драме была рассмотрена в одноименном докладе *Оксаны Дрейфельд* (Кемерово).

Надо сказать, что значительная часть докладов, представленных на втором семинаре «Драмомания» (как и на первом в 2009 г.), является опытом разработки словарных статей для будущего «*Словаря новейшей русской драматургии*», выпуск которого запланирован на 2012 г. По словам составителя С. Лавлинского, этот словарь имеет принципиально экспериментальный характер, суть которого в междисциплинарном подходе: в его подготовке примут участие не только литературоведы, но и театроведы и культурологи из Москвы, Кемерово, Новосибирска, Самары, Томска. «В целом «Словарь...» мыслится как современное научное пособие, ориентированное не только на ученых-гуманитариев и организаторов современной театральной практики, но и на студентов, современных школьных педагогов и старшеклассников, желающих самостоятельно разобраться в феномене современной драматургии» [8].

Новое кино как продолжение новейшей драматургии

В качестве материала для изучения НД на семинаре в рамках киноклуба использовались также и художественные фильмы, близкие по своей эстетической специфике НД.

Некоторые фильмы зрители восприняли неоднозначно. Так, возникла дискуссия вокруг фильма «Ласточки прилетели» Аслана Галазова. Главный герой фильма – преподаватель литературы, переживающий глубокий душевный кризис, и в то же время наркоман, страдающий от мучительной «ломки». В ходе дискуссии выяснилась проблема подходов к медитативному кино с точки зрения жанрового кинематографа. Псевдобедный киноязык «актуального кино» с его «затянутостью» кадров, «плохой» записью звука, «неестественной» речью героев, повторами и другими «недостатками» многими ценителями традиционного кино воспринимался как плохая или непрофессиональная режиссерская работа. При этом фильм имеет гран-при «Золотая тайга» 5-го МКФ, был представлен в конкурсной программе дебютов Монреальского МКФ (Канада, 2007), был участником «Дней российского кино» в Берлине.

Кстати, представители НД уже не первый год успешно осваивают нишу параллельного кино. Борис Хлебников, Николай Хомерики, Валерия Гай Германика, Алексей Попов-Гребский, Иван Вырыпаев, Василий Сигарев – по словам Михаила Угарова, «это все тусовка новой драмы» [9].

Помимо формата научной конференции, организаторы семинара предлагали участникам и слушателям «Драмомании» форматы интерактивного общения: круглые столы, пресс-конференцию и мастер-классы с драматургами, театральные читки с участием драматургов и актеров из театра-студии «Встреча» (Кемерово).

Встреча с представителями новейшей драмы

Остановимся подробнее на творческой встрече с известными представителями новейшей драматургии Юрием Клавдиевым и Вячеславом Дурненковым, которая со-

стоялась в рамках пресс-конференции 24 апреля 2010 года в кемеровском центральном кинотеатре «Москва». В этот же день именно в этом кинотеатре в Большом зале проходила презентация последнего военного мегафильма Никиты Михалкова «Предстояние».

У входа в кинотеатр развернулся аттракцион щедрости: зрителей с улицы на премьеру завлекали ряженые в гимнастерках времен ВОВ, предлагая отведать гречневую кашу с тушенкой из походных котелков, тут же из динамиков раздавалась патриотическая музыка, гармонисты наяривали «Синий платочек» и «Темную ночь», атмосферу 40-х годов почему-то создавали хромированные «Победы» 50-х, выкрашенные в розоватые, голубые и салатные тона, на входе гостей встречали женщины в кокошниках. И весь этот маскарад по роковому совпадению навязчиво вторгался из фойе и соседнего Большого зала в уютный беспарфосный Малый зал, что само по себе являлось метафорой взаимоотношений официальной и андеграундной культур.

Но драматургов это соседство не слишком-то смущало, хотя иногда просто мешало. Впрочем, демократичная обстановка Малого зала, в котором многие ценители новейшей драматургии разместились прямо на полу из-за нехватки места, располагала к непринужденной и доверительной беседе.

Уже само название пресс-конференции «Новейшая драма: между сценой и текстом» сориентировало собравшихся на обсуждение главной проблемы современной драматургии – проблемы взаимодействия автора драматургических текстов с режиссерами, продюсерами, которые зачастую диктуют и навязывают драматургу свою волю и свое высказывание.

Режиссерский армрестлинг

На вопрос о проблеме адекватной постановки современных пьес Юрий Клавдиев посетовал, что зачастую режиссеры с академическим образованием практически незнакомы с современной пьесой, не умеют работать с современным текстом, и даже адекватную читку не могут сделать. Кстати, как заметил Вячеслав Дурненков, «сейчас время расцвета жанра читок. И бывают такие читки, что круче любого спектакля».

По мнению Дурненкова, всему виной давление менталитета преподавателей, который транслируется режиссерами, только что окончившими театральные вузы. В Москве ситуация за последние 10 лет изменилась к лучшему благодаря появлению Кирилла Серебренникова, Виктора Рыжакова (театр «Практика»), Михаила Угарова и целой плеяды молодых режиссеров из Театра.doc. Высший пилотаж, по мнению Дурненкова, прочитать на сцене современный текст так, чтобы «зазвучала живая разговорная речь, это очень сложно, потому что она лишена пафоса, она лишена каких-то чисто театральных модулирований. Современные английские режиссеры, например, даже используют термин «профессиональная спесь», обозначая таким образом метод постановки текстов в том виде, как он написан, не меняя ни одной строчки, ни одной запятой. У нас же происходит такой режиссерский армрестлинг. Потому что его, режиссера, научили, что есть вот задача, сверхзадача и так далее. Но современный текст не выдерживает такого подхода. Тут нужно просто доверять автору, действительно быть естественным. А русский психологический театр, к сожалению, закончился вместе с уходом больших мастеров прошлого». Клавдиев высказался радикальнее: «русский репертуарный театр скоро вымрет как динозавр, и этот процесс неизбежен».

Принцип документальности

Дурненков пояснил, что во всем мире сейчас и в театре, и в кино преобладает принцип документальности, принцип достоверности, который является главным трендом современного искусства. Впервые об этом заявил Ларс фон Триер в своей «Догме 95». По сути, речь идет об отсутствии дистанции, которая всегда лежит между той реальностью, в объятия которой, по словам Фридриха Дюрренматта, драматург бросает зрителя, и той действительностью, которую зритель уже не может преодолеть [10].

Чтобы сократить эту дистанцию, по мнению Клавдиева, надо в первую очередь «выгнать к чертовой матери из себя классического театрального драматурга, который ставит себя над схваткой и к которому так привык наш репертуарный театр. Надо перестать быть неким судьей, а стать участником процесса. «То есть я как драматург формулирую свое высказывание без отрыва от действительности, это разговор в автобусе, а не какое-то обобщение. Тогда ты понимаешь людей, ты понимаешь всех своих персонажей и ты относишься к ним не как некий Господь Всевышний, а как человек, который увидел группу спорящих людей, краем уха услышал разговор, понял, что его это тоже волнует и что, самое интересное, он знает путь решения, и он подходит и говорит: ребят, ребят, секундочку, вот решение, правильно? Они говорят – о, точно, правильно».

Разная театральная ментальность

Драматурги поделились своим опытом и наблюдениями театральных постановок в Великобритании и США, где их пьесы уже не первый год идут с успехом. По мнению Клавдиева, «в нашем театре и английском совершенно разный подход к постановке пьесы. У нас актер или режиссер смотрят на твою пьесу как на определенное поле, с помощью которого режиссер может реализовать себя, это какой-то трамплин для него... Там же внимательным образом рассматривают, что сделал автор. Они стремятся поставить, как автор написал, а не так, как мне, режиссеру, хочется». Дурненков полагает, что причины разных подходов в «разной театральной ментальности. Английский театр отвечает на вопрос, а русский его ставит. Этим все объясняется». Тем не менее, Дурненков признался, что русская ментальность ему как автору ближе.

Чтобы текст, написанный автором, был адекватно поставлен режиссером, автор должен присутствовать на репетициях, считает Клавдиев.

«Ноль-позиция» – новый метод актерской игры

Проблема не только в режиссерах, но и в актерах, которые и воздвигают ту самую дистанцию между текстом и актером, а современные тексты требуют, по словам критика Григория Заславского, чтобы этот зазор сходил на нет [11].

Чтобы преодолеть дистанцию, по мнению Дурненкова, надо «ломать традицию, искать новые ходы. Но, как показывает практика, добиться от актера говорить как в жизни, вести себя естественно крайне сложно. Дурненков рассказал, что пока удастся переломить ситуацию актерам Театра.doc, для которых идеолог новейшей драмы и режиссер Театра.doc Михаил Угаров придумал новый метод работы с современными пьесами – «ноль-позицию». По словам драматурга, «в отличие от классической школы, где актер играет персонажа, «ноль-позиция» – это когда актер и есть персонаж». Другими словами, как в современной жизни люди не проявляют эмоций, «ничего не показывается, так и в современной драме ничего не показывается» [12]. То есть, с одной стороны, это в какой-то степени развитие брехтовского «эффекта отчуждения»: «актеры только обозначают,

только намечают мизансцены, только дают намек на жест, только устанавливают интонации» [13]. С другой стороны, этот термин можно трактовать как доминирование текста в театральном языке. «Театр текста как основа «новой драмы», нового кино, новых направлений нон-фикшн в литературе. Здесь по-прежнему главным является слово. Задача постановщиков – соблюсти «нуль-позицию», то есть все задачи решать, исходя из текста» [14].

Поэтому, как признался Вяч. Дурненкова, «самая сложная форма, какую я видел, – это документальный театр, например, спектакль «Сентябрь.док» о событиях в Беслане. Авторы собрали в Интернете высказывания – чеченские, русские, осетинские. Актеры их читали, и им нужно было полностью слиться с этими персонажами. И их просто «ломало» эти тексты произносить..., и это самый интересный момент творчества».

Сериалы и драматурги

Поскольку драматурги широкой публике известны благодаря сценариям популярных сериалов и фильмов (Клавдиев: фильмы «Кремень», «Все умрут, а я останусь», сериал «Школа», Дурненков: сериалы «Школа», «Любовь на районе», «Журов», новый фильм Ю. Грымова «На ощупь», сценарий «Супротив человека» и др.), на пресс-конференции не обошлось без вопросов относительно этой стороны деятельности современного драматурга.

В частности, отвечая на вопрос о том, насколько может сочетать современный драматург создание сериалов для ТВ и пьес для театра, Вячеслав Дурненков отметил, что писать для сериалов – это хорошая школа для любого начинающего драматурга, это дисциплинирует. И хотя писать для кино – «собачья работа», но это заставляет держать форму и «шевелить мышцами». Впрочем, по словам Дурненкова, в Англии, например, только Том Стоппард может позволить себе не писать для телевидения. И там таких сериалов, как «Школа», в разы больше, это не событие, как у нас, а рядовые сериалы: про больницы, тюрьмы, детсады и те или иные субкультуры. Так, именно из сериалов общество узнает о проблемах, сериалы в какой-то степени учат преодолевать болезни общества. У нас же пока сериалы выполняют какую-то странную психотерапевтическую функцию, но это вина отнюдь не сценаристов.

Менталитет российских продюсеров, зачастую «неграмотных, жадных и самодовольных людей», по словам Юрия Клавдиева, – отдельная тема. Они постоянно заставляют переделывать текст в ущерб его качеству, при этом сценарист всегда виноват.

Зарубежный опыт

На Западе развита система грантов. Может быть, поэтому подавляющий процент репертуара английских и шотландских театров – пьесы современных драматургов, и в их профсоюз входят четыре тысячи авторов (!). У российских сценаристов и драматургов профсоюза нет вообще.

В связи с грантами Дурненков рассказал об интересном проекте, который был придуман в Шотландии. Маститые драматурги учили детей и подростков писать пьесы, в постановках которых затем принимали участие известные профессиональные актеры. Это очень популярный национальный проект, в котором участвовал даже Шон Коннери.

«У нас одно время этот проект шел в театре «Современник», но недолго. Кстати, чем драматичнее судьба ребенка, – заметил Дурненков, – тем более сказочный сюжет он придумывает. Самые лучшие пьесы писали, как правило, двоечники».

Итоговая рефлексия семинара

В последний день семинара «Драмомания» в кемеровском молодежном театре «Встреча» драматурги представили авторские читки своих новых пьес: «Развалины», «Беспланетные» и «Монотеист» Юрия Клавдиева; «Человеческая жизнь» (фрагмент) Вячеслава Дурненкова. Читки плавно перетекали в мастер-классы и пресс-интервью, в процессе которых драматурги делились своим мастерством, приоткрывали тайны творчества, рассказывали о своих взглядах на процессы, которые сейчас происходят в актуальном кино и театре.

«Синкретизм» новейшей драматургии в полной мере был отражен в мультикультурном контексте семинара, который завершился музыкально-поэтическим дуэтом «Студия неопознанной музыки» в лице альтернативного музыканта Александра Маричева и поэта Степана Качалина (Кемерово).

Подводя итоги семинара, Сергей Лавлинский отметил, что в целом семинар свою задачу выполнил, состоялось главное – в одном месте и в одно время встретились для конструктивного диалога ученые-исследователи текстов, авторы текстов и читатели, что направило научный подход и креативный посыл в единое русло. Обычно тот или иной вид искусства как объект изучения разделен во времени с теми, кто его изучает. А организация такого хронотопа, как на Драмомании, может принести много полезного современному театру, которому как раз не хватает таких научных рефлексий.

Примечания

1. Первый открытый семинар «Драмомания: новейшая русская драма и культурный контекст» прошел в Кемерове 26-29 августа в КемГУ. См.: Новейшая русская драма и культурный контекст: сборник научных статей / отв. ред.: С.П. Лавлинский, А.М. Павлов; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: ИНТ, 2010.

2. См.: Болотян И., Лавлинский С. «Карта» современной русской драмы: опыт типологии (на материале драматургии движения «Новая драма») // «Сцена жизни» в русской драме XX века. / Сост. и ред. Лавлинский С.П. – Ч. III. Поэтика современной русской драмы (Материалы Четвертой гуманитарной конференции (20-22 марта 2008 г.) Записки Школы Понимания. – Вып. 4. – Ч. III. – М., 2008.

3. В Самарском государственном университете уже несколько лет регулярно проходят конференции на тему «новейшая драма». См.: Литература и театр: сборник научных статей. – Самара, 2006; Литература и театр: сборник научных статей. – Самара, 2008.

4. Павлов А.М. Хронотоп читательского многоголосья // Современная драматургия. – №8. – 2008. – С. 186-190.

5. См.: Болотян И., Лавлинский С. «Карта» современной русской драмы...

6. См.: Евгеньева Т.В. «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в постсоветской России. – М., 2004.

7. Липовецкий М. Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых // Новое литературное обозрение. – № 73. – 2005. – С. 245-250.

8. См.: Новейшая русская драма и культурный контекст: сборник научных статей / отв. ред. С.П. Лавлинский, А. М. Павлов; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: ИНТ, 2010.

9. По материалам встречи с драматургом, режиссером, руководителем «Театра.doc», арт-менеджером Михаилом Угаровым в Институт филологии и истории (Проект «Гуманитарные встречи» в РГГУ). ([Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ifi.rsuh.ru/ugarov_script.html). В 2009 г. в рамках фестиваля «Любимовка» впервые был объявлен конкурс-лаборатория «Кино без пленки». Конкурс был задуман как альтернатива кризисному застою в кино, с целью реализовать в виде театральных читок не востребуемые сценарии молодых сценаристов.

10. Дюрренматт Фридрих. 21 пункт к пьесе «Физики». Цит. по: Дюрренматт Ф.: собр. соч. в 5-ти тт. – Т.5. – М., 1998. – С. 148.

11. Заславский Г. Александр Калягин. Verbatim (Пьеса Максима Курочкина «Подавлять и возбуждать» на сцене театра Et Cetera). – Время новостей. – 1 февраля 2007 года.

12. По материалам встречи с драматургом, режиссером, руководителем «Театра.doc», арт-менеджером Михаилом Угаровым в Институте филологии и истории (Проект «Гуманитарные встречи» в РГГУ)...

13. Брехт Бертольд. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания: собр. соч. в 5-ти томах. – Т. 5/2. – М.: Искусство, 1965.

14. Ветелина Л.Г. «Новая драма» XX–XXI вв.: проблематика, типология, эстетика, история вопроса // Вестник Омского ун-та. – №1. – 2009. – С. 108-114.

*URBI ET ORBI**В.В. Мархинин***К СПРАВЕДЛИВОМУ ОБЩЕСТВУ**

*Все пути хороши,
если только они ведут к справедливости.
А. Цвейг*

В нынешнем российском обществе остро ощущается нехватка справедливости. Согласно недавно опубликованному опросу Фонда «Общественное мнение» [1], справедливо устроенным нынешнее российское общество считают лишь чуть более 10% граждан, в то время как несправедливо устроенным – подавляющее большинство, почти 70% (остальные 20% ещё не определились со своей оценкой). Причем половина наших сограждан оценивает советское общество как устроенное более справедливо, чем нынешнее, в то время как противоположного мнения придерживается только пятая часть (около трети граждан не определились в оценке). Учтем к тому же, что общественному мнению в этом вопросе на протяжении вот уже, кажется, не менее двух десятилетий приходится идти наперекор воздействию массовой пропаганды, в которой доминирует антисоветизм, противопоставление сегодняшнего строя советскому как светлого темному.

Пожалуй, главное основание противопоставления – форма политического устройства. Нынешняя выборная форма власти противопоставляется советской как «демократия» «тоталитаризму». Если, однако, антисоветская пропаганда оказывается не всесильной, даже придавая себе убедительности особым нажимом на то несомненное обстоятельство, что действующая российская власть формируется путем конкурентных выборов, в отличие от советской политической системы, в которой выборы сводились к одобрению безальтернативных (по крайней мере, на стадии собственно выборов населением) кандидатур, то надо задуматься о мотивах общественного мнения, о большей справедливости советского общества, чем общества «новой России». Вероятно, умонастроения людей подразумевают, что справедливое общественное устройство есть нечто более глубокое и объемлющее, нежели только демократическая форма политического устройства. Подобное убеждение тем более резонно, что демократия «свободных выборов» может быть лишь внешней формой власти, за которой на самом деле стоит не народовластие, а совсем иной политический режим.

Неудивительно, что, как показал тот же опрос, демократию считают признаком справедливого общества только 3% процента граждан, в то время как ответственность власти перед народом – 13%, равенство перед законом – 17%, социальное благополучие, взятое в его различных характеристиках, в общей сложности – 37%.

Нельзя не предположить, что если будет поставлен социологами вопрос о причинах социального неблагополучия и, соответственно, социальной несправедливости в российском обществе, одной из основных причин, если не основной, большинство граждан назвали бы социальное расслоение, особенно кричаще выраженное на фоне массовой бед-

ности миллионными и миллиардными состояниями лиц, зачисляемых общественным мнением в разряд олигархов.

Но, к сожалению, исследовательские организации, способные, благодаря наличию соответствующего финансирования, осуществлять масштабные опросы населения и присутствовать на рынке информации, предпочитают обходить вопрос о «вкладе» олигархии в непомерную имущественную и социально-статусную поляризацию российского общества. Не потому ли, что олигархия – это «скелет в шкафу» российской политической системы, в пропаганде на эту тему наложено негласное табу? Например, авторы солидного социологического исследования, в котором рассматривается роль влиятельных социальных групп («элит») в формировании идеологии российского общества, по поводу олигархии, т.е. по вопросу, о котором в случае заявленной исследовательской цели просто нельзя совсем уж умолчать, ограничились сомнительным утверждением: «Стихийный капитализм 90-х характеризовался сращиванием крупного бизнеса с властью, и процесс этот едва не привел к созданию олигархического режима с непредсказуемыми последствиями. Следующая фаза развития крупного бизнеса характеризовалась, напротив, его максимальным дистанцированием от власти и политики, и сегодня, по данным ИСАНТ (Институт ситуационного анализа и социальных технологий – В. М.), среди влиятельных людей практически не осталось представителей капитала» [2]. Как упоминаемый ИСАНТ, так и использующие ссылку на его данные авторы «Суммы идеологии» лукавят, ибо для них не может быть не очевидным то, что очевидно для любого мало-мальски внимательного наблюдателя. О том, что в действительности олигархический характер российской власти, сформировавшись в 90-е годы прошлого века, доньше не только сохраняется, но и укрепляется, свидетельствует хотя бы широко известный факт роста на протяжении всего существования «демократической России» размеров огромных состояний – от миллиардных до мультимиллиардных (в долларах) и роста числа миллиардеров – от десятка лиц в 90-е годы до сотни к настоящему моменту. Условия для роста баснословных состояний, разумеется, не могли бы существовать, если бы их обладатели не располагали также и не ослабевающим политическим влиянием.

Что действительно изменилось по сравнению с 90-ми годами прошлого века, так это то, что вызывающая демонстрация сверхсостоятельными лицами своего политического влияния стала анахронизмом. Теперь, реагируя на общественную неприязнь и на требования официальной власти, олигархи предпочитают создавать впечатление «максимальной дистанцированности» от власти (или быть ее функционерами будто бы благодаря исключительно политическим талантам, а не размеру состояний).

Правда, сама попытка олигархии уйти в тень знаменует известную подвижку пусть и не в характере социального и политического строя, но, во всяком случае, в умонастроениях общества и публичной власти. Хотя антисоветизм продолжает доминировать в массовой пропаганде, все-таки в последние годы идеологический дискурс всё чаще содержит признание замечательных свершений советского периода: победы в Великой Отечественной войне, достижений в космонавтике, в оборонной промышленности, в науке, образовании, искусстве, спорте и т.д. Всё это неслучайно – потребность в восстановлении преемственности с советским прошлым по мере роста разочарований в обещанных благах постсоветского «реформирования» во все большей степени определяется осознанием и идеологами, и широкими массами людей того, что разрыв с советским прошлым ставит под вопрос оправданность, а значит, и легитимность существующего строя.

Труднее всего дается осознание необходимости признания советского прошлого в

целом как исторически прогрессивного опыта построения справедливого общества. И дело здесь, думается, именно в том, что признание советского опыта как воплощенного стремления к социальной справедливости особенно явно несовместимо с «родовой травмой» новоявленного российского капитализма – с вопиющей несправедливостью его олигархического характера. Но тема просится на повестку дня. Косвенным признанием её актуальности для политического руководства и для общества стало то, что в первом же послании новоизбранного президента Российской Федерации Федеральному собранию (5.11.2008) одной из ключевых категорий государственной политики стала категория справедливости. В послании заявлено: «Мы сделаем всё, чтобы мир стал более справедливым и более безопасным». А об основной цели внутренней политики сказано: «Мы стремимся к справедливому обществу свободных людей».

Конечно, в постановке в качестве цели государственной политики стремления к справедливому устройству международных отношений и общественной жизни в сегодняшней *капиталистической* России нельзя не увидеть неявной отсылки к советскому опыту, поскольку такая цель имеет происхождение – по преимуществу и по существу – из *социалистической* мысли, теории, практики.

Российская ситуация во многом необычна не только потому, что тем, кто ещё вчера восторженно рапортовал капиталистическому Западу об окончательном искоренении коммунизма в стране, сегодня приходится иметь дело с хорошо организованной и принципиальной коммунистической оппозицией и явочным порядком апеллировать с целью сохранения легитимности к советским социалистическим ценностям своих сограждан. Но и потому, что, как оказалось, «победителям коммунизма», образовавшим официальный правящий слой, чтобы обеспечить национально-государственное существование страны (что, между прочим, является также условием даже личной безопасности представителей данного слоя) на мировой арене, тоже пришлось столкнуться с неожиданным поворотом дел.

Оказалось, что демократический фасад капитализированной России, возводившийся по рецептам и при прямом участии самой продвинутой, как считается многими (во всяком случае, до сих пор считалось), западной демократии – американской, не обеспечивает сколько-нибудь равноправных отношений с капиталистическим Западом, а в особенности – именно с США. Более того, выясняется, что, казалось бы, близкородственный капиталистическому миру социальный строй «новой России» не гарантирует ни суверенитет, ни национально-государственную безопасность страны от агрессивных империалистических притязаний Запада, а в первую очередь, опять-таки, со стороны США. Чтобы обеспечить национально-государственное существование, страна «суверенной демократии» по необходимости вступает во всё более тесные союзы со странами, идущими по пути социализма или вступающими на этот путь – с Китаем, Кубой, Венесуэлой, Сирией и с другими странами Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока, Африки. Выходит, что не только внутри страны, но и на мировой арене социализм «догоняет» «новую Россию», обеспечивая возможность её неарьергардной роли в борьбе за справедливый и безопасный мир. Причем, социалистическое первородство России, положившее начало социализму как реальному мировому явлению и создавшее ей в советский период заслуженный миротворческий авторитет, тем самым остается донныне важным фактором союзнических отношений со странами социалистической ориентации, и, значит, условием возможности совместных усилий в борьбе за справедливый мировой порядок, которая в противном случае для России была бы заранее проиграна.

В глобализирующемся мире внутренняя для страны и внешнеполитическая ситуации не могут не переплетаться теснейшим образом. Что касается России, то олигархия, являясь главной преградой на пути к справедливо устроенному обществу, одновременно представляет собой и самое слабое звено в системе национально-государственной безопасности, т. е. в более широком смысле – самую серьезную преграду для действенных усилий нынешней России по строительству более справедливого и более безопасного мира. Ведь для олигархии национальные интересы – архаическое понятие, плохо согласующееся с приемлемой для неё конъюнктурой и географией потребления и применения своих состояний. Поскольку рычаги управления движением капиталов на мировом рынке по преимуществу сосредоточены в странах Запада, прежде всего в США, постольку оттуда же осуществляется манипулирование экономическим и политическим поведением российских олигархов. Что, понятно, не идет на пользу российским национальным интересам. Отечественные олигархи тем более управляемы из-за рубежа, так как их громадные состояния сплошь и рядом имеют, мягко говоря, внеправовое происхождение – даже по меркам той, на самом деле, правовой анархии, которая правила бал в 1990-е гг., в период «бури и натиска» в приватизации государственной собственности.

Собственно, олигархический характер социально-политического строя «новой России» и, соответственно, управляемость российской олигархии из-за рубежа были запрограммированы «нашими» «реформами» по образцу США, страны, в которой утвердился строй олигархического капитализма – в такой высокой степени, в какой этого не случилось нигде более на капиталистическом Западе. При том глобальном влиянии, какое имеют США в современном мире, претендуя на мировое доминирование и лидерство, олигархический капитал с его эгоистической и паразитической природой, склонностью к диктату и военным авантюрам становится мировой проблемой. Без разрешения этой проблемы справедливый миропорядок, конечно, не может быть установлен.

Тем не менее, опасная для мира сила олигархии не должна вести нас к утрате надежды на возможность утверждения справедливого устройства международных отношений. Прежде всего, надо отметить, что сила олигархии, поскольку это сила не созидательная, а исключительно разрушительная, оборачиваясь другой своей стороной, становится ее же, олигархии, слабостью. Освободившись от контроля государства и профсоюзов, олигархическая бизнес-элита США сама захватила контроль над государством, банковским капиталом, промышленными компаниями и за какие-нибудь три десятка лет, следуя своим эгоистическим инстинктам, привела эту страну, источник своей силы, к упадку [3].

Произошедший в настоящий момент обвал кредитно-финансовой сферы экономики США, повлекший за собой глубокий мировой финансовый и экономический кризис, обнажает деструктивную природу олигархии, заставляет везде в мире ставить вопрос об ответственности олигархического капитала США за этот кризис и о необходимости новой, справедливой и безопасной для каждого участника архитектуры мировой финансово-экономической системы. Антикризисные меры, которые уже приходится принимать капиталистическим странам, предпочитавшим до последнего времени называть свои экономические порядки «свободной рыночной экономикой», включают в себя возвращение финансового сектора под жесткий контроль государства – вплоть до национализации крупных обанкротившихся банков. И иронически, и всерьез в западных странах заговорили об эпохе грядущего «финансового социализма». Газеты подтверждают неслучайность таких ожиданий сообщениями, что в связи с мировым финансовым кризисом в

этих странах вновь возник (в остальном мире не исчезающий) читательский спрос на «Капитал» Маркса, особенно – в деловых кругах.

Но решающим образом оправданность надежды на возможность сдвигов в сторону справедливого миропорядка к настоящему времени зависит, на наш взгляд, от роста влияния на ход мировых событий стран социалистической ориентации. После поражения СССР в «холодной войне» с капиталистическим Западом, демонтажа социализма в бывших республиках СССР и в странах Восточной Европы буржуазные политики и идеологи полагали, что вскоре весь мир будет полностью и окончательно перестроен в соответствии с идеалом неолиберальной (читай – буржуазно-олигархической) демократии как формы социально-политического строя, адекватной принципам «свободного рынка» и исключающей возможности развития экономик и государств на социалистических началах. Однако вскоре выяснилось, что «конец истории» не состоялся. Во многих неевропейских странах социалистическая ориентация не просто выдержала испытания натиском западного капитализма, но и обеспечила успешный – а в Китае беспрецедентно высокий – рост их экономик. Ряды стран социалистической ориентации быстро пополняются. Сейчас уже вполне правомерно говорить о формировании новой мировой системы социализма. Правильно сказать и так – мировой системы обновляющегося социализма. Особенно примечательны два признака обновления. Во-первых, страны социалистической ориентации научились эффективно использовать рынок как инструмент экономического развития и вхождения в глобальную экономику. Но рынок этот, в отличие от того, который прокламируется и рекомендуется западными демократиями, конечно же, не «свободный», а регулируемый государством в общенациональных интересах. И потому есть все основания полагать, что последствия мирового финансового кризиса наиболее успешно будут преодолеваются странами социалистической ориентации, имеющими готовые и опробованные механизмы государственного регулирования своих национальных экономик. И, следовательно, что они выйдут из кризиса, расширив масштабы экономической влиятельности на мировом рынке. Во-вторых, левые силы всё более успешно овладевают способами нейтрализации буржуазно-классовых принципов функционирования выборной демократии, благодаря чему всё чаще вступление на путь социализма происходит в результате их победы на национальных выборах. Этот путь перехода к социализму в наибольшей степени отвечает стремлению народных масс к справедливому общественному строю. Естественно, что вместе с экономическим ростом и расширением географии социализма растёт и политическое (геополитическое) влияние формирующейся мировой системы социализма. И естественно также, что консолидация стран социалистической ориентации в мировую систему совершается в ответ на экономический и политический диктат, на применения и угрозы применения военной силы, прежде всего, со стороны олигархического империализма США.

Конечно, следует иметь в виду, что олигархический капитал, ощущающий своё тающее мировое влияние (к тому же при условии внутреннего упадка североамериканской империи), становится особенно опасным в смысле готовности пойти на изощренные провокации и авантюры, даже грозящие глобальной катастрофой. Такая возможность проглядывается уже сейчас, например, в объявленной Штатами войне «международному терроризму» – то ли реально существующему как скоординированная организация, то ли мифическому; то ли действительному врагу Штатов, то ли тайной марионетке их же спецслужб. И именно потому, что этот виртуальный демонизированный враг невидим и неуловим, он, похоже, заранее подготовлен в качестве предлога для удара любой мощи и по любой цели [4].

Хотя мера авантюристичности теневой олигархической власти капитала, разумеется, не поддается сколько-нибудь точному расчету, все-таки это не исключает возможности вероятностного анализа ограничений этой меры. Как показывает опыт, военные акции США последнего времени под предлогом борьбы с «международным терроризмом» в странах третьего мира (Ирак, Афганистан) вообще авантюры, ибо они не достигают поставленных целей. По крайней мере, в том смысле, что не укрепляют и даже не сохраняют условия для стабильного существования мира на принципах гегемонии этой страны, а, напротив, подрывают эти условия и опасно дестабилизируют в целом мировую обстановку. Неудачи, обнаруживающие авантюристичность попыток достижения гегемонистских целей средствами агрессии, в первую очередь, объясняются тем, что вместе с ростом экономического и политического веса стран социалистической ориентации на международной арене растет способность всего третьего мира к сопротивлению, в том числе – вооруженному, агрессивным действиям американской империи и её союзников.

Важно при этом ещё то, что официальный истеблишмент империи вынужден осознать авантюристичность военных решений проблемы доминирования в мире перед лицом фактов и в силу очевидности разочарования широких электоральных масс своих граждан в итогах агрессивного политического курса. Это не может не подвигать избираемую власть к попыткам ограничить закулисное влияние олигархии на политический курс государства. В условиях начавшегося мирового финансового кризиса этим попыткам должно способствовать усиление государственного контроля над банковским капиталом и корпорациями, имеющими ключевое значение для экономики.

Но, пожалуй, особенно важно учесть, что в ситуации колебания чаш весов, с одной стороны – потенциала агрессии, а с другой – потенциала сопротивления агрессии, решающее значение для того, чтобы склонить эти колебания в пользу той или другой стороны, приобретает позиция союзников США – европейских стран Запада. Капитал не только на национальном уровне, но и на международной арене обязательно строится как иерархия отношений господства и подчинения. Так построены и отношения западных стран внутри Запада. Положение США на вершине иерархии обеспечивает капиталу этой страны кроме преимущества при распределении совокупной доли доходов от эксплуатации Западом остального мира также и превосходящий реальный вклад этого капитала размер прибылей от эксплуатации трудящихся собственно стран Запада. Политическое и военное доминирование США в западном блоке призвано охранять неравноправные экономические отношения со всем миром. С незападными странами – само собой, но и со своими западными партнерами и военными союзниками тоже. Исключительность положения капитала Соединенных Штатов в том плане, что только он тотально эксплуатирует мир и политически доминирует в нём, и явилась особенно благоприятной средой для генерации и гипертрофированного роста в этой стране паразитарного и эгоистического слоя сверхбогатых людей, превращающих власть тоже в свою собственность, поскольку власть оказывается возможным купить. Возникнув, олигархия не позволяет империи не усугублять отношения господства и подчинения в мире вообще и в западном мире в частности. Естественно, что, во всяком случае, в той степени, в какой неравноправные отношения распространяются на европейские страны Запада, они, по мере возможностей, стремятся освободиться от доминирования США и участвовать в создании справедливого миропорядка. Авантюристичность военных акций США проистекает, помимо прочего, из того, что олигархия, толкающая страну на путь агрессии, не может и/или не хочет замечать, что европейские союзники по военному блоку все мень-

ше заинтересованы в поддержке военных действий империи. Без достаточной же поддержки западноевропейскими странами США, как выясняется, не способны достигать военных успехов, которые стабилизировали бы систему отношений господства и подчинения в мире. Ход событий подталкивает Западную Европу более недвусмысленно и решительно заявлять о своём отказе поддерживать США в их военных акциях. Чем определеннее в этом плане будет становиться позиция Западной Европы, тем больше будет сужаться политическое пространство для принятия империей авантюрных военных решений. И, тем самым, будет ограниченнее политическое влияние олигархии в цитадели капитализма.

Со времени окончания второй мировой войны институциональное объединение Западной Европы патронируется и контролируется Соединенными Штатами с целью усиления Запада и своего положения в западном сообществе и в мире. Однако западноевропейские страны, выстраивая объединенную Европу, преследуют иную цель: стать самостоятельным мировым центром силы. Разрушение СССР вызвало эрозию мотивов общезападной солидарности, состоявших в необходимости охранения капиталистической системы от вызова мировой системы реального социализма, продвинутой на европейскую часть евразийского континента. В новой ситуации действительная цель западноевропейских стран, проводимая в процессе европейской интеграции, обозначилась вполне явно. Поэтому, в частности, после разрушения СССР Соединенные Штаты делают всё, чтобы бывшие социалистические страны Восточной Европы поставить в положение своих клиентов и включить в структуры объединяющейся Европы в качестве проводников своего влияния. Едва ли не главным – тем более в новой ситуации, когда степень экономической самостоятельности европейского Запада, принявшего единую валюту, альтернативную доллару, резко возросла – инструментом обеспечения гегемонии США является военный блок Запада – НАТО, эффективность которого они к тому же хотели бы повысить за счет приема в него стран-клиентов.

Но именно военный блок Запада дал трещину, когда США начали непосредственную подготовку к вторжению в Ирак (2002 г.). То, что предлогом для войны служили недостоверные и прямо фальсифицированные спецслужбами империи данные о будто бы производимом Ираком ядерном оружии и базировании на его территории сил «международного терроризма», мировой общественности было хорошо известно еще накануне вторжения. Как было понятно и то, что истинной целью агрессии является захват иракских нефтепромыслов, а в более глобальном плане – захват удобной позиции для контроля над всем Ближним Востоком. Поэтому Совет Безопасности ООН отказал Соединенным Штатам в мандате на военную акцию. Самый же большой урон военно-политическому престижу империи нанесли союзники по Североатлантическому альянсу. Такие столпы европейского Запада, как Франция и Германия, выступив заодно с Россией, выразили протест против подготовленной Штатами войны с Ираком. В итоге, прямое участие НАТО в этой войне было исключено. Соединенные Штаты, пытаясь придать хотя бы какую-то видимость законности своим действиям, вынуждены были в срочном порядке сколотить разношерстную международную коалицию войск вторжения и оккупации Ирака. Кроме того, что коалиция под предводительством США не имела мандата ООН, она не имела также и неформального мандата широких народных масс в странах-участницах агрессии и в остальном мире, о чем свидетельствовали антивоенные манифестации по всему миру, и особенно мощные массовые протесты в Западной Европе в день начала войны (8 февраля 2003 г.).

Событие иракской войны стало знаковым для констатации произошедшего (или происходящего, или, по крайней мере, намечившегося) в двадцать первом веке «раскола Запада» [5]. Как считают видные и авторитетные западноевропейские интеллектуалы, война углубила расхождение по вопросам должного мироустройства, «с одной стороны, между континентальными и англосаксонскими странами, а с другой – «старой Европой» и восточноевропейскими кандидатами на вступление в Евросоюз и НАТО» [6]. Точнее, речь идет о расколе, главным образом, между Европой с её западным ядром и Соединенными Штатами. Ибо, как следует из анализа, например, Ю. Хабермаса, кажется, первого, кто поднял в острой форме тему «раскола Запада», в тех измерениях современной социокультурной модели развития, которые определяют раскол, англосаксонская Великобритания, по сути, сходится с континентальной Западной Европой, но расходится с заокеанскими англосаксонскими Штатами, несмотря на то, что по традиции её связывают с ними особые отношения. Что же касается восточно-европейских стран, то их пристраивание на сторону США в обозначившемся расколе только следствие конъюнктурных соображений правящих кругов, не считающихся с действительной волей и европейской идентичностью своих народов. Мы бы прибавили, что поскольку эти правящие круги поднялись наверх с помощью тех же Штатов на волне антисоветской и антироссийской реакции, постольку восточно-европейские клиенты Штатов не могли не стать на сторону страны-патрона, уже потому, что в иракском конфликте Западная Европа оказалась *вместе* с Россией *против* США.

На переднем плане «раскола Запада» стоит неприятие Западной Европой гегемонистской политики США по той причине, что она разрушает международную законность, поддерживаемую международным сообществом посредством общепризнанной организации – ООН [7]. Пренебрежение к должным образом выраженной позиции международного сообщества претит современному европейскому менталитету законопослушания, приверженность которому усилена трагическим опытом второй мировой войны. «Этим объясняется еще и то, почему «старая Европа» воспринимает молодевавшую, ориентированную на гегемонию политику сверхдержавы и ее союзников как брошенный ей вызов. И еще то, почему в Европе столь многие из тех, кто приветствует низложение Саддама как освобождение, отвергают противоречащий международному праву характер одностороннего, превентивного, столь же путано, сколь и односторонне обоснованного нашествия на Ирак» [8].

Несмотря на то, что капитализм остается общим, можно сказать, родовым признаком Запада, тем не менее, «раскол Запада» имеет социально-экономические основания. А именно – обусловлен принципиальным расхождением ценностных установок экономической деятельности. Когда после вторжения в Ирак европейское общественное и экспертно-политическое мнение все чаще стало усматривать в империализме США коренной порок капиталистического строя, власть имущие заокеанского Запада принялись одергивать и предостерегать европейцев от критики капитализма [9]. Критике капитализма противопоставляется идеологема «демократического капитализма». Так, сейчас, в период начавшегося мирового финансового кризиса, главная ответственность за который лежит на президенте, правительстве и капитале «единственной сверхдержавы», все мы, а не только европейцы, слышим риторику о нетленной ценности принципов «демократического капитализма» из уст уже и высшего лица уходящей администрации США. Могут ли убеждать дифирамбы «демократическому капитализму» из уст главы режима, обанкротившегося и политически, в Ираке, и экономически, вследствие неспо-

способности сладить с финансовым кризисом у себя дома, в центре мировой капиталистической системы? Но, как бы то ни было, для европейцев, во-первых, вообще предпочтительна иная форма демократии и её приложения к экономике, нежели культивируемая в Соединенных Штатах, а, во-вторых, в отличие от Штатов, на европейском Западе к капитализму не относятся со священным трепетом. «Демократический социализм» здесь воспринимается как вполне состоятельная альтернатива «демократическому капитализму». «Демократический капитализм», доминирующий в Западной Европе, это капитализм, в котором осуществляется *социал-демократический* принцип регулируемого государством рынка с целью обеспечения по возможности более равного распределения благ среди разных социальных групп и категорий населения. «Демократический капитализм», практикуемый в США и навязываемый ими миру, в том числе Европе, – это капитализм, в котором действует *неолиберальный* принцип «свободного рынка», дающий полную свободу росту социального неравенства. То есть, иначе говоря, росту олигархии. «В Европе, – пишут в этой связи Деррида и Хабермас, – ощутившиеся с давних времен классовые различия переживались теми, кого они затрагивают, как судьба, которую можно отвести лишь коллективными действиями. Поэтому в контексте рабочего движения и христианско-социальных традиций солидаристский этос, ставящий перед собой цель борьбы за «большую социальную справедливость», взял верх над индивидуалистическим этосом «справедливости в соответствии с достижениями», который смиряется с вопиющим социальным неравенством»[10].

Отметим, что неолиберальная трактовка справедливости как награды индивиду за «достигнутое» за счёт «вопиющего социального неравенства» есть, разумеется, лишь казуистическое оправдание явной несправедливости олигархического социального строя. Установление справедливости в обществе предполагает борьбу с социальным неравенством, что и принято называть принципом *социальной справедливости*. Неолиберальный натиск в восьмидесятые-девяностые годы прошлого века во многом перечеркнул западный идеал и практику «государства всеобщего благосостояния», или того, что европейцы называют ещё «социальной Европой». Но в Западной Европе социализация капитала продвинулась так далеко, что даже десятилетия тотального наступления неолиберализма не искоренили её результатов. Идеал «социальной Европы» вошел в кровь и плоть структур объединяющейся Европы. Деррида и Хабермас подчеркивают: «Европейские режимы всеобщего благосостояния в течение долгого времени были образцовыми. Сегодня на уровне национальных государств они принуждены к оборонительным действиям. Но и будущая политика укрощения капитализма в мире, где не будет межгосударственных границ, не должна отставать от установленных в этих странах критериев социальной справедливости» [11].

Итак, в основании «раскола Запада» лежит, в конце концов, борьба двух типов капитализма: социализированного капитализма Европы и олигархического капитализма США. Олигархический капитал обнаружил свою империалистическую и опасную для глобализирующегося мира авантюрную природу, но вместе с тем и недостаток мощи для доминирования в мире. Он привел Соединенные Штаты к упадку, а всю мировую финансово-экономическую систему к глубокому кризису. Не только исследователи, по определению имеющие право на независимость суждений, прогнозируют грядущий в обозримом будущем крах неолиберального курса, а вместе с ним и претензии США на господствующее положение в мире [12], но сейчас уже и аналитики из государственных структур самих США предрекают падение глобального влияния этой страны [13].

Конечно, притязания олигархического капитала центра капиталистической системы укрощаются не сами собой, а под воздействием оказываемого ему сопротивления, в чём играет свою немаловажную роль и социализированный капитализм Западной Европы.

Но проблема в том, что дальнейший «прогресс» современного капитализма, т.е. капитализма эпохи глобализации, по всей вероятности, может совершаться только путем трансформации в тип олигархического капитала. Если так, то олигархическая тенденция европейского капитализма, сдерживаемая до сих пор борьбой с олигархией североамериканской империи, по мере падения последней может набрать силу – при условии, что ей удастся оседлать стремление объединяющегося европейского Запада к становлению самостоятельным мировым центром силы. Разумеется, это вылилось бы лишь в очередную и, как теперь очевидно, исторически бесперспективную мир-имперскую амбицию. К несчастью, путь к своему тупику олигархический капитал не может прокладывать иначе, чем порождая политическую реакцию, экономические кризисы и всевозможные потрясения, как в странах прописки, так и в остальном мире.

Зациклится ли социально-экономическая формация европейского Запада на капитализме с этой его, по-видимому, неизбежной в современном мире реакционной тенденцией или социализация европейского капитализма, наконец, затронет сами его устои? Пока нет однозначного ответа на этот вопрос. «Однако у европейских левых остается открытым большое пространство для выработки иного (чем «третий путь» социал-демократических правительств, состоящий в колебаниях между капитализмом и социализмом – В. М.) политического плана. Намеки на такую политическую конструкцию можно видеть в массовых забастовках против неолиберализма, протестах против интервенции НАТО на Балканах, митингах левых зеленых в скандинавских странах, а также в ряде реформированных коммунистических партий. Надежды на альтернативу европейскому капитализму и эгалитарную европейскую политику, если и коренятся где-либо, то именно в этом» [14].

Представляется, что авторы цитированной работы, говоря о новых возможностях, открывающихся в объединенных действиях левых сил, обозначают одно из важнейших условий состоятельности социалистической альтернативы капитализму. В том конкретном ракурсе, в каком это условие относится к борьбе за социалистическую альтернативу капитализму в Европе и подготовлено европейской действительностью, оно, наверно, заключается в необходимости инициативы социал-демократии как самой влиятельной левой силы в Европе по объединению всего левого спектра политических сил. Ядро этого спектра в Европе, видимо, должно состоять в соединенных действиях социал-демократии и реформированных коммунистических партий. Это сложение сил позволит соединить в борьбе за справедливое общество социал-демократический опыт успешного владения технологиями выборной демократии и практического управления обществом с коммунистическим влиянием на наиболее радикальные социальные слои и теоретической принципиальностью социалистической позиции.

Всё указывает на то, что пришло время собирать камни. Разделившиеся и разошедшиеся в ходе политических баталий девятнадцатого и двадцатого столетий по разным сторонам партии и движения, имеющие единые идейные истоки в теории социализма/коммунизма К. Маркса, в двадцать первом веке должны восстановить утраченное единство. Но восстановить его обогатенным и по-новому артикулированным с учетом опыта социально-освободительной борьбы. Поскольку же и могущество, и уязвимость строя социальной несправедливости сосредоточено в олигархическом капитале, претендующем

на мировое господство, постольку внутринациональное и внутрицивилизационное соединение сил социального освобождения должно обязательно дополняться международным опытом и международной солидарностью. Такое воссоединение освободительных сил, думается, и есть способ обновления социализма; обновления, востребованного двадцать первым веком.

В современной России, конечно, условие состоятельности социалистической альтернативы капитализму, т.е., иначе говоря, необходимое условие возможности справедливого общества предстаёт в ином ракурсе, нежели на европейском Западе. Это связано с особенностями генезиса, структуры, расстановки политических сил и спецификой социальной ситуации в целом. Теория социализма/коммунизма, оказавшая решающее воздействие на социалистическое/коммунистическое движение в России, имела общий с Европой корень – учение Маркса. Последующее развитие теории и политической деятельности социалистических/коммунистических партий в России и Европе происходило в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии, без чего и донныне непредставимо содержание и состояние социалистической/коммунистической теории и практики ни в России, ни в Европе.

Вместе с тем, в России на основе собственной исторической традиции борьбы за социальное освобождение и социальную справедливость совершалась национализация марксистской теории и практики социализма, уводившая российский социализм на особый, сравнительно с Европой, путь. Несмотря на все недостатки реального социализма, отчасти способствовавшие поражению СССР в «холодной войне», советский опыт, и как предостерегающий от ошибок, и как, главное, опыт замечательных достижений в строительстве справедливого общества, совершенно необходим для обновления социализма в России, но также – в Европе и в развивающихся странах. России же, в свою очередь, тоже необходим социалистический опыт Европы и третьего мира.

В России, начавшей переход к социализму путем радикальной социалистической революции, социал-демократическое направление не могло получить развития. Вследствие отсутствия традиции социал-демократического социализма, все попытки основать партии социал-демократического толка в нынешней России терпят неудачу. Некоторые политические организации, объявляющие себя социал-демократическими, имеют эфемерную социальную базу и ничтожный политический вес. А одна из партий, способных всё-таки участвовать в выборном процессе, причисляющая себя к социал-демократии и даже использующая в названии привлекательное для избирателей слово «справедливость», инспирирована сверху – «партией власти». И фактически является филиалом «партии власти», используемым в борьбе против левой оппозиции. Ядром и главной силой левого политического спектра на деле является Коммунистическая партия Российской Федерации. Компартия в борьбе за обновленный социализм осознанно опирается на опыт советского народовластия, которое явилось реальным, имеющим непреходящее значение, прогрессом на пути к справедливому обществу. Сошлёмся в этой связи на ёмкую характеристику советской демократии, принадлежащую Питириму Сорокину. Этого выдающегося исследователя, американского «социолога №1», изгнанного после Октября из России, конечно же, никак нельзя заподозрить в просоветской ангажированности. В своей последней работе (1967 г.) П.А. Сорокин писал: «Если отвлечься от кровавых методов, которые применялись в русской революции на ее разрушительной фазе, как и во всех великих революциях, и если принять во внимание подлинные и желаемые ценности, то советский режим, безусловно, представляет собой самое радикальное политическое нововведение. Он ставит своей целью создание не только политической, но также и

экономической и социокультурной демократии. Он стремится ликвидировать эксплуатацию и несправедливость гораздо более радикально, чем режим чисто политической демократии <...> Посредством создания этого режима советские народы достигли отчасти того, что стоит на повестке дня истории» [15]. Как уже отмечалось, сейчас компартия решает задачу овладения выборной политической демократией, которая в социалистической перспективе опиралась бы на реальную, говоря словами П.А. Сорокина, экономическую и социокультурную демократию, а не на власть денежных мешков.

Отношение к олигархии – тест на искренность стремления к созданию справедливого общества и к установлению справедливых международных отношений. Показательно, что в России из крупных, т.е. парламентских, партий только Коммунистическая партия Российской Федерации ведёт борьбу с олигархией, открыто и однозначно квалифицируя нынешний строй России как олигархический. Официальная же правящая группировка, заявляя, с одной стороны, приверженность идеалу справедливого общества, а, с другой стороны, замалчивая узурпаторскую по отношению к легальной власти роль олигархии, либо выдаёт свое полное срастание с олигархией, либо, в лучшем случае, прячет голову в песок, надеясь если не избежать, то хотя бы оттянуть постановку и, тем более, действительное решение проблемы олигархии. Между тем, если бы нынешний российский истеблишмент действительно был убеждён, что капитализм способен стать основанием для справедливого общества, то ей, правящей страте, следовало бы, напротив, приложить все силы для лечения этого строя от паразитизма олигархии – источника вопиющей социальной несправедливости. В России как, может быть, нигде более, неотложно и остро стоит вопрос: или продвижение к справедливому обществу, или ускоряющаяся социальная и национальная деградация под гнётом олигархии.

Аналитический обзор современной социальной ситуации в России и в мире показывает, что стремление к справедливому обществу из разряда лишь желательных образов будущего становится насущной необходимостью действительного продвижения по этому пути. Поэтому тема справедливого общества выходит в центр общественного внимания, а её актуальность стремительно нарастает.

Примечания

1. Опрос Фонда «Общественное мнение» 8.11.2007 г. [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.fom.ru.
2. Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. - М.: Едиториал УРСС, 2008. – С. 19.
3. См. Лахманн Р. Олигархия как причина упадка США. [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.humanities.edu.ru/db/msg/82233 - 17к.
4. См. Тодд Э. После империи. *Rax Americana* – начало конца. – М., 2004. – С. 9, 55-56.
5. См.: Хабермас Ю. Расколотый Запад. – М.: Весь мир, 2008. – 192 с.
6. Деррида Ж., Хабермас Ю. Наше обновление после войны: второе рождение Европы. Пер. с нем. Б. Скуратова // Отечественные записки. – 2003. – №6.
7. Деррида Ж., Хабермас Ю. Наше обновление после войны: второе рождение Европы...; Рорти Р. Унижение или солидарность // *Sueddeutsche Zeitung*. 14.08.2003. / Пер. с нем. В.В. Ванчугова. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/index.pl>).
8. Деррида Ж. и Хабермас Ю. Указ. соч.

9. См., напр.: Чернов М. Начался раскол Запада. Европейский союз не поддастся на шантаж со стороны американцев. 16.06.2005 // РБК daily. Ежедневная деловая газета в сотрудничестве с Handelsblatte. 21 ноября 2008 г.

10. Деррида Ж., Хабермас Ю. Наше обновление после войны: второе рождение Европы...

11. Там же.

12. См., напр.: Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.

13. См.: Доклад Национального совета по разведке. Ноябрь 2008 г. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://subscribe.ru/blog/medta/news.online.inosmi/post/20081122090527>.

14. Элбо Г., Зюйг А. Европейский капитализм сегодня: между «евро» и третьим путем. Проблемы теории и практики управления. 2000 г. № 2. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/5_2_00.htm.

15. Сорокин П.А. Существенно важные черты русской нации в двадцатом веке. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=9615>.

В.В. Корнеев

ДЕТЕКТИВ С ДЕМОКРИТОМ

История философии представляется благодарным объектом для тренировки детективных способов рассуждения. Сама попытка догадаться о том, как все сказанное могло быть сказано, попытка построить логику размышления достаточно последовательно и непротиворечиво и при этом не попасть в зону очевидных анахронизмов – все это представляется мне крайне интересным занятием. Более того, история философии сама по себе часто предоставляет обильный материал для детективных расследований по поводу того, что было сказано и как это могло бы быть, если бы это было не так.

В истории философии есть немало загадочных фигур, в том числе среди самых известных и даже популярных персонажей, таких, например, как Сократ, Протагор или Демокрит, о котором речь пойдет ниже. Написанные о них биографии часто движутся по уже известным и многократно пройденным путям, однако многое остается в тени и от этого становится еще более интересным.

Я хочу рассмотреть некоторые предположения, возникшие у меня в процессе вполне дилетантского изучения античной философии. Речь пойдет об одном эпизоде в доклассическом состоянии философии в общем, а конкретно – о концепции атомов Демокрита.

Демокрит (Абдеры, ок. 460 до н. э. – ок. 370 до н. э.) был младшим современником Сократа (ок. 469 г. до н. э., Афины – 399 г. до н. э., там же), с которым жил практически в одно и то же время, и старшим современником Платона. Другой старший современник Демокрита – великий софист Протагор (Абдеры, ок. 490 до н. э. – ок. 420 до н. э.), по предположениям, слушавший Демокрита или обучавшийся у него.

Я не стану разбирать дожившие до нашего времени источники, поскольку это область в равной степени как исследователей языка, так и исследователей философии. Я не готов осмелиться поставить под сомнение достижения классической филологии в области древнегреческого языка. По этой причине я воспользуюсь доступными мне переводами текстов Демокрита С.Я. Лурье (Лурье С.Я. Демокрит: Тексты, перевод, исследования. – Л., 1970) и А.О. Маковельского (Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты. – Баку, 1946), а также другими распространенными источниками – переводами античных текстов на русский язык. Таким образом, я не вдаюсь в анализ того, что «в действительности» значат те или иные фрагменты текста, приписываемые Демокриту. Я просто пытаюсь воспроизвести систему смыслов, в которой определенные высказывания могут или не могут быть возможными для употребления.

Рассмотреть концепцию атомов Демокрита меня побуждают некоторого рода неопределенности, возникающие при размышлении над традиционной трактовкой атомов Демокрита, как правило, понимаемых как частицы вещества. При этом, мне кажется, существуют несколько связанных между собой проблем, или сложностей, разрешение которых представляет определенный интерес для обсуждения концепции Демокрита об атомах. Сами по себе эти «проблемы», похоже, не очень привлекательны и не вызывают особого интереса у исследователей. Возможно даже, что, взятые сами по себе, эти отдельные «проблемы» не имеют большого значения и могут быть легко объяснены и оп-

равданы. Однако, поддерживая друг друга, они позволяют представить картину Демокрита атомизма несколько иначе, чем это традиционно предполагается, и все вместе они представляют определенный сюжет, больший, чем составляющие его части.

Первая проблема – полное отсутствие текстов Демокрита при довольно большом количестве комментариев и критики. Из текстов самого Демокрита не сохранился ни один [1; с. 138].

Вторая проблема – очень высокая противоречивость высказываний комментаторов о самой концепции Демокрита, притом что Цицерон, например, именует Демокрита «ясным» философом.

Третья проблема – прямое и откровенное несогласование концепции атомов как частиц вещества с другими, сугубо инструментальными и логическими представлениями современной Демокриту античной философии.

Набор этих проблем позволяет прийти к определенным выводам, как если бы мы могли представить себе немного другую ситуацию, отличную от принятой, или другой контекст, в котором может быть создана некоторая новая гипотеза.

Попробуем двинуться путем, предложенным известным литературным персонажем-детективом – наберем разных данных, в том числе упущенных из внимания, поставим их в ряд и попробуем ответить на вопрос, какая гипотеза позволит нам все эти данные согласовать без логических потерь. Эту гипотезу я приму за основную для того, чтобы с ее помощью ответить на вопросы, оставленные пока без ответа. В некотором смысле, я предлагаю гипотетическую философскую реконструкцию, в которой попытаюсь согласовать отдельные, недостаточно хорошо согласованные, на мой взгляд, моменты.

1

Итак, все по порядку, начиная с первого сомнения, с отсутствия текстов Демокрита. Такая ситуация с текстами Демокрита была бы понятна, если бы философ последовал примеру Сократа и не оставил бы письменных размышлений вообще. Или если бы он написал одно или всего несколько сочинений, потерю которых можно было бы объяснить их малым количеством. Однако Диоген Лаэртский перечисляет около 70 названий работ, относящихся к Демокриту, этой же позиции придерживаются многие исследователи античной философии (Гомперц, Целлер, Виндельбанд, Маковельский, Чанышев, Асмус). Кроме того, постоянно упоминается, что Демокрит считался одним из самых сильных философов своего времени, и его учение постоянно обсуждалось и комментировалось. Высказывания о Демокрите весьма позитивны, он неоднократно упоминается как прекрасный ритор, а также ясный и сильный философ. Кроме прочего, Демокрит считается основателем философской школы, наследники и слушатели которой также не последние люди в философском контексте античности.

Похвальное слово Демокриту можно прочитать у Цицерона (Академические исследования II, 23, 73): «Что сказать о Демокрите? Кого можно сравнить с ним не только по величию ума, но и по величию духа?» [2]. Диоген Лаэртский пишет, что «даже Тимон выражает похвалу Демокриту в таких словах: «Пастыря слов Демокрита, двойной изощренного мыслью Всемудреца, болтуна, поспешил я прочесть среди первых» [3]. Гомперц, например, называет Демокрита «колоссальной фигурой» [4], а Целлер именует его «вообще первым ученым и естествоиспытателем своего времени» [5]. Маковельский указывает, что «Демокрит был прозван Софией (мудростью) за обширность и глубину своих

знаний» [6]. В целом, не будет преувеличением сказать, что Демокрит был удостоен самых превосходных степеней признания со стороны своих современников. При этом, повторюсь, как пишет о текстах Демокрита В.Ф. Асмус в книге «Античная философия», «ни одно из этих сочинений не дошло до нас полностью, сохранились только отдельные цитаты и отрывки» [7].

Поэтому, конечно же, должно показаться странным, что при такой популярности и обсуждаемости (как пишет Маковельский, «его сочинения были в древности одним из постоянных предметов философского анализа» [8]), сочинения философа сохранились только в крайне незначительных фрагментах. Это обстоятельство, видимо, казалось странным уже в античности, потому что существует вполне популярная легенда о том, что сам Платон скупал по всей Греции свитки Демокрита с целью дальнейшего их уничтожения. Впрочем, Диоген Лаэртский описывает это несколько иным образом: «Аристоксен в «Исторических записках» сообщает, что Платон *хотел* сжечь все сочинения Демокрита, какие только мог собрать, но пифагорейцы Амикл и Клиний помешали ему, указав, что это бесполезно: книги его уже у многих на руках» [9]. Многие считают это только легендой, а Маковельский, к слову, указывает, что сочинения Демокрита были утрачены только между III и IV веками нашей эры [10].

Кроме прочего, сразу после античности был весьма недоброжелательный к инакомыслию исторический период, во время которого, похоже, многие тексты были либо утеряны, либо подделаны, либо просто уничтожены. Однако даже если Демокрит был «материалистом» и «пострадал за материализм», то это не объясняет, почему, например, тексты Эпикура или Тита Лукреция Кара сохранились довольно неплохо, а Демокрита – нет. Впрочем, это можно приписать случайности, присутствие которой в истории многообразно и обширно по последствиям.

При этом, впрочем, едва ли можно полагать случайностью, что школа Демокрита и ее слушатели были известны в античности как софисты, скептики и эмпирики, то есть как противники классической позиции (Платон и Аристотель), которую принято называть «идеалистической» и которая легла в основание теоретического христианства. Сочинения этой софистическо-скептической «линии Демокрита» вообще сохранились довольно плохо, в отличие от блестящих корпусов сочинений тех же Платона и Аристотеля.

2

Довольно большие трудности представляет понимание того, что Демокрит мог иметь в виду под словом «атомы». Комментарии к концепции атомов Демокрита, сделанные еще в античности, прямо скажем, совсем не отличаются понятностью и логичностью. Так, в некоторых случаях атомы описывают как имеющие определенную форму (круглые, пирамидальные, более сложной формы, например, крючковатые), а в других случаях – как имеющие бесконечное множество форм.

Например, Цицерон (Академические исследования II, 38, 121) писал: «... но не так, как учит тот знаменитый человек, который утверждает, что эти (вещи) образовались путем соединения шероховатых, гладких, крючковатых и изогнутых тел, в промежутке между которыми находится пустота: он считает, что это бредни Демокрита, не доказывающего это, а лишь желающего, чтобы так было...» [11].

Или в другом месте он же (Цицерон, *De deor. nat.* I 24, 66) писал: «Ибо таковы бесстыдные утверждения Демокрита или еще раньше Левкиппа, будто существуют некото-

рые легкие тельца – одни шероховатые, другие круглые, третьи угловатые и крюкастые, четвертые закрученные и как бы внутрь загнутые, и из этих-то [телец] образовались небо и земля, причем это образование произошло по природе без всякого воздействия извне, но вследствие некоторого случайного стечения» [12].

Симпликий же (комментарий к «Физике» I, 2, стр. 28, 4 слл.), например, указывал, что «Левкипп принял, что в элементах имеется бесконечное множество форм, так как «ничто не более такое, чем такое»... Левкипп и Демокрит утверждают, что число форм в атомах бесконечно, так как «ничто не более такое, чем такое»» [13].

Столь же разнообразные мнения встречаются у комментаторов по поводу других позиций Демокрита, например, о размерах атомов. В частности, например, указывается, что атомы могут быть размером с мир (Аэций 112,6: «Демокрит... [учил], что может быть атом размером с наш мир» [14]). В другом случае указывается, что атомы крайне малы по размеру.

В целом, эти разногласия были уже не раз отмечены исследователями. Так, например, Асмус пишет, что «сохранились свидетельства, из которых видно, будто Демокрит допускал существование не только весьма малых, чувственно не воспринимаемых атомов, но и атомов любой величины, в том числе весьма больших. Тексты, имеющиеся по этому вопросу, неясны, даже противоречивы. В частности, о признании Демокритом существования весьма больших атомов говорит Эпикур (конец 4 – начало 3 в. до н. э.)» [15].

Возможно, существующий разброс мнений говорит о том, что уже ближайшие современники не вполне четко представляли себе, о чем идет речь в сочинениях Демокрита. К слову, некоторые из них пытались в силу своего разумения «исправить» систему Демокрита, что также не способствует улучшению ее понимания. Одним из «исправителей», в частности, предстает Эпикур, за что Цицерон высказывается о нем в довольно нелицеприятном ключе.

Такое положение позволяет исследователям, уже достаточно близким к современности, отбирать из свидетельств только то, что соответствует уже сложившемуся представлению о Демокрите, и доверять больше, например, Аристотелю, чем Диогену Лаэртскому, или больше доверять свидетельствам Эпикура, чем Симпликия. Существуют и попытки согласования разнонаправленных мнений. Другими словами, образ Демокрита сегодня – это просто своеобразная форма «конвенции о Демокрите», представляющаяся простой и очевидной только для совершенно постороннего наблюдателя.

3

Но, пожалуй, в этой ситуации для меня значительно более удивительным представляется факт, что некоторые приписываемые Демокриту высказывания противоречивы в каком-то самом простом смысле – они не должны бы сосуществовать рядом друг с другом в одном контексте. Однако они приводятся рядом именно как части одного тезиса. Это может говорить о том, что, пожалуй, уже во времена Демокрита мало кто понимал (или помнил), о чем же была речь, что довольно странно, поскольку обилие комментариев, как правило, позволяет более или менее адекватно воссоздать концепцию. Однако здесь мы имеем дело с разрозненными комментариями, с нечеткой предметной частью (т.е. о чем они говорили), а также с весьма различающейся оценкой приписываемых Демокриту идей.

В целом, если можно составить некоторое обобщенное представление о концепции атомов Демокрита, то философу приписывается, в частности, мнение о том, что все в

мире состоит из маленьких (мельчайших) частиц вещества, которые неделимы и называются «атомами» (греч. *atomos* – неделимый). Этих атомов бесконечно много, атомы вращаются в вечном безвременном вихре, и вещи состоят из них, составляясь случайным образом. Количество и состав атомов в каждой вещи тоже случайны. В этом определении основных позиций Демокрита сходятся практически все исследователи, и это можно оставить в качестве начала разговора. Также, что интересно, по слухам, Демокрит упоминает некие «взаимные положения» и «повороты» атомов относительно один другого, что должно бы продемонстрировать возможности комбинаторики. Борхесу в этом видится, например, почти бесконечная способность порождения мира [16].

Из большого количества существующих относительно гипотезы Демокрита противоречий я бы выделил всего одно, но зато такое, в котором как в фокусе концентрируются все сложности понимания его концепции, а именно сложность или даже невозможность мыслить неделимость атома как частицы вещества одновременно с логически предполагаемой бесконечной делимостью любого пространства. Определенно существующая ассоциативная связь между веществом и пространством, а также запрет на неделимость пространства препятствовали бы решению этой проблемы в традиционном «материалистическом» ключе.

В принципе, легко представить, что если некие объекты размышления присутствуют в количестве больше одного (а атомов бесконечно много), то необходимость их различения задает условия для существования границ, а границы предполагают некоторое пространство между собой, поскольку они отделяют что-то «одно» от чего-то «иного». Любое пространство, как это следует из самого простого и распространенного представления, теоретически делимо до бесконечности. Именно об этом как о неперемennom условии существования своих апорий говорил Зенон, из чего можно вполне уверенно делать вывод о том, что неделимость частицы пространства должна быть очень серьезно объяснена. Однако никаких следов того, что Демокрит как-то озабочился преодолением схожей аргументации, нет. Более того, многие античные комментаторы указывают на откровенное пренебрежение Демокритом объяснениями такого рода. Отметим этот момент «для себя»: Демокрит отказывается говорить о том, как существует мир в его «атомной» системе, просто «есть атомы и есть пустота. Все состоит из атомов».

Если бы Демокрит вдруг заговорил об атомах как о неделимых частицах вещества, ему потребовалось бы сложная система объяснений того, почему частица вещества может быть неделима, то есть потребовалось бы что-нибудь похожее на то, что было использовано для аналогичной аргументации Платоном. Платон в свое время потратил очень много усилий для того, чтобы объяснить, почему неделимы (едины) его эйдосы, притом что они бесконечны в количестве. Платону для оправдания неделимости своих эйдосов пришлось пойти на многочисленные ухищрения, среди которых совершенно странное предложение мыслить эйдосы как находящиеся «вне пространства» (в Гиперурии), как умозрительные, «умные», т.е. относящиеся «к уму», но не «к телу», как «плоские» и проч. Конечно, самая сомнительная часть платонизма – это его «эйдосы», возможность познания которых в прямой связи человеческой души с трансцендентным миром. В том, что касается Демокрита, таких избыточных сложностей за его концепцией атомов не замечено, и никто о них даже не упоминает.

Насколько можно судить по сохранившимся комментариям и источникам, никто от имени Демокрита не высказал даже примерно такого рода объяснения, а используемые объяснения из разряда «потому что атом очень мал» или «потому что он очень тверд»

страдают избыточной наивностью, чтобы быть приписанными определенно одному из умнейших людей Греции того времени (так о нем говорят).

При этом, представляется совершенно естественным, что, будучи одним из умнейших людей Греции того времени, Демокрит не мог не знать скандального учения Зенона, ученика Парменида, о принципиальной (теоретической) бесконечной делимости любой частицы вещества. В «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосев пишет, что «имеются сведения о том, что Левкипп – ученик Зенона» [17]. Как пишет Диоген Лаэртский, Демокрит в сочинениях упоминал учение о Едином последователей Парменида и Зенона, «вокруг которого было тогда было больше всего шума» [18]. Если о Едином тогда «шумела» вся интеллектуальная Греция, мог ли об этом не знать Демокрит, за интеллект прозванным «Софией»? Такой поворот дела представляется маловероятным. Кроме прочего, Демокрит был математиком (судя по свидетельствам, в значительно большей мере, чем Платон), и теоретическая неделимость атома, скорее всего, была бы им как-то оправдана математически. Однако никаких, даже косвенных, свидетельств этому нет.

Поскольку выше эта проблема была определена как узловая, давайте рассмотрим ситуацию с неделимостью атомов подробнее.

Причина неделимости атомов описывается по-разному. Симпликий (Phys. 925,10), видимо, резюмируя предшествующие суждения, указывает их несколько. Он пишет: «Другие же, отвергнувшие делимость до бесконечности на том основании, что мы [фактически] не можем делить до бесконечности и из этого удостовериться в бесконечности деления, говорили, что тела состоят из неделимых и делятся до [этих] неделимых. Левкипп и Демокрит считают причиной неделимости первотелец не только непроницаемость их, но также малость и отсутствие частей. Эпикур же, живший позже, [уже] не считает их не имеющими частей, а говорит, что они неделимы [только], вследствие [абсолютной] непроницаемости. Во многих местах [своих сочинений] мнение Левкиппа и Демокрита опроверг Аристотель; и, может быть, вследствие этих возражений, направленных против неделимости, живший позже Эпикур, сочувствуя мнению Левкиппа и Демокрита относительно первотелец, сохранил их непроницаемость, отсутствие же частей у них отбросил, так как за это (атомы) отвергал Аристотель» [19]. То есть, наряду с причинами естественного характера («в силу непроницаемости»), упоминается теоретический предел делимости («не можем делить до бесконечности») [20].

О том, что атомы неделимы в силу твердости, упоминали Плутарх (Против Колота, 8): «атомы не могут ни подвергаться внешнему воздействию, ни изменяться вследствие твердости», и Диоген Лаэртский [21], говоря, что атомы «неизменны в силу их твердости».

Итак, коротко можно подвести итог, что атомы неделимы в силу:

- а) их непроницаемости или «отсутствия пустоты внутри»;
- б) их малости;
- в) отсутствие у них частей;
- г) их твердости;
- д) теоретического предела делимости.

В первых четырех случаях упоминается физический предел деления, или, другими словами, предел деления, имеющий отношение к физическим свойствам атома, что для теоретического представления греков, находившихся на подъеме скептической софистики, должно быть довольно странным и, как кажется, неправдоподобным, тем более что в это же время развивается и получает большое признание скептическая критика восприятия, основательно реформирующая теорию познания, в том числе и в этой области. Кро-

ме прочего, серьезное сомнение вызывает принятие этой гипотезы в свете математических представлений, о которых, например, Филопон в комментариях к Аристотелю пишет, что математика «делит пополам всякую величину, даже допускаемую лишь мысленно» [22].

Аргумент «от непроницаемости» демонстрирует невозможность заполнения одного и того же пространства различными предметами (объектами). Сюда же можно отнести аргумент «от твердости», который по смыслу близок к аргументу «от непроницаемости», поскольку предпологает, что «внутри» атома нет пустого пространства. Другой подход к «непроницаемости» показывает, что «непроницаемостью» может быть названа невозможность представить два «плотных» объекта в одном и том же месте.

Другим, близким по сути аргументом будет аргумент о неделимости атома «от отсутствия частей». Отсутствие частей предполагает доказательство, восходящее, как минимум, к Пармениду, и состоящее в том, что части, из которых составлено целое – это отдельные друг от друга предметы, между которыми должны быть границы для возможности различения одной и другой части. Собственно, возможность разделения целого предполагается по причине «не-слитости» частей и наличия границы между ними, которая есть нечто отличное от всех частей и «иное» по отношению к ним. При отсутствии частей предмет полагается единым (в этом, собственно, суть позиции Парменида и Зенона).

Аргумент «от малой величины» атома не следовало бы вообще принимать всерьез. Собственно, теоретическая делимость любого отрезка пространства уже была осмыслена и, даже будучи представленной в вызывающе абсурдном и крайне скандализованном виде, она обсуждалась. Собственно, не существует причин, по которым любой отрезок пространства нельзя было бы делить бесконечно. Кроме того, уже упоминавшиеся выше Эпикур и Аэций утверждают относительно Демокрита, что последний представлял атомы в том числе «размером с мир». Это не совсем тот размер, чтобы его нельзя было разделить вследствие его малости.

Теоретический же предел делимости – это конвенциональный и не обязывающий аргумент, что-то вроде договора по поводу «давайте для удобства представим, что есть теоретический предел делимости, тогда последнее неделимое, что «как бы» не делится, мы назовем «атомом»». Такого рода договоренность, конечно же, может существовать, однако объяснение неделимости атомов, опирающееся на такую договоренность, было бы довольно беспомощным, поскольку в этом объяснении не содержится ответа о неделимости, который бы относился к самим атомам. С другой стороны, там содержится ответ, отсылающий к договоренности по поводу их обсуждения. Следовательно, разговор при подобном аргументе идет не о неделимости атомов, а о договоренности по поводу их неделимости или о восприятии таковой неделимости, исходя из вполне современного Демокриту представления о человеческой ограниченности.

Также представляется значимым, что греки уже видели различия между «конвенционально неделимым» и «природно неделимым», и говорить, что атомы неделимы в силу физических качеств, то есть относить их неделимость «к природе физического мира» было бы маловероятным, поскольку примерно в то же время уже обсуждаются вопросы конвенциональной (математической) неделимости у Ксенократа (неделимые линии) и у Платона (неделимые плоскости), что выглядит более оправданным, поскольку эти «неделимые объекты» умозрительны, а «атомы» Демокрита обычно обсуждаются как физические тела и частицы вещества, в силу каковой причины он привычно именуется «материалистом».

Вопрос о теоретическом пределе неделимости вызывал сомнения уже в античности. Так, если Аристотель, допуская, что неделимость приводит «к невозможному», все же считает необходимым принять ее для отдельных случаев (Арист., *de gen. et cog.* I 2, 316 а 13 сл.) [23], то Симплиций в комментарии к Аристотелевскому *de coelo* III 7 пишет, что неделимость «всякого тела» вынуждает «быть в конфликте с математическими науками» [24]. В Схолиях к Евклиду (X 1) находим следующие слова: «Что не существует наименьшей величины, как утверждают демокритовцы, видно и из этой теоремы, согласно которой [всегда] можно получить величину меньшую всякой данной» [25]. Собственно, сомнительно, чтобы математик Демокрит оставил бы эту проблему нерешенной и даже необсуждаемой. Однако следов такого обсуждения, как кажется, не сохранилось.

Вероятно, поскольку во мнении о неделимости атомов расходились уже современники Демокрита, его последователи и противники, и они не могли установить ее причину, то такую причину «неделимости» атомов следовало бы искать на каком-то другом пути, кроме как признания атомов существующими как частицы вещества (физическая версия) или, что одно и то же, как воображаемые частицы пространства (геометрическая версия).

4

Итак, вот проблема, перед которой мы оказываемся: с одной стороны, маловероятно, что Демокрит говорил об атомах как о неделимых частицах вещества, с другой стороны, его «атомы» все же неделимы. Вопрос и самая главная проблема, которая возникает в разговоре об атомах: что же такое атомы Демокрита? Ответ, как понятно, должен быть таким, чтобы разрешить имеющееся противоречие: атом должен или быть частицей вещества, и тогда быть делимым, или же он может быть неделим, но не может при этом быть частицей вещества. Другими словами, быть неделимой частицей вещества атом не может в силу внутреннего противоречия, содержащегося в этом тезисе.

Однако представление об атомах как о неделимых (по разным причинам) частицах вещества, кажется, сегодня тотально распространенным среди исследователей [26]. А.Ф. Лосев придерживался несколько иной позиции. Сомнение, высказанное исследователем, касается «обычного буржуазного предрассудка толкования Демокрита как механистического материалиста» [27], поскольку у Демокрита совокупность атомов дает «новое» по отношению к простой механической сумме атомов [28]. Однако объяснение, данное Лосевым, в целом продолжает линию представления атома как «тела», что в его контексте есть, правда, не «частица вещества», а некий умопостигаемый объект в «двойном понимании». Например, об атомах Демокрита Лосев высказывается так: «Атомы Демокрита в этом смысле были и должны были быть некоторого рода вещичками, миниатюрными фигурками и статуэтками. Здесь особенно подчеркивается видимость и осязаемость атомов, их пластическая фигурность и статуарность» [29].

Так, Лосев пишет, что «...античный атом можно рассматривать двойко. С одной стороны, это атом, взятый сам по себе, в неподвижной изоляции, рассматриваемый только с точки зрения своего размера или структуры. Это, однако, лишь очень отвлеченная сторона атома, а вовсе не весь тот атом, который является для атомистов реальным элементом действительности. В самое определение атома у античных атомистов входит идея порядка, понимаемая не только как упорядоченность его собственной структуры, но и

как определенность его в соотношении с другими атомами. Этот момент введен в определение атома именно потому, что каждый атом античные атомисты рассматривали лишь как букву некой универсальной рукописи. Конечно, А есть А и Б есть Б. Но АБ уже не есть ни БА, ни просто сумма отдельно взятых А и Б. Это – первое из тех удивительных свойств, которыми обладает движение атомов, приводящее их к тому или иному их соотношению или объединению. Это свойство можно назвать статической спецификой атомного движения у древних атомистов. Другое свойство можно назвать динамической спецификой этого движения» [30].

В свою очередь, такое мнение об атомах Демокрита представляется вполне неоплатонически ангажированным и неоправданно усложненным. Однако такое понимание атомов – это серьезный противовес популярному мнению об атомах как частицах вещества.

5

В том, что касается подчеркнутого «материализма» Демокрита, то таковой, как кажется, непременно должен предполагать некоторую определенность знания о мире, «как он есть», то есть, некоторую определенность так называемого «объективного знания» о мире. Однако здесь мы находим совершенно неподходящие к такой ситуации высказывания Демокрита, откровенно насмехающегося над «объективностью» и сильно этим раздражавшего своих современников.

У Диогена Лаэртца (Диоген Лаэртций IX, 72) находим: «Но и Ксенофан, и элеец Зенон, и Демокрит, по мнению пирроновцев, оказываются скептиками... Демокрит же потому, что он отверг (чувственные) качества в следующих изречениях: «Теплое только считается таким, холодное только считается таким, в действительности же – атомы и пустота». И в другом месте: «Ни о чем мы отчетливо не знаем, каково оно в действительности: действительность – в пучине»». Ср.: Цицерон, Академические исследования II, 10, 32: «Обвиняй природу, которая, как говорит Демокрит, скрыла действительность далеко в глубине». Лактанций в «Извлечениях из «Божественных наставлений»» несколько раз упоминает, что «Демокрит заверяет, что действительность лежит погруженной в столь глубокий колодец, что у него нет дна» [31]. Вообще, «глубокий колодец» познания упоминается необычайно часто, он просто не дает покоя комментаторам, и, очевидно, Демокрит отказывается упоминать о «действительном состоянии природы», видимо, высказываясь о ней в каком-то ином ключе, возможно, сомневаясь в ее познаваемости.

Эти свидетельства можно рассмотреть как ключ к вопросу о вещественности атомов. Основная позиция скептиков – это проблема «тотальной кажимости» мира, или другими словами, вытекающая из специфики восприятия мира его непознаваемость [32]. Если рассмотреть представление об атомах Демокрита с точки зрения невозможности высказываться о них в объективистском ключе, когда невозможно сказать, какие они «в действительности», то должна остаться возможность говорить о них в рамках «скептического» дискурса, когда мы не можем о них знать ничего, что касалось бы собственно атомов.

Действительно, есть несколько подсказок, позволяющих обратиться именно к этой «скептической» версии рассмотрения атомов Демокрита. Так, среди многочисленных упоминаний о том, как, согласно мнениям комментаторов Демокрита, мир «существует», есть некоторое количество упоминаний о том, как мир может «казаться». Это совершенно другая позиция, и стоит обратить на нее внимание. Тем более что позиция

«кажмости мира» приписывается непосредственно Демокриту и часто критикуется.

Во-первых, Аристотель указывает несколько раз, что Демокрит говорит «о видимости» и о том, что крайне сложно судить о том, каков мир «на самом деле». Например, в таком пассаже (Метафизика III, 5): «Истинность явлений для некоторых возникает из чувственных восприятий... да и каждому в отдельности не всегда представляется в восприятии одинаковым одно и то же. Итак, какие из этих представлений истинны и какие ложны, неясно: ибо не более истинны те или иные, но все одинаково. Поэтому Демокрит и утверждает, что или ничто не истинно, или истинное нам неизвестно». И еще: «Что из этого соответствует действительности, а что ложно, неясно... Поэтому-то и Демокрит говорит, что либо ни одно ощущение не соответствует действительности, либо, по крайней мере, нам это неясно» [33].

О схожих позициях упоминает Секст Эмпирик: «В сочинении «О формах» (т.е. «Об атомах») Демокрит говорит: «Исходя из этих руководящих правил человек должен убедиться в том, что он далек от ясного постижения действительности»... И в другом месте: «И это рассуждение (или сочинение) делает очевидным, что ни о чем мы не знаем, каково оно при ясном постижении действительности, но мнение каждого из нас представляет форму (вещей) в измененном виде»... И еще: «Однако станет ясно, что отчетливое знание того, какова каждая (вещь) в действительности, сопряжено с очень большими трудностями» [34].

Можно предположить, что сложности высказывания о мире со стороны Демокрита вызваны его нежеланием говорить о мире, «как-он-есть-сам-по-себе», как он есть объективистски, или, другими словами, о мире в его действительности. Это весьма интересная позиция, поскольку как раз постоянство высказываний о том, «как мир есть», представляют норму для античной философии в целом. Собственно, классическая античная мысль постоянно ходит именно вокруг проблемы «как мире есть». Редкие исключения – это софисты и скептики, сомневающиеся в возможности осмысленного описания мира без включения в это описания системы человеческих восприятий и оценок.

Интересный для анализа пример дает Феофраст (Феофраст. Об ощущениях 69): Вообще величайшее противоречие, и притом имеющее общее значение, в том, чтобы признавать ощущение неодинаковым (для различных субъектов) и вместе с тем определять его (зависимостью от) форм (атомов), так что одно и то же одним представляется горьким, другим – сладким, третьим – иным: ведь невозможно, чтобы форма (атомов) была непостоянной или чтобы одно и то же было для одних шарообразным, а для других иным (а между тем это необходимо, если оно для них сладко, а для других горько), или чтобы формы (атомов) менялись сообразно с нашим состоянием» [35].

Феофраст пытается решить проблему различия в восприятии с одной стороны, и постоянством (то есть необходимостью объективной определенности) форм атомов с другой стороны. Для него согласование объективирующего подхода к форме атомов и различиями восприятия представляют «величайшее противоречие», допустить которое для Демокрита, видимо, невозможно. Остается решение вопроса на пути скептицизма, а именно, указание на то, что форма атомов изменчива, но что эта форма не есть действительное свойство атома. Феофраст, будучи наследником идей Аристотеля, сталкивается с проблемой согласования этих позиций, поскольку не допускает «изменчивости атомов», предполагая за ними определенность формы, как на том настаивает объективистская классическая позиция.

Относительно «отчетливого знания» еще раз высказывание Секста Эмпирика (Против математиков VII, 265): «Д., уподобившись гласу Зевса и «говоря следующее о

вселенной», пытался дать определение этого понятия (т.е. понятия «человек»), но не пошел дальше обывательского высказывания: «Человек – это то, что все мы знаем» [36].

В отличие от Секста, можно допустить и обратное, весьма позитивное толкование этого высказывания Демокрита, если сделать его именно в агностическом (скептическом) ключе, а именно «человек – это то, что мы можем сказать о человеке».

Здесь, в этом пункте, можно видеть причину неприязни к Демокриту со стороны «трансценденталистов», настаивающих как раз на том, что отрицает Демокрит, а именно, на субъективной уверенности в онтологической достоверности рефлексии, или, другими словами, на гипотезе референтной истины, суть которой в том, что «истинным является высказывание о положении вещей, соответствующее действительному положению вещей».

Суть этой уверенности в том, что «мыслимое может быть истиной». Для сократовско-платоновской философии это один из основных пунктов. Не будь этого пункта, Платону никак не удалось бы настаивать на наличии «чистых идей». Без опоры на онтологическую достоверность рефлексии гипотеза чистых идей, а значит, и гипотеза единого бога, и добавим, гипотеза трансцендентального единого вообще, невозможны. Но даже здесь Платону пришлось вводить некрасивое дополнение, состоящее в том, что «мыслимое *некоторыми* является истиной», то есть прибегать к излюбленной позиции аргумента «от авторитета», поскольку другого способа аргументации он не находит.

Это возражение против Демокрита и других четко сформулировано Георгием Монахом, негодующим по поводу мысли Демокрита об иллюзорности собственного существования и, как следствие, сомнительности высказывания о познавательной достаточности рефлексии. Так, Георгий Монах спрашивает: «Разве не по справедливости мы определили непосредственное постижение нашего собственного существования как то, что всего нам ближе? Ясно, что да» [37]. Но как раз это утверждение в русле платонизма и должно противоречить положениям Демокрита, по-видимому, исходящего из серьезного сомнения как в познаваемости мира, так и в познаваемости собственного существования.

Еще раз подчеркну, что имя Демокрита в античности как раз прочно связывается именно с софистами (Протагор слушал Демокрита) и со скептиками (агностик Метродор Хиосский выходит из школы Демокрита, скептик Пиррон также, и сама школа Демокрита со временем преобразуется в скептическую). По мнению Маковельского, Метродор «сочетает атомистику Демокрита с учением Горгия – «нет ничего» (с отрицанием объективной реальности), с учением Протагора о текучести всех вещей и об истинности всего, что представляется каждому отдельному индивиду, а также с учением о ложности ощущений и с положением о непознаваемости мира» [38].

Особенное внимание в этом отношении я бы обратил на отношения античных философов с судьбой и на совершенно отличное от их позиции отношение к судьбе Демокрита, который, по мнению Ювенала, «... угрожавшей Фортуне / В петлю советовал лезть и бесстрашно показывал кукиш» (перевод Д. Недовича и Ф. Петровского) [39]. Возможно, в этом сказывается независимая от внешнего воздействия и никак не изменяемая позиция, в которой все происходящее есть связь неподвластных человеку законов, но не действительных, как это происходит в трагедиях Софокла, когда человек только песчинка под ногами богов, а совершенно иллюзорных, в которых все боги сами не более чем иллюзии.

И, наконец, крайне интересное (хотя и косвенное) свидетельство о специфической практике, принятой в ряде восточных религиозно-философских учений об иллюзорности мира (например, в таких, как йога или тот же буддизм): «По словам Антисфена, упражнялся он и в том, чтобы разными способами испытывать свои представления; для этого он по вре-

менам уединялся и даже сидел на кладбищах» [37]. На этот же момент обращает внимание Лосев: «связь Демокрита с восточной магией не может подвергаться сомнению, как и сообщение (A 1 Diog. L. IX 38) о занятии Демокрита привидениями на кладбищах» [40].

6

В целом, представляется уже вполне возможным озвучить «дополнительную» гипотезу о «природе атомов» Демокрита. Если атомы неделимы и не могут быть частицей вещества, то это до определенной степени может обозначать невозможность связывать неделимость атомов и их вещественность. Кроме этого, в истории философии существует возможность мыслить объекты как мысли (крайний субъективный идеализм), но этот путь не дает возможности упоминать что-либо кроме психических состояний, то есть никаких логически оправданных высказываний о мире здесь быть не должно. И есть третий путь, когда объекты можно мыслить как элементы восприятия, таким образом «сплавляя» мир и психические состояния в «элементы мира». Эти самые элементы мира вполне могут быть элементом восприятия, или той самой «видимостью», по поводу которой сокрушаются сторонники гипотезы объективного знания и референтной истины. «Элементы мира» как единицы восприятия, действительно, неделимы («а-томны»), плотны (поскольку один элемент восприятия не может занять место другого, а может быть только вытеснен), обладают различной формой, бесконечны в числе, создают хаотично изменчивую картину мира, случайны в своей совокупности, но закономерны в последствиях этой совокупности.

Вполне допустимым кажется в этом случае вывод, что Демокрит говорит, скорее, о восприятии мира, а не о самом мире, и описывает мир с точки зрения механизмов восприятия, а не с точки зрения «действительного» существования мира. Другими словами, «атомы» Демокрита – это элемент, или условная «часть» восприятия, которые перечисляются Аристотелем как «горькое», «сухое», «белое», «округлое», «твердое» и проч.. Это единицы восприятия, порции впечатлений, или еще что-то подобное, то есть, некоторые иллюзии, возникающие между нами и миром, каковые иллюзии мы полагаем «действительной» картиной мира. Эти элементы восприятия прямо перечисляет Аристотель в «Метафизике» (и другие авторы), когда упоминают «горькое», «твердое», «теплое» и проч.

Часто «вещественно-атомарная» интерпретация заключается в том, что «горькое», «теплое» и проч. описываются как «воспринимаемое нечто, составленное из атомов», как если бы восприятие зависело от атомного состава (атомы горького, атомы сладкого и т.д.), что дает несколько иную картину объяснения. Но значительно более приемлемой, в силу указанных выше причин, кажется здесь предлагаемая мною модель, смысл которой в том, что «атом» – это моментальное впечатление, возникающее между нами и вещью, иллюзорно относимое нами к вещи, тогда как оно только создает синхронность между нами и миром, но никак не сказывается о вещи, а скорее сказывается о нас в нашей возможности восприятия вещи. Собственно, «горечь» и есть сам атом, так же, как «твердость», «теплота» и проч.

Такого рода атом не является «частью объективного мира», а возникает как элемент восприятия во взаимодействии человека и мира. Такие атомы, как «твердость», «белизна», «округлость», существуют как результат взаимодействия человека с миром и не могут быть рассмотрены как независимые от восприятия «объективные элементы».

Эти атомы не имеют смысла как нечто отделенное от человека [41], а представляют связь одновременно мира и человека, без указания на «объективность» мира, а следовательно, и без указания на «познаваемость» мира. То есть, неделимыми являются именно эти «первичные элементы мира», впрочем, зависящие в своем возникновении от других оснований, не являющимися при этом элементами мира и не являющимися потому реальными [42].

В таком изложении концепция атомов Демокрита явно коррелирует с ранними буддийскими концепциями, что кажется странным по отношению к Демокриту, но я не вижу причин отказываться от этого предположения. Хотя бы потому, что оно мне представляется значительно более логичным, чем предположение о «неделимых частицах вещества».

Логика построения концепции Демокрита – «неразделимые элементы восприятия» (атомы), «случайность комплекса восприятий» (случайность), «зависимость восприятия мира от человека» (субъективность), «изменчивость восприятий» (вихревое движение), «невоспринимаемость объективного мира» (пустота мира) полностью присутствуют, причем в очень близкой логике в отдельных философских концепциях в постбрахманических учениях и, особенно, в буддизме. Действительно, единицы, или элементы восприятия неделимы (концепция неделимости атомов), поскольку невозможно разделить «желтое», или «горькое», или «твердое». Действительно, их бесконечное множество (концепция множества атомов), поскольку каждая иллюзорно воспринимаемая (а по сути, конструируемая) вещь «состоит» из бесконечного множества одновременных восприятий. Действительно, они находятся в постоянном движении (концепция вихря), поскольку наши восприятия изменчивы. Действительно, распознаваемость атомов не имеет отношения к самим иллюзорным предметам и не произвольна для человека, а значит, случайна (концепция случайности).

Конечно же, невозможно с полной определенностью сказать о «буддийскости» Демокрита, но серьезные параллели между ранне-буддийскими построениями и демокритовской концепцией атомов кажутся существующими.

Во-первых, о неделимости («а-томности») «последнего рубежа мира» в Индии примерно того же времени, например, говорили тогда многие. Несколько свидетельств этому можно найти, например, в добуддийских и буддийских спорах о «дхармах» [43], но эта же самая проблема существовала и в гораздо более широком поле философских споров [44].

Во-вторых, этот вывод весьма возможен, если вспомнить предполагаемую биографию Демокрита и, особенно, его путешествия «до Индии». О связи Демокрита с Индией через азербайджанских (видимо, мидийских) магов упоминает А.О. Маковельский в «Древнегреческих атомистах» [45], он же посвящает целую главу рассмотрению возможности для Демокрита учиться у мидийцев [46]. Философия и мифология зороастризма имеет определенные параллели с индийскими философией и мифологией, а граница персидского влияния времени Демокрита простиралась до Инда. То есть, это предположение не является абсурдным и с точки зрения географии, и с точки зрения исторических связей, поскольку путешествие Демокрита «на Восток» означает Персидскую империю, в каковой имели место очень интенсивные философские и религиозные контакты со многими прилегающими территориями, а Персидские сатрапии в то время территориально доходили вплоть до Индии. Самому Демокриту приписывается общение с «гимнософистами» [47].

«Древние сообщают, – пишет Асмус, – что Демокрит был учеником персидских ученых, халдеев и магов. Демокрит мог быть и учеником индийцев, так как совершил

путешествия и в Вавилон, и в Персию, и в Индию, и в Египет» [48].

Закончив цикл длительных научных поездок в страны тогдашнего культурного Востока, Демокрит вернулся в Абдеры, где и протекала его научная деятельность. Здесь, кроме Демокрита и, возможно, его учителя Левкиппа жил и творил софист Протагор, а также некоторое время великий греческий натуралист и врач Гиппократ. Эти три имени – Демокрит, Протагор и Гиппократ – доказательство того, что захудалые ранее Абдеры стали со второй половины 5 в. до н. э. видным научным центром. Это может быть объяснено экономическими и политическими связями, возникшими в это время между Фракией, северной окраиной Греции, и Персией. Через Абдеры в это время проходили торговые пути, ведущие на Восток. Персидский царь Ксеркс останавливался в Абдерах, сохранилось предание о том, что отец Демокрита оказал ему гостеприимство [49].

Нельзя не признать, что в упомянутых условиях шансы для Демокрита ознакомиться с философией одного или нескольких постбрахманических течений весьма велики. «Разумеется, нет сомнения, что греческая философская мысль стимулировалась разнообразными восточными учениями» [50]. Как пишут Бонгард-Левин и Ильин, «середина I тысячелетия до н.э. явилась для Индии эпохой значительных поисков и реформ в религиозной и религиозно-философской сферах... Рассматриваемый период ознаменовался возникновением и становлением двух новых религий – буддизма и джайнизма. Особенно заметную роль сыграл буддизм, получивший широкое, распространение в Индии и за ее пределами и оказавший огромное влияние на идеологию, культуру и образ жизни многих народов Азии» [51].

Впрочем, свидетельств о «восточных корнях» концепции Демокрита значительно больше, чем это прилично для того, чтобы оставить эти свидетельства без внимания. «О восточном происхождении греческой атомистики говорил (как это видно из Страбона и Секста Эмпирика) стоик Посидоний, который указывал на финикийнина Моха Сидонского, жившего до Троянской войны, как на первого изобретателя учения об атомах. Упоминает Моха также Ямвлих в своей биографии Пифагора (§ 14). В XIX веке Л. Мабильо выводит греческую атомистику от индийской системы Канады... » [52]. Уже в наше время отношения между концепцией атомов Демокрита и атомизмом вайшешиков находит В.Г. Лысенко [53], однако, похоже, в данном случае «атомы Демокрита» также рассматриваются, скорее, как частицы вещества.

7

Пожалуй, пока мы не имеем возможности уверенно сказать о действительных корнях концепции Демокрита, поскольку количество обсуждавшихся к этому времени философских идей было весьма велико. Вероятно, можно предположить, что Греция в какой-то мере стала участником того же самого обсуждения, что и страны к востоку от нее, когда в изложениях Демокрита и в демокритовской школе затрагивались вопросы, близкие к популярным постбрахманическим темам, таким, как «непознаваемость причин» (мир – это мираж, реальность, лежащая за ним – вне нашего познания [54], «строгая причинность происходящего» [55], «праведная жизнь» [56], «хаотичность» (фактически независимость от отдельного человека) явлений мира [57] и ««душевное» успокоение как нечувствительность к «душевым» волнениям» [58].

После предположения об атомах как «дхармических» элементах мира можно объяснить некоторые упомянутые в самом начале проблемы и странности изложения биографии Демокрита и самой демокритовской концепции.

Отсутствие текстов выглядит любопытным с той точки зрения, что демокритовская и, более широко, софистико-скептическая концепция непознаваемости мира и отсутствия души, а также конечной зависимости познания мира от восприятий, напрямую приводит к отрицанию классической «трансцендентальной» ветви в истории философии, тянущейся от Платона и получившей максимальное развитие в схоластике. Можно также предположить, что тексты Демокрита разделили участь многих других текстов, идеологически расхопившихся с крепнущей классической трансцендентальной ветвью в философии.

Что касается анекдота о Платоне, рассказанного Диогеном Лаэртским, то его причины желать сожжения демокритовских книг вполне понятны (мы помним, что он их не сжигал, только *хотел*), если увидеть значительные общие черты между Демокритом и Платоном (притом что в текстах Платона при упоминании идей Демокрита его имя не указывается). Лосев прямо пишет, что «Платон в «Тимее» был не чужд заимствованиям из Демокрита (хотя Платон нигде его и не упоминает). Аристотель же часто его упоминает, многое от него заимствует и говорит о нем в тоне глубокого уважения» [59]. Часть главы «Историческое место атомизма» в «Истории античной эстетики» Лосева посвящена мысли о том, что «Демокрит в сознании античности находится в очень близких отношениях с Платоном» [60], при том, что «невозможно не указать, что как Платон в значительной мере воспользовался результатами атомизма ..., так и Демокрит, по сведениям одного схолиаста (А 57), «[признавал] идеи (ideas)»; то же, по Клименту Римскому (там же); то же и по Плутарху (там же): «Все [у Демокрита] есть то, что называется неделимыми идеями (tas atomoys ideas), а кроме них, нет ничего»» [61]. О значительных «пересечениях» их идей пишет Маковельский и даже посвящает этому частному вопросу главу в «Древнегреческих атомистах» [62].

При такой базовой общности концепций Платон и Демокрит были идеологически соперниками, но, скорее, не как «материалист» и «идеалист» [63], а как сторонник трансцендентальной теистической (Платон) и агностической и атеистической (Демокрит) ветвей философии. Насколько можно судить, одной из главных проблем как для Платона, так и для Демокрита было решение вопроса о мире, или, другими словами, вопроса о том, «что есть мир». Но Платон решает этот вопрос через выяснение (сомнительное, впрочем) того, «что есть мир для себя», а Демокрит, похоже, осмысляет вопрос через проблему «мира для нас». Притом, что Демокрит был конкурентом Платона на том же философском поле умопостигаемых вечных и неделимых «эйдосов» (это понятие использовали они оба, «Демокрит называл свои атомы «идеями»» [64]), позиция Демокрита представляется более логичной за счет отказа от рассмотрения «внешнего объективного мира», которая в платоновской философии выглядит откровенно слабой и надуманной.

Платон смог обойти эту проблему только созданием внутренне противоречивой концепции «многого и единого», то есть, фактически, при помощи «сократовской» идеи «истинного внутреннего зрения», которое позволяло Платону «переключать» видение с обычного (гипотеза «многого») на сакральное (гипотеза «единого») одновременно. Другими словами, Платон, очевидно, нарушил корректное и полезное правило «стороннего наблюдателя», сформулированное Декартом («никто не является сторонним наблюдателем самому себе, сторонний наблюдатель неопределим»), или, если хотите, то Платон нарушил метафорически осмысляемую теорему Геделя о невозможности описания системы языком самой системы. Или, другими словами, Платон сделал контр-прагматическое предположение о том, что ограниченное существо (человек) может познать неограниченное (мир идей), введя представление о медиуме (душе), одинаково существующей как для «мира людей», так и для

«мира идей». Так вот, Демокрит эту проблему упоминал и, похоже, понимал ее и давал ей другое, как кажется, существенно более внятное и логичное решение.

Пожалуй, позиция Демокрита не была фундаментально материалистической в том смысле, как это предписывается к пониманию многими современными учебниками, а агностической. Из чего следует, что она особенно могла быть неприятна как Платону, так и более поздним религиозным фундаменталистам-христианам, поскольку существование богов ставила в полную зависимость от их более или менее неосознанного (случайного) конструирования человеческим разумом. И это, исходя из исторических привычек многих народов уничтожать негодные мысли, достаточно вероятная причина, по которой сочинения Демокрита до нас могли не дойти.

Что же касается противоречивости современных Демокриту комментариев, то можно предположить, что концепция Демокрита была чуждой интеллектуальному наполнению Греции того времени, которое, кстати, было весьма разнообразным по качеству и обильным по количеству. Из прочтения комментариев к демокритовской концепции атомов никак не складывается впечатления понятности его концепции его современникам. Что позволяет также думать, что концепция Демокрита была просто негреческой по происхождению. Действительно, чужеродность концепции Демокрита, ее неаутентичность греческим образцам и даже, может быть, греческому языку, на основании которого формировалась античная греческая философия, могла быть причиной непонимания этой концепции. Однако инокультурная концептуальность и смысловая чуждость его философии оказались плодотворны в том смысле, что их осмысление породило интереснейшие в философском отношении волны скептицизма и агностицизма.

Примечания

1. Асмус В.Ф. Античная философия. – М.: «Высшая школа», 1976. – С.138. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.sno.pro1.ru/lib/asmus/3-3.htm>.
2. Лурье С.Я. Демокрит: Тексты, перевод, исследования. – Л.: Наука, 1970. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/BIBLIOTECA/History_of_Philosophy/DEMOCRIT/Democrit.htm. № 58.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях древних философов. – 2-е изд., испр. – М.: «Мысль», 1986. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/05_d/dio/gen_07.htm#99.
4. Гомперц Т. Греческие мыслители. – СПб.: Алетейя, 1999. – Т.1. – С. 403.
5. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. – СПб.: Алетейя, 1996. – С. 69.
6. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты. – Баку, 1946. – С. 45.
7. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.sno.pro1.ru/lib/asmus/3-3.htm>.
8. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты... С. 41.
9. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях ... С. 343.
10. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты... С. 49.
11. Лурье С.Я. Демокрит: Тексты, перевод, исследования. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/BIBLIOTECA/History_of_Philosophy/DEMOCRIT/Democrit.htm.
12. Там же.
13. Там же.
14. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты... С. 227.
15. Асмус В.Ф. Античная философия ... С. 141-142.

16. Борхес Х.Л. Всемирная библиотека. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.lib.ru/BORHES/s14.txt>.
17. Лосев А.Ф. История античной эстетики. – Т.1. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/losev/iae1/index.htm>.
18. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/05_d/dio/gen_07.htm#99.
19. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты... С. 246.
20. Близким образом описывает атомы в системе джайнов С. Радхакришнан: (Индийская философия, том I, глава «Плюралистический реализм джайнизма»). [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/radha01/txt06.htm>.
21. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/05_d/dio/gen_07.htm#99.
22. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты... С. 249.
23. Там же – С. 246.
24. Там же.
25. Там же. – С. 245.
26. Крупнейшее и самое, пожалуй, авторитетное исследование на русском языке: Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты (Баку, 1946). Классические работы о Демокрите и его философии написаны: Асмус В. Ф. Демокрит (М.: МГУ, 1960) и Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования (Л.: «Наука», 1970). Многие последующие уже исходят из этих классических работ.
27. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/losev/iae1/index.htm> гл.7, § 1.
28. Этот аспект обсуждался выше, когда упоминался Борхес. А.Ф. Лосев, по-видимому, противоречит здесь позиции Маковельского («Древнегреческие атомисты», С. 243-244), где последний утверждает, что объектом критики Сократа относительно немеханистичности сложения слов из букв (что должно быть аналогией невозможности получения вещи путем механистического сложения) является именно Демокрит.
29. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/losev/iae1/index.htm> гл.1, § 2.
30. Там же. – гл.7, § 1.
31. Лурье С.Я. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/BIBLIOTECA/History_of_Philosophy/DEMOCRIT/Democrit.htm.
32. Вопрос о гносеологической позиции Демокрита тщательно рассмотрен у Маковельского в «Древнегреческих атомистах».
33. Лурье С.Я. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/BIBLIOTECA/History_of_Philosophy/DEMOCRIT/Democrit.htm.
34. Там же.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же.
38. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты... С. 193.
39. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/BIBLIOTECA/History_of_Philosophy/DEMOCRIT/Democrit.htm.
40. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/05_d/dio/gen_07.htm#99.

-
38. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/losef/iae1/index.htm> гл.1, §5.
41. Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. – М.: Наука, 1988. – С. 125, 133.
42. Там же. – С. 116.
43. Там же. – С. 112-198.
44. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. – М.: «Наука», 1985. – С. 280.
45. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты... С. 24.
46. Там же. – С. 190-191.
47. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/05_d/dio/gen_07.htm#99.
48. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.sno.pro1.ru/lib/asmus/3-3.htm>.
49. Там же.
50. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты... С. 23.
51. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности... С. 280.
52. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты... С. 23.
53. В.Г. Лысенко. Атомизм вайшешиков и атомизм Демокрита (Опыт сравнительного анализа) // Древняя Индия. Историко-культурные связи. – М., 1982. – С.187-201.
54. Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму... С. 164.
55. Там же. – С. 134.
56. Там же. – С. 137.
57. Там же. – С. 141.
58. Там же. – С. 150.
59. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/losef/iae1/index.htm> VII, §1.
60. Там же. – VII, §5.
61. Там же.
62. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты... С. 172.
63. Из курса философии все, вероятно, помнят о материалистической «линии Демокрита» и идеалистической «линии Платона». Сравнению этих линий посвящены многие статьи, фрагменты и даже книги, например, А. Любищев. Линии Демокрита и Платона в истории культуры – М., Алетейа, 2000.
64. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/losef/iae1/index.htm> VII, §2.

А.А. Хадынская

**«БАЛАГАНЧИК» А. БЛОКА
В ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Г. ИВАНОВА**

О влиянии А. Блока на Г. Иванова уже говорилось в ряде исследований, в частности, этому посвящена одна из частей диссертации Н. А. Кузнецовой «Творчество Георгия Иванова в контексте русской поэзии первой трети XX века» [1]. Исследователь выявляет это влияние, главным образом, в его эмигрантской лирике, с опорой на дневниковые и мемуарные свидетельства уже зрелого поэта. Относительно ранней лирики имеется лишь мысль о том, что петербургский период творчества ознаменован «изначальным влечением к смерти», что «бросает отсвет на все творчество поэта», и акмеизм Г. Иванова «является менее всего «тоской по мировой культуре» ради утверждения самой мировой культуры», а «акмеистические «вещественность» и «ретроспективизм» – это лишь попытка преодоления небытия, своего рода борьба со смертью» [2]. Думается, что тема смерти, действительно, главная у Г. Иванова, в ранней лирике не только не звучит в полный голос, но и имеет рокайльную трактовку: признание ее наряду с жизнью как неизбежное следствие земной природы человека, не трагичное, иногда ироничное к ней отношение в силу пребывания в спасительном лоне культуры. Умирание осознается поэтом как естественный процесс, порой возвращение в землю интерпретируется мифологически как растворение в природе, как например, в сборнике «Сады» [3]:

*... я травой и облаком был,
Человеческим сердцем я тоже когда-нибудь буду.*

*Что твое драгоценное тело, увь,
Полевыми цветами и глиною станет.*

Влияние А. Блока, действительно, как верно считает Н.А. Кузнецова, наиболее ощутимо в зрелом творчестве поэта, но и в раннем, что ускользнуло от внимания исследователя, оно тоже имеется. Касается оно, прежде всего, стихотворений Г. Иванова с тематической направленностью.

Блоковская лирическая драма, как убедительно доказано О.Ю. Неволиной [4], в свою очередь, в качестве литературного ориентира имеет русскую классическую драму. С драматургией А.С. Пушкина («Маленькие трагедии») его роднит стремление к циклизации, сложность и глубина переживаний, имеющих бытийные масштабы, вложенные в «маленькую форму». С М.Ю. Лермонтовым – романтическое ощущение «нераздельности и неслиянности» (по определению самого А. Блока), разлада мечты и действительности, «лица» и «маски» в маскараде (балагане) жизни, трагизм самопостижения. А.Н. Островский, разработавший особый конфликт, во многом предвосхитил искания А. Блока – «невозможность проникновения гармонии «мирового» в обыденную жизнь и ... приобщение индивида к гармонии «мирового» [5], а также мифологизация быта, формирование особой «историко-лирической драмы», которая найдет продолжение в исторических картинах А. Блока и даже перерастет у него в метаисторическое мышление. Исследователь

считает лирическую драму А. Блока наивысшей формой развития синтеза литературных родов, намечавшуюся в драматургии XIX века, имеющую философскую подоплеку, выраженную в главной теме всех драматургических произведений поэта – теме осмысления роли человека в мироздании.

В своем видении нового театра А. Блок был далек от Чехова, искавшего «новые формы», он, по точному выражению Н.И. Фадеевой-Ищук, выступал за «реанимированный традиционный театр с его твердыми канонами» [6]. «Смерти события» поэт противопоставляет старую добрую мелодраму. Еще один путь возрождения театра у Блока – обращение к народному театру. Его «Балаганчик», посвященный Мейерхольду, – одна из самых сложных пьес автора. Она ориентирована на традиционный русский театр (балаган), но содержит глубокую иронию благодаря соотнесению двух планов – мистического (Пьеро, Арлекин, Коломбина) и плана Автора, дающего комментарий происходящему и выступающего в роли «интерпретатора» собственного текста в пределах этого же текста» [7]. Верно, с нашей точки зрения, объясняет своеобразие блоковской драматургии Н.И. Фадеева-Ищук, определяя главный эффект в блоковской драме несовпадением события и рассказа о нем, уже изложенной истории и реакции на нее, это реакция на «особое смешение смешного и страшного», что и делает его театр собственно лирическим [8]. Далее исследователь отмечает, что если народный театр снимал страх смехом, то у Блока Смерть – иной лик Вечной Женственности, и смех уже не играет у него этой своей роли. Соотношение двух планов, мистического и авторского, рождает эффект трагической иронии. Двоящийся мир превращает мир трагедии в пародию, в фарс, в балаган, когда вместо крови течет клюквенный сок. Объектом пародии становится символистский театр, удаливший драму от «мира, стремящегося к точным очертаниям и точным оценкам» [9].

«Талант двойного зренья», присущий Г. Иванову, его принципиально ироничный взгляд на мир и, в целом, трагическое восприятие действительности во многом объясняет пристальное внимание поэта к А. Блоку как к лирику с близким ему типом мироощущения. Но ранняя лирика Г. Иванова с ее тяготением к пасторальности «усваивает» блоковскую поэтику под определенным углом зрения, ее глубокий трагический пафос будет воспринят поэтом далеко не сразу.

Стихотворения Г. Иванова на театральную тематику составляют некий микроцикл из шести текстов, размещенных в двух сборниках: «Я кривляюсь вечером на эстраде...» и «Актерка» (из «Вереска») и «Болтовня зазывающего в балаган», «Фигляр», «Прохладно... До-ре-ми-фа- соль...», «Бродячие актеры», «Путешествующие гимнасты» (из «Лампады»). Лирический герой в них имеет несколько ролевых масок. Для их выявления сравним отрывки из двух стихотворений из разных сборников:

«Вереск»

Я кривляюсь вечером на эстраде,
Пьеро двойник.
А после, ночью, в растрепанной тетради
Веду дневник.

(«Я кривляюсь вечером на эстраде...»)

«Лампада»

Вот я ломака, я Пьеро,
Со мною Арлекин.

(«Болтовня зазывающего в балаган»)

В стихотворении «Болтовня зазывающего в балаган» лирический герой не выходит за рамки своей маски, он выкрикивает слова, пытаясь заразить публику весельем («Любовь, веселье и уют!») – эта строка завершает каждую строфу), называет себя «ломакой» и «Пьеро». В стихотворении «Я кривляюсь вечером на эстраде...» запечатлен момент снятия маски, за которой скрывался актер «без грима». Он ведет дневник и называет себя «Пьеро двойник». Но на самом деле оказывается, что это тоже маска, уже «актера, ведущего дневник»! Его записи свидетельствуют не о сложном рефлексивном процессе в душе актера, как можно было бы ожидать, а об ограниченности его духовного мира, о чем и говорится далее:

*Сколько получил я за день затрецин
И улыбок сколько.*

.....
*Что было на ужин: горох, картофель,-
Все ем, что ни дашь!*

Его «дневниковая» жизнь – тот же театр, с его фальшью и лицемерием:

*Запись окончу любовными мольбами,
Вздыхну не раз.*

Настоящие чувства вряд ли возможны, тонкая авторская ирония говорит нам об этом. Отблеск этой иронии падает и на стихотворение «Болтовня зазывающего в балаган», становится очевидной мишурность этой жизни, зазывность «болтовни» оборачивается пустотой, похожей на нутро театральных кукол. Персонажи итальянской комедии, упоминаемые в этом стихотворении, в оригинале имеют заданную одномерность характеров; проецируемые на современную жизнь, они демонстрируют бесцельность, «миражность» такого существования. Подтверждением этого могут служить строки стихотворения «Стансы» из сборника «Отплыть на о. Цитеру»:

*Маскарад был давно окончен,
Но в темном зале маски бродили,
Только их платья стали тоньше,
Точно из дыма, точно из пыли.*

В театральном контексте Г. Иванова «дым» и «пыль», обволакивающие персонажей, затрудняют различение ими игры и реальности.

В своих театральных зарисовках Г. Иванов как раз обращается к варианту народного театра, не получившего в полной мере развития в лирике А. Блока. Смешное здесь явно превалирует над страшным, а иронический план соотнесения автора и героев не так явлен, так как лирический герой носит маски, иронический эффект рождается в читательском восприятии, когда нарочитое нагромождение бравадных выкриков и балаганных «зазывных» формул начинает открыто себя обнаруживать. Подавление страха смерти смехом как традиционная основа площадного театра представлена у Г. Иванова ярко и выпукло, но она сглаживается тонкой авторской иронией:

*Приятно тела восковые
Гвоздем раскаленным колоть:
Трепещут они, как живые,
Нежны, как живая плоть.*

*Я сердце когда-то измучил,
И стало негодным оно,
А пытки для глупых чучел
Выдумывать – так смешно.*

В блоковском «Балаганчике» Автор говорит, что он «писал свою драму не для балагана» [10], его литературные комментарии все время пытаются вернуть драму в лоно реалистической пьесы с сюжетной ситуацией «любовного треугольника».

Герои Г. Иванова лишены внутреннего мира, предельно «овнешнены», похожи на тех картонных кукол, с которыми они дают представления. Высокий трагизм блоковских героев снимается открытой балаганной ситуацией. Например, реплика Арлекина из «Балаганчика», обращенная к Коломбине, невесте Пьеро, в блоковской трактовке – Смерти (далее в стихотворной цитате в тексте выделено нами – А. Х.) [11]:

*Жду тебя на распутьях, подруга,
В серых сумерках зимнего дня!
Над тобою поет моя вьюга,
Для тебя бубенцами звеня!*

С темой смерти связан и монолог фигляра из одноименного стихотворения Г. Иванова, завершающийся словами:

*Я детские песни играю,
В карманах ношу леденцы,
И, если я умираю,
Звенят мои бубенцы.*

Теме смерти часто у Блока сопутствует тема холода в разных ее вариациях: зима, лед, снег, ветер, вьюга. У Г. Иванова полный трагического смысла «лед» превращается в «леденец» – спутник детских песен. Звенящие бубенцы символизируют смерть, но в ивановской интерпретации в ней нет трагизма, она «понарошку», как гибель картонной куклы под бутафорской пилой, описанная в тексте чуть выше. В стихотворении «Болтовня зазывающего в балаган» образ Коломбины оказывается также травестированным: «Вот Коломбина, что не дышит (символ смерти! – А. Х.) // Когда любовники уснут», она развлекается с Паяцем.

Выдержанный в традиции балагана, народного театра микроцикл Г. Иванова обнаруживает еще одну ориентацию – на культуру рококо. В стихотворении «Бродячие актеры» лирический герой, носящий маску странствующего актера, уставший после утомительного перехода, останавливается со своими спутниками на привал, и, спрятавшись от них за деревом, предается любовным мечтам:

*Распаковывает Берта
Тюк с едою и вином.
Край лилового конверта
Я целую за стволлом.*

Типичная рокайльная деталь, целование любовного письма, придает повествованию оттенок некоторой пикантности: послание явно от любовницы, наивная Берта и не

подозревает о ее существовании. В балаганном театре, равно как и в блоковском, эта деталь появиться не могла, смешение разных культурных контекстов и особенное пристрастие к культуре рококо – уже особенность мировидения Г. Иванова. Рокайльный контекст переводит театральную тему в литературную игру на узнавание типичных культурных клише, известные персонажи итальянской комедии дель-арте у Г. Иванова откровенно декоративны, масочны, в противовес А. Блоку, наполнившему их символистским содержанием. Вместе с тем, на первый план у Г. Иванова выходит ироническое отношение к описываемым эпизодам из жизни бродячих актеров, которое не сразу определимо, но которое дает ключ к прочтению театральной темы как игры культурными контекстами. Высокая трагическая ирония Блока символистского толка травестируется Г. Ивановым, обращается в иронию рокайльную, легкую, трагизм снимается обращением к традиции рококо, что характерно для раннего творчества поэта в целом.

Примечания

1. Кузнецова Н. А. Творчество Георгия Иванова в контексте русской поэзии первой трети XX века: дисс. канд. фил. наук. – Магнитогорск, 1999.
2. Там же. – С. 131-132.
3. Иванов Г. В. Собрание сочинений: в 3-х тт. – М.: «Согласие», 1994. – Т. 1. (Здесь и далее цитаты по этому источнику без указания страницы).
4. Неволина О.Ю. Драматургия А.А. Блока и традиции русской классической литературы. // Александр Блок и мировая культура: Мат-лы научн. конф. 14-17 марта 2000 г. / НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2000. – С. 215-223.
5. Там же. – С. 219.
6. Фадеева-Ищук Н. И.. «Театр ближайшего будущего» А. Блока». // Александр Блок и мировая культура: Мат-лы научн. конф. 14-17 марта 2000 г. ... – С. 95.
7. Там же. – С. 98.
8. Там же. – С. 100.
9. Там же. – С. 99.
10. Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр. / Биб-ка Всемирной Литературы. – Серия третья. – Том 138. – М., «Художественная литература». – С. 651.
11. Там же. – С. 654.

ИНТЕРВЬЮ

Захар Прилепин

**«МЫ – ПЕРИФЕРИЙНАЯ ДЕРЖАВА,
ПОДЪЕДАЮЩАЯ ОСТАТКИ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО»**

Захар Прилепин (настоящее имя – Евгений Николаевич Лавлинский) – яркий, самобытный, перспективный молодой писатель, безусловно, заметная и неоднозначная фигура в современной российской прозе последних лет. С известным писателем беседовала Марьяна Мархинина, корреспондент газеты «МК»-Югра.

Захар Прилепин родился 7 июля 1975 года в д. Ильинка Рязанской области. Окончил филологический факультет Нижегородского госуниверситета. Сменив несколько профессий (работать начал с 16 лет грузчиком в хлебном магазине), побывав в Чечне и Дагестане (в 1996 и 1999 гг. в составе ОМОН), в 2003 году он дебютировал как поэт в газете «День литературы».

Он является автором неоднократно переиздававшихся романов «Патологии» (2005), «Санька» (2006), сборника рассказов «Грех» (2007) и других. Колумнист журналов «Русская жизнь» и «Огонёк». Член редколлегии журнала «Дружба народов». Секретарь Союза писателей России. Сопредседатель Гражданского литературного форума России. Член национально-большевистской партии РФ. Романы Прилепина переведены на девять языков, отдельные книги выходили в Китае, Франции, Польше.

Прилепин пишет ярко, жестко, узнаваемо. У него свой, самобытный взгляд на русскую историю, русскую политику, «русскую правду». Сегодня он редактор нижегородского «Агентства политических новостей», генеральный директор «Новой газеты в Нижнем Новгороде». С июля 2009 года – ведущий собственной программы «Старикам здесь не место» на интернет-телеканале «PostTV».

На интервью Захар согласился легко, без лишнего жеманства. Ответы на вопросы выслал из Польши – даже раньше, чем обещал. Финалист премий «Русский Букер» и лауреат премии «Национальный бестселлер» Захар Прилепин, отвечая на вопросы корреспондента, рассуждает о патриотизме, русском языке, национальной самобытности.

М.М.: Современная молодежь почти не читает. Книга перестала быть одним из источников развлечения и получения удовольствия. Каков, таком случае, смысл работы писателя в России?

З.П.: Современная молодежь читает меньше, чем в 1987 году, но больше, чем в 1912-м и гораздо больше, чем в 1830-м. Значит ли это, что смысл работы Пушкина или Льва Толстого был меньший, чем смысл работы Владимира Войновича или Анатолия Рыбакова, чьи сочинения во времена, предшествующие распаду СССР, читали в каждой третьей семье, в том числе активно читали их и молодые люди? Нет, не значит. Знаете, социологи говорят, что для политических, культурных, социальных взрывов нужно 4-5 процентов активных людей на всю нацию. 4-5 процентов читателей у русских литераторов сегодня есть.

М.М.: То есть, этого уже достаточно?

З.П.: Вполне. Надо делать своё дело, и, даст Бог, будут всходы.

М.М.: Какова, на ваш взгляд, цель реформы русского языка? Убедительны ли доводы, которые приводятся в пользу этой реформы?

З.П.: Недавние государственные «реформы» в сфере языка никаких особенных эмоций не вызывают: ни раздражения, ни уважения. Кофе – да, может быть, теперь и среднего рода, но мужской род остался предпочтительным. Мне кажется, всякая языковая реформа должна на полшага опережать развитие языка, а не плестись в хвосте у не самой образованной части нации. Сегодня существует острейший запрос на создание укоренённого в русском языке словаря технического, связанного, в том числе, и с мировой Сетью.

М.М.: Создана комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. Как вы считаете, что именно фальсифицируется в ущерб нашим национальным интересам?

З.П.: В деятельность этой комиссии я не верю. Фальсифицируется, а точнее сказать, подаётся однобоко, десакрализируется советская история, которая, в сухом остатке, величественна и великолепна, вопреки всем «но». Однако верить в то, что величайший фальсификатор советской истории Сванидзе будет бороться с фальсификаторами советской истории – это как-то нелепо.

В чём заключается их деятельность – я не знаю. Но если в учебники ввели фрагменты книги «Архипелаг ГУЛАГ», книги, имеющей серьёзные фактические ошибки, значит, комиссия занимается пока не тем, чем надо.

М.М.: Что такое патриотизм, по-вашему?

З.П.: Патриотизм – это сбережение не только своей Родины в её географических границах (а желательно, и расширение этих границ), но и сбережение национальных мифов, так или иначе составляющих структуру, необходимую для существования нации. Когда на исходе 80-х нас начали убеждать, что Гагарин не летал в космос, Космодемьянская была пьяная и заблудилась, Матросов был опущен на зоне и подвигам не совершал, Отечественную войну мы выиграли кровью и вопреки бездарным маршалам и генералам – всё это было (и остаётся) преступлением против нации. Ни одна западная держава никогда не позволит так глумиться над собой.

Вы думаете, во Франции многие знают, что количество погибших французов, сражавшихся за фашизм, превышает количество погибших французов, сражавшихся в Сопротивлении? Между тем, во французских учебниках истории пишут, что во второй мировой войне победили «США, Франция и Россия».

Мало того, имея в национальной истории куда меньшее количество побед, любая европейская страна культивирует такие малые подвиги, о которых в России вообще бы не вспомнили.

Наконец, патриотизм – это элементарное умение различать реальную мифологию и псевдомифологию. Мифологию и симулякр. Таковым, например, является активно насаждаемая мифология о величии нынешней России. Надо отдавать себе отчёт не только кем мы были, но и кем являемся. На сегодняшний день мы периферийная держава, подъедающая остатки советского прошлого. То, что мы вышли в Интернет, у всех по два мобильных телефона, а у каждого второго – по иномарке, вовсе не делает нас великой державой.

М.М.: Север фактически - «сырьевой придаток» России. Каковы, на ваш взгляд, перспективы (экономические, политические) нашего региона?

З.П.: Я думаю, не стоит отделять перспективы Севера от перспектив Юга или, например, Рязанской области. Мы все, так или иначе, сырьевой придаток – и перспективы наши невеселы. К тому же мы не плодимся и всё время киваем на Запад – мол, там тоже люди не хотят размножаться.

На сегодняшний день земля - основное наше богатство. Чтоб у нас были хоть какие-то перспективы, на этой земле должны жить (и желательно работать) русские люди.

М.М.: Вы верующий человек?

З.П.: Присутствие Бога очевидно. Не верить в Его силу – равносильно слепоте и глухоте.

М.М.: У вас трое детей – вы не боитесь за их будущее? Или все-таки опасаетесь? Что, по-вашему, ожидает нашу страну через пару десятков лет?

З.П.: Если не будет государственного переворота или (что куда сомнительнее) революции сверху, Россия через 25-40 лет перестанет существовать как географическая данность. И национальная тоже. Проще говоря, это будет нерусская страна и гораздо меньшая в размерах. Посему ответ: за детей боюсь.

М.М.: Откройте секрет, над чем сейчас работаете (я имею в виду литературное произведение)?

З.П.: Роман «Чёрная обезьяна», злой, про людей. Уравновешиваю им своё непотребно счастливое состояние и неумеренное человеколюбие.

БЛИЦ-ОПРОС

- *Любимое высказывание:*

- Русским должны все, русские не должны никому. Санька (главный герой романа «Санька» – прим. ред.) так говорил, земля ему пухом.

- *Любимая ТВ-программа:*

- Моя, которую я веду – «Старикам здесь не место», Интернет-канал «Post TV».

- *Какую игрушку вы бы никогда не купили своим детям?:*

- Ой, не знаю. Куклы Барби мне не нравятся. Но если дочка попросит – куплю, наверно. Они, знаете, играют минут сорок, а потом забывают про игрушки. У них книги самое главное. Поэтому всё равно...

- *Как предпочитаете отдыхать?*

- В деревне на реке Керженец, на белом песке у воды, окружённый детьми, друзьями, напитками.

Т.В. Вымекаева:

«ГЛАВНОЕ – ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ...»

Гость нашего журнала – Татьяна Витальевна Вымекаева, заведующая лабораторией психофизиологии и психологии обучения СурГУ. Беседу провела Яна Сергеева, студентка 2 курса факультета социальных технологий.

Я.С.: Татьяна Витальевна, скажите пожалуйста, чем привлекает выбранная Вами профессия?

Т.В.: Возможностью помогать людям.

Я.С.: Помимо психологического образования, имеете ли Вы еще какое-либо другое?

Т.В.: Да, первое образование у меня – музыкальное. Я окончила Московское музыкальное училище.

Я.С.: Почему же пошли учиться далее на психолога?

Т.В.: Я отработала музыкантом десять лет и поняла, что учить детей музыке по традиционной школьной системе я не могу и не буду, а по-другому тогда не умела. И мне показалось, что на факультете психологии можно найти ответы на все интересующие меня вопросы. Поэтому я выбрала вторым психологическое образование.

Я.С.: Татьяна Витальевна, почему Вы выбрали профессию преподавателя?

Т.В.: Вообще преподавателем я стала случайно. Когда я училась, факультет психологии только начинал формироваться, и преподавателей на тот момент было мало или же они были приезжими. Все основные курсы нам читали преподаватели из МГУ. Помимо основных занятий, должны были проходить различного рода практикумы, семинары, поэтому я одновременно училась на очно-заочном отделении и преподавала. Получалось так, что сначала я слушала свои лекции, а потом шла проводить семинары со студентами.

Я.С.: Как вам удавалось совмещать и учёбу, и преподавание?

Т.В.: Было, конечно, сложно, и объём работы большой, и к тому же у меня был двухгодовалый ребёнок, но было очень интересно. Меня окружали удивительные учителя. Люди, которые меня учили, были профессионалами мирового уровня. Мой учитель, который создал наш факультет психологии, Вадим Борисович Хозиев, проживает в настоящий момент в Москве, но я продолжаю общаться с ним, иногда даже читаю лекции на факультете, который он организовал в Дубне. И до сих пор этот человек продолжает оставаться моим учителем.

Я.С.: Расскажите о Ваших научных интересах.

Т.В.: Научные интересы у меня достаточно широкие, но со временем этот круг начинает сужаться. Я понимаю, что все психологические проблемы в основном зарождаются ещё в перинатальном периоде, то есть в период вынашивания ребёнка и в раннем возрасте. В это время закладываются достаточно мощные бессознательные механизмы, которые формируют фундамент личности. Поэтому все мои исследования, курсовые и дипломные работы проходят в направлении психологического сопровождения беременности и родов и сопровождения раннего развития. Я занимаюсь маленькими детьми с момента рождения, и, по большому счёту, мы учимся с родителями взаимодействовать с ребёнком и понимать его уже буквально с первых дней жизни, а не тогда, когда он начинает сознательно говорить. И в этом же возрастном диапазоне меня интересуют серъёз-

ные проблемы, с которыми родители столкнулись уже как с данными от природы. Например, есть направление работы с детьми с диагнозом ДЦП, также с так называемыми «гиперактивными» детьми, которых в наше время становится всё больше. С такими детьми тоже необходимо учиться общаться, по-особому воспитывать. Такому ребёнку нужно дать средства для управления своей активностью. И если вовремя направить их энергию в «мирное русло», то из них часто получаются талантливые люди в определённой деятельности. И ещё одно научное направление связано с психологией управления. Поскольку в свое время мы вместе с Еленой Викторовной Иванчиной выполняли крупный заказ от «управленцев» и руководителей компании «Сургутнефтегаз», то специально для них мы создали психологический курс. В настоящее время руководители многих организаций понимают, что от работы психолога можно получить много пользы для производства.

Я.С.: Какие учебные дисциплины Вы преподаёте?

Т.В.: Я преподаю педагогическую психологию, так как считаю, что это третий фундаментальный курс наравне с общей и возрастной психологией. Мы говорим, что психика – это механизм присваивания опыта, педагогика – наука об обучении, а обучение – это и есть само присвоение общечеловеческого опыта. Этот курс является очень важным для меня, так как я читаю курс моего учителя. Следующий предмет – это психология управления. Стараюсь дать этот курс по большей части как практический. Вместе со студентами мы просматриваем опыт некоей управленческой деятельности, как на лекциях, так и на семинарах. Также веду курс по проектной и продуктивной видам деятельности. Этот курс является «изюминкой» нашего факультета, так как эту дисциплину преподают ещё только на факультете психологии в МГУ. Суть этого направления работы – это достаточно глубокая психологическая работа по формированию определённого опыта. Такие проектные курсы ведутся, начиная с раннего возраста и заканчивая пожилыми людьми. Зачастую эти проекты реализуются в клиниках, где находятся взрослые люди с хроническими, онкологическими и другими тяжёлыми заболеваниями. Когда человек узнаёт о своём страшном диагнозе, то сразу теряет вкус к жизни, у некоторых возникает ощущение ненужности. Задача проекта – сделать так, чтобы их опыт актуализировался, чтобы они осознали и поняли, что очень интересно прожили свою жизнь, поделились воспоминаниями друг с другом. Этот проект является неким аналогом западных психотерапевтических групп, но, в то же время, мы не говорим людям, что их надо как-то «психологически лечить», а объясняем, что жизнь продолжается дальше, ставим перед людьми новые цели и помогаем достигать их, двигаемся вперёд. В этом случае болезнь начинает отступать или уходит на второй план. И когда человек психологически начинает оживать – это самая большая награда для профессионала.

Я.С.: Вы заведуете лабораторией психофизиологии и психологии обучения. Для каких целей она создана?

Т.В.: Прежде всего, лаборатория является научной и учебной. На ее базе проводятся дипломные и диссертационные исследования, создаются условия для преподавателей, чтобы они имели возможность вести психологическую практику. Это и является сверхзадачей лаборатории. А второе, конечно же, помочь студентам в профессиональной ориентации. В большей мере это работа со студентами первого курса. Для них также отдельно создаются проекты для вхождения в профессиональную деятельность. На каждом этапе их обучения возникает очень сложный психологический кризис, и мы предоставляем им необходимую помощь в виде консультаций. Также существуют другие проекты, которые

предлагаются на разных курсах. И в зависимости от того, что беспокоит, волнует студентов на каждом этапе профессионального развития, зависит и создание проекта. В лаборатории также ведётся работа с так называемыми «трудными детьми» с нейропсихологическими заболеваниями, то есть с диагнозами эпилепсия, аутизм. Но, к сожалению, немногие родители готовы психологически развивать своего ребёнка, скорее они уповают на врачей. Иногда лечение длится годами. В лаборатории дети занимаются вместе с родителями, и взрослые понимают, что эти занятия очень помогают их ребёнку. Главной задачей является социализация этих детей, чтобы они хоть как-то в обществе могли чувствовать себя комфортно. Это является достаточно сложной и кропотливой работой, за неё мало кто берётся. Сначала ведётся индивидуальная работа с детьми, а затем создаются мини-группы по 3-4 человека, где дети учатся взаимодействовать. Иногда нам задают вопрос: «А сколько детей проходит лечение в вашей лаборатории?». Я всегда отвечаю, что если взять хотя бы одного такого тяжелобольного ребёнка и поработать с ним пару лет, то только тогда можно понять, какой это труд.

Я.С.: В лаборатории находится много детских рисунков и поделок. С какой целью эти работы выполняются?

Т.В.: Мы считаем, что любая продуктивная деятельность способна помочь детям выйти из своей психологической проблемы или даже развить ребёнка с клиническим диагнозом. Я думаю, что это помогает не только детям, но и взрослым, которые приходят к нам на консультации. Они в каком-то смысле становятся более расслабленными, и это помогает им получить энергию жизни и заставляет двигаться дальше, решая свои проблемы.

Я.С.: Как вы думаете, какими профессиональными качествами должен обладать каждый психолог?

Т.В.: Я думаю, первое, без чего нельзя обойтись в профессии психолога, – любовь к людям, потому что иногда приходится сталкиваться с очень трудными ситуациями и историями. Принять человека со всеми его негативными сторонами и проявлениями бывает достаточно сложно. Главное – любить людей, принимать их такими, какие они есть, и, конечно, желание работать, тогда всё задуманное обязательно получится.

Я.С.: С какими проблемами чаще всего люди обращаются в вашу лабораторию?

Т.В.: Студенты обращаются с проблемами независимости от родительской опеки, с вопросами любовных переживаний. Чаще мы помогаем студентам в вопросах учебной деятельности. Иногда обращаются с серьёзными психологическими травмами, идущими ещё от детства, не только студенты, но и взрослые люди. Также актуальны вопросы поиска своего жизненного пути, полного отсутствия целей и мотивации к обучению, а иногда и в целом к жизни. Взрослые люди, как правило, идут с проблемами своих детей, и те из них, кто настроен на продуктивную психологическую работу, начинают работать и над собой, так как быстро понимают, что многие проблемы их детей кроются в них самих. Если родитель готов стать счастливым и справиться со своими проблемами, то ребёнок рядом с ним тоже обретёт счастье.

Я.С.: Как Вам удаётся совмещать преподавательскую деятельность и работу в лаборатории?

Т.В.: Я бы сказала, что они взаимно дополняют друг друга, для меня это единый контекст. Всё, что происходит у меня в учебном процессе, я обязательно приношу в лабораторию, и, наоборот, в лаборатории пытаюсь создать условия для всего того, что оказывается необходимым в преподавательской деятельности.

Я.С.: Есть ли у Вас какие-нибудь увлечения в свободное от работы время?

Т.В.: У меня много разных увлечений. Но нет таких, которые бы существовали отдельно от моей профессиональной деятельности. Всё мои увлечения – это освоение новых видов деятельности. Вот сейчас, например, я занимаюсь плетением кукол, осваиваю традиции русской народной культуры, в которой много удивительных сторон. Плетение оказывается предметом некой психотерапии. Люблю спорт, а главное, наверное, люблю учиться. Работа как-то очень органично вплетается в мою жизнь и совпадает с увлечениями.

Я.С.: Татьяна Витальевна, что бы Вы хотели пожелать студентам факультета психологии?

Т.В.: Хотела бы пожелать блеска в глазах, искры любопытства и интереса к этой жизни, к людям, к детям. Желая, чтобы им было по-настоящему интересно жить и чтобы они обрели любовь к жизни во всех ее проявлениях.

ВЕСТИ ИЗ ЛАБОРАТОРИЙ*И.В. Осокина***ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ
С ПОЗИЦИИ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА**

Учебно-воспитательная и методическая работа на психологическом факультете направлена на организацию студенческого самоуправления, повышение ответственности и коммуникабельности студентов. При этом необходимо обязательно учитывать конечную цель обучения. Важными качествами личности, которые должны быть сформированы в период студенчества, являются: партнерские отношения с однокурсниками, взаимодействие и взаимопомощь с учетом личностных качеств каждого члена группы, его бытовых и семейных условий, а также профессиональные качества.

Грамотное сочетание различных форм взаимодействия психологической службы со студенческими образованиями помогает найти механизмы и пути решения проблем студентов силами самих студентов, что позволяет развивать их инициативу не только в рамках учебного заведения, но и за его пределами. Одной из основных целей внеучебной деятельности психологической службы факультета психологии является постоянное развитие и совершенствование форм, методов и средств внеучебного процесса для успешного формирования личности будущих специалистов.

Важными задачами взаимодействия психологической службы СурГУ и студенчества являются:

- поиск и включение в общественную работу социально активных студентов, а также стимулирование их деятельности в студенческих объединениях;
- создание единого информационного пространства для студентов и преподавательского состава вуза;
- разработка предложений и рекомендаций по совершенствованию внеучебной работы;
- организация внеучебного процесса, связанного с художественно-творческой деятельностью, проведение творческих мероприятий (семинаров, конкурсов, выставок);
- помощь адаптации к новой системе обучения (1 курс);
- профилактические действия асоциальных явлений в студенческой среде;
- взаимодействие с правоохранительными органами (профилактика, реабилитация);
- помощь в решении возникающих проблем в студенческих семьях;
- участие в поддержке малообеспеченных категорий студентов;
- помощь в организации досуга, культурного отдыха и психологического оздоровления студентов;
- помощь в трудоустройстве студентов и выпускников (решение проблемы занятости);
- поиск и организация эффективных форм самореализации студентов.

В нашем понимании психологическое консультирование предполагает целенаправленное создание у подопечного полноценной ориентировки, способствует разрешению жизненных проблем. Можно выделить две основные формы психологической работы, отвечающие принципам теории и методологии отечественной психологической школы. Во-первых, это групповое консультирование, выстроенное в логике проектной формы обучения, во-вторых, индивидуальное консультирование, построенное по принципам планомерно-поэтапного формирования. Эти две формы работы имеют единую стратегию, единые цели и задачи, но разную тактику развертывания консультативного процесса.

Психологическое консультирование предполагает развертывание необходимых условий для нового этапа развития подопечного (личности, семьи, группы), поэтому само консультирование, скорее всего, выглядит как сложное, многоуровневое формирование новых форм бытия и отношений. На этом пути существуют различные возможности моделирования новых форм постижения проблем, новых путей в осмыслении ситуации, саморегулировании отношений и своих собственных реакций на окружающих и др. Психологическое консультирование должно, опираясь на наличную ситуацию, реконструировать историю развития подопечного в его развивающейся социальной ситуации и на основе этого строить ее будущее. Работа психолога-консультанта с подопечным – это совместная деятельность по построению ориентировки в ситуации, моделирование и «мыслительное» экспериментирование при выборе позиций и решений.

Групповое консультирование, построенное в логике проектной формы обучения, предполагает решение личностного конфликта и изменяет социальную ситуацию развития человека. Но система ориентировки в ситуации при проектной форме консультирования уже известна и дана психологу изначально. Он *сам* задает проектную цель, предлагает материал для моделирования в виде серии задач. Эту ориентирующую систему *он* предоставляет подопечным в качестве средства для осознания и структурирования их материала, их ситуации. Предполагается, что по окончании работы все подопечные будут иметь все психологические средства, интериоризированные в процессе консультирования, которые предложил психолог, т.е. то, чем владел сначала только психолог, будет общим достоянием и инструментом. Это можно именовать освоением средства, а не присвоением.

Каждый их участников проекта пребывает на разном уровне движения в понимании и решении проблемы. Поэтому для одних такая ориентировка, которую предлагает психолог, будет уже являться собственным средством и поэтому не будет актуальной, для других она может являться целью, и эти подопечные будут наиболее эффективно и мотивированно работать. Для остальных эта ориентировка не будет находиться даже в зоне ближайшего развития, что не позволит применить ее в качестве средства для решения проблемной ситуации подопечного. Именно такая ситуация позволяет шагнуть на новый уровень рефлексии.

В случае *индивидуального психологического консультирования* психолог-консультант владеет только стратегией построения ориентировки, т.е. общими психологическими знаниями; ситуация же, с которой необходимо работать, и проектная задача задаются подопечным в виде запроса. Меняется сама тактика построения ориентировки. Ориентировка строится психологом здесь и сейчас из конкретного, а не абстрактного материала, из запутанных, противоречивых, субъективных, эмоционально окрашенных сведений о жизни подопечного. Логика движения психологической работы изначально конкретно-ситуативная, и только по мере обоюдной ориентировки в материале происходит расширение уровней контекста, выход на все более абстрактные уровни обсуждения и расширение сферы переноса ориентировки.

Исходя из *анализа обращений* студентов и преподавателей вуза в психологическую службу СурГУ при лаборатории психофизиологии и психологии обучения, мы сделали определенные выводы и разработали определенные методы взаимодействия студентов и преподавательского состава, которые позволяют процесс обучения в вузе сделать психологически более комфортным. Психологическое здоровье участника учебного процесса значительно влияет на качество усвоения знаний, на удовлетворенность процессом обучения и преподавания, а также на возможности самореализации в этом процессе.

Запросы о психологической помощи можно разделить на следующие группы: проблемы взаимоотношений в студенческой среде, в преподавательском составе; трудности молодых студенческих семей; личностные трудности; психологическое здоровье; потеря мотивации обучения, проблемы процессов памяти, внимания, мышления, а также наркомания, трудоустройство и профориентация.

В семейном консультировании семья рассматривается как целостная система, которая стремится к сохранению сложившихся связей, а также к их эволюции. *Семейная психотерапия* – это система психологических воздействий. С генетической точки зрения, семья представляет собой продукт социальной эволюции. Семья вчера и сегодня – это разные системы, завтрашняя семья, в свою очередь, будет отличаться от нынешней. Структура семьи с течением времени постепенно меняется в зависимости от социальных и культурных перемен. Тот факт, что современная семья представляет собой гораздо более свободную во всех отношениях группу, чем когда-либо в прошлом, в определенной мере обусловлен социальными и экономическими преобразованиями. Семья не есть нечто статичное, напротив, семья представляет собой живую, развивающуюся, постоянно меняющуюся, гибкую систему. Подобно тому, как существует возраст человека, можно говорить и о возрасте определенной семьи, проходящей на протяжении своего существования различные стадии. На протяжении всех этапов жизни семьи ее эмоциональное единство подвержено воздействию как внешних, так и внутренних факторов. Подобно существованию поворотных точек в процессе развития индивида, для жизни семьи также характерны критические моменты, которые могут привести к укреплению или ослаблению семейных уз.

Наиболее частые обращения студентов, составляющих *молодую семью*, связаны с проблемой психологической неготовности преодолевать возникающие трудности, среди которых большая часть связана с внутренней организацией семьи – претензией на лидерство одного из супругов. Одной из сложных проблем таких семей являются экономические взаимоотношения, когда одному из супругов приходится переводиться на заочное отделение или бросать обучение ради семьи. Но бывает и так, что один из супругов выбирает обучение в качестве приоритетного, и тогда семья прекращает существовать. Одной из причин разводов молодых студенческих семей являются, как ни странно, ни быт, ни экономические трудности, а родители супругов, с которыми они вынуждены проживать в связи с невозможностью иметь отдельное жилье или даже снимать его. На начальном этапе своего существования молодая семья сталкивается и с проблемами эмоционального напряжения, истощения и даже неприятия. Такое состояние семьи возникает от поспешных, непроверенных решений о создании семьи. В связи с этим характерны ролевые конфликты. Само понятие ролевого конфликта опирается на представление о семейных ролях как о некой системе дел и обязанностей, обеспечивающих повседневную жизнь супругов. Конечно, такие, казалось бы, банальные вопросы супругам по силам решить самостоятельно, тем не менее, обострение проблем такого рода, и, следовательно, приход супругов в консультацию совсем не случайны. Усугубляющим моментом часто является некое значительное событие. Список предполагаемых событий может быть довольно

внушительным, но в нем легко обнаружить то общее, что объединяет все эти ситуации – изменения, происходящие в семье, требующие переосмысления и, возможно, перераспределения семейных дел и обязанностей. В изменившейся ситуации один из членов пары, чаще всего тот, на ком, с его точки зрения, лежит больший груз семейных обязанностей, начинает явными и неявными способами восстанавливать справедливость. Но поскольку подобные попытки выглядят не как стремление договориться, а как обвинения и претензии, то отсюда и возникают сложности в отношениях. Немаловажное значение имеет и то, что один из супругов не только не делает того, чего от него требует сложившаяся ситуация, но и обладает системой взглядов, подкрепляющей именно тот вариант поведения, которому он следует.

К сожалению, нередко требования, предъявляемые одним из супругов к другому, заведомо невыполнимы, и, несмотря на это, постоянно возобновляются и служат причиной конфликтов. Для конструктивной работы с личностными особенностями супругов необходима работа с эмоциональным компонентом. Для этого нужно выявить «нормативные стрессоры», вызывающие состояние тревожности, напряжения, неудовлетворенности, что позволяет обеспечить эмоциональное благополучие при решении личностных проблем.

Конструктивные личностные тенденции в отношении восстановления молодой семьи являются залогом изменения поведенческих характеристик, что обеспечивается с помощью анализа стратегий поведения, оценивания событий. Умение работать с проблемами общения – важный навык для психолога-консультанта, поскольку необходимость помочь людям говорить друг с другом на языке переживаний может возникнуть буквально на любом консультативном приеме. Большую помощь в консультировании семьи могут оказать специальные техники по достижению компромисса, техника конструктивных переговоров, смена ролевых отношений партнеров, домашние задания с решением ситуативных задач, коррекция стилей общения, создание позитивного фона в общении супругов, анализ чувств и переживаний.

Другим огромным пластом нашей деятельности является *решение проблем детско-родительских отношений* по всей возрастной шкале. Это и появление детей в молодой студенческой семье с неотъемлемым вопросом родительской некомпетентности, это и проблемы «отцов и детей», и родительская занятость родителей-студентов и родителей-преподавателей...

Психолог часто сталкивается с проблемой *«интеллектуальных родителей»*, которые совершенно забывают о важности такого этапа для развития ребенка, как игра. Родители насаждают интеллектуальное развитие. Совсем недавний случай: ребенок 3,5 читает, считает, умеет играть на компьютере и совершенно не умеет обращаться с игрушками, которые он воспринимает с негативом. Этот «чудо-ребенок» никогда не обнимал куклу, мягкую игрушку, не лепил, не рисовал своих милых и так необходимых в развитии ребенка «головоножек», не знает сказочных героев и еще множество «не». В результате, мама воспринимается как функция для того, чтобы достичь желаемого. В развитии таких детей наблюдается развивающаяся расчетливость, раздражительность, агрессивность. Нравится или нет играть родителям с ребенком, в наибольшей степени определяется не отношением к игре вообще, а тем, насколько ребенку нравится участвовать в предпочитаемых взрослыми видах деятельности. Речь в данном случае вообще идет о климате в семье, качестве эмоционального контакта между ребенком и родителями.

Конечно, нельзя отрицать, что сегодня интеллект является действительно не только важным условием социального благополучия, но и критерием успешности. Безусловно, достижения ребенка могут являться для родителей подтверждением их компетентности, что повышает их личный и социальный статус.

Разрыв между поколениями действительно существует, и информационные потоки, ориентированные на разные возрастные группы, сильно отличаются, знакомство с миром детства теперь на самом деле требует значительных усилий. Можно ли думать, что за долгие годы воспитания ребенка родители никогда не сделали ни одной ошибки, совершенно точно и правильно выполняли все требования, которые предъявляются к обеспечению развития ребенка? Конечно же, нет. Ведь *быть родителями мы учимся, так же, как учимся быть мужьями и женами, как постигаем секреты мастерства и профессионализма в любом деле.*

Воспитание ребенка на первом году жизни – радостное и приятное занятие. Каждый день родители замечают что-то новое в поведении своего малыша, крепнет день ото дня связь между ребенком и матерью, создается великое чудо – материнская любовь и любовь малыша к своим родителям. Да, любовь не существует сама собой; она создается, формируется. Любви можно и нужно учиться, ведь научить своего ребенка любви может только тот, кто сам умеет любить людей.

Психология для родителей – это психология семейного взаимодействия, психология отношений. Психологи-консультанты проанализируют вместе с вами ваши родительские позиции, направленные на целенаправленное наблюдение за развитием младенца и составят примерную программу основных действий по формированию глубокого психологического контакта между ребенком и родителями.

Один из непростых вопросов, который все чаще возникает на сегодняшний день – это обращения в консультацию с *проблемами нетрадиционных сексуальных отношений.*

Лет двадцать назад отношение к гомосексуализму скорее соответствовало установкам репрессивной морали: отмечалось презрение, ненависть, уголовное преследование за мужеложество (ст. 121 УК) и каралась законом лишением свободы сроком на 5 лет. На сегодняшний день эта проблема считается сугубо личным делом двух взрослых людей, имеющих одинаковые склонности. Никто не вправе осуждать и преследовать гомосексуалистов, если только они не совращают малолетних и не применяют насилия. В то же время подобный образ жизни не должен рекламироваться и пропагандироваться.

Нетрадиционные отношения – это не просто означение сексуальной ориентации, но и определенный тип самосознания, принадлежность к определенной субкультуре. Либерализация сексуальной морали в России, отмечаемая в последнее время, оказывает сильное влияние на отношение к детской сексуальности, на воспитание детей, их психосексуальное развитие. Это имеет как положительные, так и отрицательные моменты. Зачастую нарушение развития детской сексуальности провоцируется сексуально неудовлетворенными родителями. Это может быть в неполной семье, в которой одинокий родитель не в силах решить сексуальные проблемы, в семьях с дисгармонией супружеских отношений. Также это провоцируется излишне подробным, не соответствующим запросам ребенка, половым воспитанием и просвещением. Причины многочисленны, и одна из них – это доступность подобной информации на телевидении, «желтая пресса», красочные порножурналы. . .

Многочисленность подобных консультативных случаев подтверждает лишь одно: общество впало в другую крайность – от полной закрытости в данном вопросе к полной либерализации, что породило новые личностные проблемы.

Сегодня трудно вообразить проблему, которая стояла бы перед современным российским обществом острее, чем *наркомания*. С огромной скоростью растет число ВИЧ-инфицированных, 90% которых составляют люди, употребляющие наркотики.

Почему так мал процент успешного лечения? Потому, что наркомания – это болезнь, которая поражает и тело, и душу. Корень недуга лежит в области духа. Чтобы побе-

доть страсть, нужно стать другим... Практика работы с наркозависимыми показывает, что они, зная о вредном и тяжелом действии наркотических средств, тем не менее, продолжают употреблять их. В психотерапии наркоманий важно знать мотивы, которые побуждают подопечного прибегать к наркотикам, и помочь ему на этапе реабилитации найти социально приемлемые способы реализации потребностей.

Одним из направлений в работе с этой проблемой является *профилактика*. Опыт показывает, что к группе риска относятся те молодые люди, у которых нет никаких духовных ценностей, которые не имеют постоянной занятости, ничем особенно не интересуются, у которых проблематичные отношения в семье, трудности в общении, обучении, но есть желание хоть как-то выделиться среди сверстников.

Самым эффективным средством борьбы с наркоманией являются стационарные центры реабилитации. Главная идея таких центров заключается в том, чтобы дать возможность не только какое-то время пожить вдали от тех мест, где можно легко вернуться к наркотикам, но и изменить свое мировоззрение, духовно возродиться, осознать сущность своего недуга.

Одним из таких центров реабилитации наркоманов и токсикоманов является Центр г. Нижневартовска, с которым сотрудничает наш факультет и проводит на его базе плодотворную исследовательскую деятельность.

Еще один наболевший консультативный вопрос для студенчества – *профориентация и трудоустройство* после получения диплома. Обращений много, город не готов принять армию дипломированных выпускников, рынок труда не так широк, многим выпускникам приходится забыть о своих карьерных амбициях и начать свою трудовую деятельность практически с нуля или вообще не по профессии. Чаше приходят с подобными обращениями студенты факультета физической культуры, юристы, психологи и задают вопросы: «Зачем учился? Почему не доверяют? Как быть?».

Планируя свою карьеру, цивилизованный человек не только удовлетворяет одну из базовых потребностей, но и существенно повышает свои шансы на успешность в реализации целей за счёт концентрации на них внимания и усилий. Планирование карьеры направлено на самоорганизацию, структурирование учебной деятельности студентов по линии профессионального самоопределения.

Классический вариант планирования карьеры, как и вообще любое планирование, представляет собой прохождение ряда этапов: принятие решения о направлении пути; постановка цели как образа желательного; вычленение задач, решение которых обеспечивает достижение цели.

Наиболее значимыми проблемами возникающими у студентов на первом году обучения, являются: незавершенность процесса профессионального самоопределения, процесса принятия решения о выбираемой профессии и учебном заведении; недостаточная осознанность принятого и реализованного решения в выборе специальности; отсутствие адекватного представления об образовательной перспективе; недостаточное представление об уровне своих потенциальных возможностей, недостаточное понимание себя, своих личностных ценностей, желаний, интересов, характера, способностей; отсутствие навыков самопознания, саморегуляции.

Естественное, стихийное складывание образов себя, профессии и своей профессиональной перспективы, кристаллизация выбора и учебно-профессиональных мотивов занимают многие месяцы пассивной и малоэффективной, неустойчивой учебы, с высокой вероятностью дезадаптивного развития.

Для решения подобных проблем психологическая консультация предлагает следующие типы профконсультаций:

- диагностическая – диагностическое изучение личности;
- справочно-информационная – направлена на обогащение знаний в мире профессий;
- корректирующая – предназначена для приведения в соответствие профессиональных намерений и наличных психологических и физиологических возможностей консультируемого;
- формирующая – направлена на активизацию собственной позиции в профессиональном самоопределении.

Задача психологической службы заключается в том, чтобы вовлечь, организовать и научить взаимодействовать в сложном интегрированном процессе обучения и реальных жизни. Данная задача успешно решается организацией досуговой деятельности студентов, привлечением к научной жизни вуза, практической реализацией собственных интересов.

Досуговая деятельность студентов при лаборатории

- курс «Психология общения»;
- курс «Имидж»;
- АРТ-терапия – семинарские занятия «Прикоснись душой к прекрасному»;
- творческие объединения – поиски, разработки проектных форм деятельности и возможности их реализации;
- карнавалы и встречи для студентов и преподавателей «Удивим друг друга» и т.д.

Эти курсы предназначены для студентов факультета психологии и педагогики. Они являются важным рефлексивным инструментом понимания себя и своей будущей профессии. Очевидно, что психология общения может быть познана только в общении, поэтому учебные задачи и задания подобраны таким образом, чтобы полноценно раскрыть различные стороны этой специфически человеческой стороны бытия. Минимум теоретизирования и максимум практического, осмысленного действия. Каждое задание становится настоящей задачей общения лишь в том случае, когда налицо рефлексия общающихся, когда в общении становится важным не Я, но МЫ, когда каждое слово, жест, мимическая реплика не есть пустой элемент вербальных и невербальных коммуникативных средств, но есть выражение ориентировки человека в мире, в собеседнике и в себе. Словом, давайте же общаться! Надеемся это приглашение будет с радостью принято.

Проектная деятельность при лаборатории

- «Архитектурная Русь»;
- «Сказка-терапия», «Театр»;
- «Волшебный карандаш»;
- «Египетское письмо» (подготовка к школе)
- Коррекционные группы (логопедические, группы для гиперактивных детей, для детей с ЗПР, эпилепсией)
- «Школа родительства».

Коротко раскроем содержательную сторону проектной формы деятельности.

«Египетское письмо» (для детей 5-7 лет)

Данная методика предназначена для развивающих занятий и диагностики познавательных процессов у детей дошкольного и младшего школьного возраста. Идея такого

письма родилась от осознанной необходимости школьного психолога иметь практический психологический инструмент для работы с детьми дошкольного и младшего школьного возраста, который отвечал бы следующим требованиям:

— общая внутренняя логика для всех упражнений по развитию внимания, памяти, воображения и мышления;

— различные уровни сложности для разных возрастных групп, которые, с одной стороны, учитывают особенности детей этого возраста, а с другой – эти уровни должны сохранять между собой преемственность идеи;

— содержит возможность постоянной обратной связи с родителями по поводу результатов каждого занятия и имеет возможность давать корректирующие домашние задания;

— привлекательная для ребенка «легенда» цели занятий, так как невозможно мотивировать ребенка занятиями по его же собственному развитию; все занятия должны иметь понятную ребенку логику и привлекательную конечную цель занятий;

— возможность групповой работы.

В настоящее время в отечественной психологии достаточно отчетливо охарактеризованы четыре основные стадии развития мышления в онтогенезе и филогенезе: наглядно-действенная, наглядно-образная, понятийно-конкретная, абстрактно-понятийная. Наиболее ранняя форма мышления – наглядно-действенная, первые проявления которой можно наблюдать уже в начале второго года жизни. Нам, в данном случае, более интересна следующая стадия — наглядно-образное мышление. Связь мышления с практическим действием в нем еще сохраняется, но не является такой тесной и непосредственной, как раньше. Дети мыслят наглядными образами и только *начинают овладевать простейшими понятиями*. Это важнейшая стадия в развитии мышления ребенка, в которой постепенно должен произойти переход к качественно иной форме познания — познания с использованием обобщенных, а затем и абстрактных понятий. Этот сдвиг в интеллектуальном онтогенезе, а именно развитие новой понятийно-конкретной формы мышления, определяет отличие дошкольника от школьника и готовность последнего к школе. В среднем и старшем школьном возрасте для ребенка становятся доступными все более сложные познавательные задачи. Совершается переход от понятийно-конкретного к абстрактно-понятийному мышлению.

Итак, в нашей первой теоретической предпосылке – теории развития мышления – нам наиболее интересны две стадии: наглядно-образная и понятийно-конкретная.

Методический материал «Египетского письма» находится как раз на «пограничной» полосе этих стадий и принадлежит каждой из них. С одной стороны, это еще зрительные, наглядные образы, что соответствует наглядно-образному мышлению, с другой – это уже не конкретные образы предметов, а образы обобщенных понятий, что характерно для понятийно-конкретной стадии. Различные мыслительные операции с такими «пограничными» образами наиболее эффективны для ребенка дошкольного возраста, так как на базе более ранней стадии мышления формируют и развивают новые его формы.

История письма отражена в фундаментальном труде Ч. Лоукотки. Выделяют несколько стадий развития письменности:

1. *Пиктографическое письмо*. Изображение, выполненное рисунками, называют *пиктограммами*, а письмо пиктографическим. У пиктограмм есть одна общая особенность: они знакомили нас с определенным конкретным событием, и их цель заключалась

в наиболее наглядной передаче значения или события. Разные люди облакали свое рисуночное высказывание в различную форму и, поэтому степень обобщенности таких рисунков была минимальная.

2. *Идеографическое письмо*. Люди начинают пользоваться символами, знаками, приобретающими все более усложненный характер, их форма и логическое содержание.

3. *Фонетическое письмо*. Наряду с идеограммами появляется насыщенная потребность в «зарисовке» самого слова, в транскрипции: так осуществляется переход от знаков представляющих конкретные предметы, к абстрактному письму, знаки которого символизируют слова и звуки. Так возникает фонетическое письмо.

Перечисленные особенности этого вида письменности соответствуют методическому материалу «Египетского письма», так как рисунки в нем обозначают понятия, то есть являются символами, и эти символы в письме стандартизованы. По сути, данная методика основана на использовании искусственно созданного идеографического письма на базе современного разговорного языка. Описанные выше этапы развития письменности, возможно, являются своеобразными архетипами коллективного бессознательного. Стадия пиктографического письма присутствует в онтогенезе каждого ребенка – это то, что вначале мы называем *каляками-маляками*, а потом просто рисунками, которые так любят все дети.

Более того, рисуночное письмо широко известно в медицинской и детской психологии под названием «*Пиктограммы*» А.Р. Лурия. Методика предполагает придумывание испытуемыми образов предложенных ему понятий с целью эффективную их запоминания, по ним судят о соотношении у него наглядно-образного и понятийного мышления. Таким образом, для нас является очень важным тот факт, что пиктографическое письмо оказывается эффективным при выявлении особенностей познавательной сферы. С другой стороны, «*Пиктограммы*» успешно используются и как *проективный тест* (работы А.Л. Венгера и Н.К. Цукерман).

Нам кажется, что данная методика является тем возможным промежуточным звеном (тем архетипом письменности), которого нет при современном обучении детей и которая соответствует переходному периоду при формировании понятийного аппарата ребенка.

Таким образом, общей идеей для «Египетского письма» является создание искусственного аналога идеографического письма и использование его для обучения детей, находящихся на стадии перехода от наглядно-образного мышления к конкретно-понятийному.

Проект «Сказка-терапия» для дошкольников (для детей 5-7 лет)

Общей целью проекта является моделирование (конструирование) доступными для ребенка средствами собственной сказки, при этом осуществляется параллельное решение ряда задач:

— формирование у детей средств моделирования (под средствами имеются в виду любые формы представления сказки: рисование, лепка, аппликация, конструирование, макетирование, художественное чтение и инсценировка, словесное творчество, подражание, создание новой сказки);

— максимальная материализация (схематизация) существенных отношений сказочных персонажей, обсуждение и анализ их в группе;

— формирование предпосылок для развертывания полноценного словесного творчества (включение устной речи в контекст жизненных интересов ребенка; использование

для словесного творчества в качестве материала персонажей, событий, обстоятельств и отношений, волнующих детей);

— формирование мотивации словесного творчества.

Сверхзадачей проекта является сочинение детьми *своих* собственных сказок. Если в младшем школьном возрасте предпочтителен индивидуальный вариант создания сказки каждым участником проекта, то в дошкольном возрасте в силу отсутствия письма наиболее эффективным является групповое сочинение сказки, при этом особое внимание должно уделяться развертыванию совместной деятельности (игры, инсценировки, ролевого диалога, групповому (парному) описанию внешности и характера героев, места действия, совместной лепке и рисованию и др.). Эффективным *«полуписьменным»* средством может служить пиктографическое сопровождение всех манипуляций детей со сказкой (зарисовывание по определенной схеме, означивание типичных элементов и др.).

Таким образом, деятельность участников проекта подразделяется на два направления: написание (моделирование в полном смысле слова: рисование иллюстраций, подготовка элементов инсценировки и др., аппликация, лепка и проч.) своей сказки и выполнение цикла заданий. Оба направления, будучи развернутыми с самого начала проекта, психологически обеспечивают гарантированное развитие речи, произвольности действия, художественного мышления и других новообразований, необходимых для продуктивного в дальнейшем осуществления учебной деятельности. Во многом именно это позволяет считать проект ценным подспорьем для подготовки ребенка к школе.

В проекте должно происходить постоянное варьирование заданий по содержанию, форме решения и форме предъявления; необходимо следовать тактике контрастного предъявления задач, осуществлять постоянные переходы от сверхзадачи к конкретным «техническим» задачам (например, от композиционных построений по данному сюжету к продолжению чужого текста и т.д.), а также использовать ротацию лидерства детей в микрогруппах, вплоть до ротации между микрогруппами (иными словами, чередовать лидеров, обновлять состав микрогрупп).

До первого занятия проекта проводится преэспериментальный контроль, по специальным заданиям характеризуется стартовый уровень участников проекта. В качестве диагностического материала может использоваться рассказ по картинке «Лисята», кроме того, первое занятие «Пузырь, соломинка и лапоть» также является диагностическим. В числе *параметров*, подлежащих оценке детских возможностей рассказа, выступили: количество словесной (текстовой) продукции за определенное время; композиционная целостность (здесь имеется в виду композиция сказки с зачином, испытанием, концовкой), наличие идеи и осмысленных сюжетных шагов; объем эгоцентрической речи, сопровождающей выполнение работы; введение диалога, наличие именованного (называние сказки и именование героев), особенности средств выразительности (введение прилагательных) и др.

Проект «Озорной карандаш» (для детей 4-7 лет)

Проект предназначен не только для детей дошкольного возраста, но и для родителей, воспитателей детских садов и начинающих психологов, которые так или иначе связаны с детством. Различные варианты занятий помогут взрослым в игровой форме открыть ребенку разнообразный увлекательный мир изобразительного искусства. В занятиях используются различные карточки, музыкальные сюжеты, песенки, сказки, стихотворения, подходящие к сюжету игры-рисунка. Этот проект поможет научить ребенка не только элементарным приемам рисования, которые способствуют развитию мелкой мо-

торики рук, а также развить его творческое воображение, восприятие, память и мышление. Дети получают богатый опыт общения посредством творчества и разнообразный опыт самовыражения. И один из самых важных факторов на сегодняшний день – дети получают большой потенциал эмоционального заряда и адекватного реагирования на различные ситуации в процессе творческих занятий.

Частью любого творческого процесса является умение видеть мир образно, в его живых красках. Развитие такого умения происходит в дошкольном возрасте. И потому очень важно не упустить возможность и расширить способности вашего ребенка к образному познанию. При этом важно помнить, что рисование для ребенка – это игра. Не стоит ограничивать детскую свободу и раскованность. Занятия не должны превратиться в обучение художественным приемам. Пусть занятия станут для малыша новым и интересным средством познания окружающего мира.

Занятия в дошкольном возрасте лучше строить таким образом, чтобы происходило чередование различных видов деятельности и различных видов восприятия. Невозможно навязать ребенку процесс рисования сам по себе, необходимо увлечь его этим видом деятельности. Помните высказывание мудреца: «Ребенок – это не сосуд, который надо заполнить, а огонь, который надо зажечь».

Процесс совместной работы ребенка и взрослого сопровождаются рассказом, музыкальным фрагментом, показом картинки, игрушки, которые провоцируют ребенка на диалог, в котором ребенок научится излагать свои мысли не только словами, но и изобразительно.

Посредством занятий у ребенка сложится представление об основных цветах спектра, о формах предметов, о величинных соотношениях. Ребенок научится ориентироваться на листе бумаги, словесно обозначая направление сверху/снизу, в середине, по углам, справа/слева. Изображая времена года, ребенок сможет познакомиться с явлениями природы, узнает о жизни животных, рыб, насекомых, птиц, а также научится понятно, связно излагать свои мысли. Подобные занятия развивают устную речь, которая становится более грамотной.

Творческие занятия приучают ребенка думать, отвечать на вопросы, ставить вопросы перед собой, смотреть на одно и то же с разных сторон, помогают увидеть разнообразие окружающего мира. Собственные наблюдения, впечатления от окружающей действительности, образы сказок станут содержанием детских работ.

В занятиях используются сказки с заместителями, в которых для выявления содержания или последовательности действий сказки, для придумывания историй самими детьми эффективным является моделирование, при котором реальные предметы замещаются условными. Такие занятия развивают творческое мышление ребенка. В конце проекта используется тематическое занятие-тест, который объединяет в себе все весь спектр заданий всего курса. Это занятие-тест будет являться большим подспорьем для его дальнейшего развития.

***Изобразительная деятельность детей возраста 1,5 –5 лет
как форма усвоения социального опыта***

При отсутствии руководства со стороны взрослого, наталкивающего детей на путь формирования замысла, многие дети надолго застревают на стадии узнавания каракулей, доводя эту стадию до своеобразного совершенства. Это с особой ясностью показывает, что для формирования собственно изобразительной деятельности недостаточно отработ-

ки «техники» нанесения линий. Необходимо связующее звено, каковым является формирование и воплощение в рисунке графических образов.

В детском рисовании *общественная ориентация* начинает появляться задолго до того, как ребенок приступает к изображению реальной действительности. Она проявляется в возникновении у ребенка желания, чтобы его каракули обрели какой-нибудь смысл для других. Как только ребенок начинает приписывать своим каракулям какое-либо содержание, они превращаются в средство для указания и сообщения. Однако на стадии каракулей сообщение выступает в неспецифической для рисования форме. Оно выражается не столько в самих каракулях, сколько в словесной их интерпретации.

В дальнейшем начинается процесс постепенного приближения графической формы рисунка к изображаемой действительности. Современные исследователи детского рисования отмечают зарождающуюся на этом раннем этапе формирования детского рисунка тенденцию к изобразительности. Вскоре ребенок приходит к пониманию того, что одно лишь обозначение предмета без сходства с ним не может удовлетворять окружающих людей и самого малыша.

Совершенствование графической формы изображения имеет длительную историю, на протяжении которого происходит внедрение в детский рисунок разных форм опыта, получаемого в процессе действий с предметами, их восприятия, самой графической деятельности и обучения со стороны взрослых. Графические знаки как внешние средства культурного развития представлены в изображениях, в схемах, в речи и др. Пока графическая деятельность ребенка синкретична, есть возможность возникновения самых различных графических образований, имеющих тенденцию к развитию *рисунка, схемы и письма*. Ряд исследователей находит в недрах детского рисования предпосылки письменной речи, а само рисование называет схематическим. Анализ детских рисунков убеждает нас в том, что устремление к построению схемы присуще детям на начальном этапе рисования.

Современные исследователи выделяют у детей три стиля рисования: *символизм, интеллектуальный реализм и визуальный реализм*. Символист изображает то, что *знает об определенном классе предметов*, а интеллектуальный реалист – то, что *знает о конкретном предмете из того же класса*. Предпосылки к схемам, возникающие в рисовании ребенка под влиянием взрослых, представляют собой основу графического образа и в большой мере определяют развитие детского рисования. Однако в детском рисовании мы можем выделить ориентацию ребенка на визуальные (визуальный реализм) и тактильные впечатления (двигательно-тактильный реализм), на знания о предмете, полученные в результате непосредственного его обследования (интеллектуальный реализм).

На предпосылках *письменной речи*, сопутствующей детскому рисованию, надо остановиться специально. Систематическое наблюдение за поведением детей при узнавании и написании букв показало, что при первоначальном обучении буквы выступают для ребенка в нефункциональном значении: то как обозначения предметов, то как обозначения звуков. Параллельно с развитием способности узнавать отдельные буквы и умением изображать (нарисовать) эти буквы у ребенка дифференцируется некоторое отношение к письменной речи взрослых. Малыш начинает понимать, что за недоступной ему вязью письменных знаков обязательно стоит содержание, которое обычно выражают словами и предложениями. Поэтому естественны обращения детей к взрослым: «Чего ты там пишешь?» Изобразительное письмо взрослых передается детям в виде автономных знаков.

Графическое выражение у ребенка развивается в принципе не как язык, а как изобразительное искусство, и мы должны рассматривать развитие рисования с этой точки

зрения. Таким образом, мы проследили, как на основе графической формы детского рисунка появляется схематическое рисование и написание букв. Затем изобразительная деятельность ребенка постепенно приближается к рисованию, соответствующему изобразительной культуре общества.

«Формирования меры» (для детей 6-7 лет)

Для формирования научного понятия «числа» необходимо расширение контекста исчисляемой ситуации и ориентирование в качестве самой используемой меры. Онтогенетически мера изначально включена в социальную ситуацию развития ребенка, который вынужден неосознанно оперировать такими понятиями, как «больше»/«меньше», «дальше»/«ближе», «выше»/«ниже», так что ориентировка на различного рода величины представлена в любой деятельности ребенка, реализующейся в культурно организованном пространстве. Уже в дошкольном возрасте можно обнаружить представления ребенка о разного рода величинах, но сама «мера» еще не выступает в качестве присвоенного средства овладения пространством. С развитием научного понятия числа появляется осознанное посредничество меры.

Обучение новым действиям и понятиям возбуждает познавательный интерес ребенка к раскрытию строения изучаемого предмета. Исследование ведется самим ребенком и только направляется руководителем. Вопрос и ответ формулируется самим ребенком. Начальное обучение числу включает в себя не только количественную, но и качественную характеристику. Азы элементарных арифметических знаний должны раскрывать предметный мир в его отношениях. Подлинным основанием математического здания выступает «мера», т.к. за ней стоит измерение объектов окружающего мира. Числа входят в мир ребенка именно как результат измерения конкретного множества предметов. Мера – средство, способное изменить характер отношения ребенка к внешнему миру. При измерении величин мы чаще всего пользуемся понятиями «больше», «меньше», «равно». Установить эти отношения помогает мера, но для этого она сама должна обладать определенными характеристиками.

Овладев качественной стороной меры, ребенок научается различать свойства объектов и судить об объекте по задаваемым свойствам, легко раскрывает принципы сохранения. Только единство количественных и качественных сторон определяет целостность понятия меры. Постигание количественной стороны меры открывает перед ребенком возможность принимать каждую конкретную величину двояко: как реальную вещь и как множество, определяемое количеством откладываемых мерок. Это означает переход от конкретной величины к конкретному множеству, что и является математической основой учения о числе. Введение меры является необходимым условием для полного формирования представления о числе.

Эксперимент рассматривается как обучающий и состоит из нескольких этапов: пре- и постэкспериментального контроля. Цель этих этапов в установлении исходного и заключительного уровня ориентировки ребенка в количественных объектных отношениях сравниваемых величин. Задача экспериментатора – разработать 5 заданий, устанавливающих феномены Пиаже: «сохранение количества», «определение пути», «сохранение длины предмета», «сохранение площади».

В ходе обучающих этапов ребенок должен научиться: взаимно однозначному сопоставлению 2-х множеств с помощью эквивалентов (предметы, равнозначные в каком-либо отношении друг к другу и способные служить заменой этому предмету); сравнению 2-х

предметов с помощью третьего по одному из его свойств (например, длина); сравнению величин с помощью разных видов меры.

Каждое занятие проводится в соответствии с логикой формирующего эксперимента. Занятие начинается с постановки проблемы и протекает в виде дискуссии; для этого экспериментатор готовит карточку-схему занятия с вопросами, отвечая на которые дети должны найти единицу анализа или новый способ действия. Следующий этап занятия подразумевает работу на материальном уровне с обязательным проговариванием действия (работа с фигурами и карточками). И последний этап – самостоятельное выполнение задачи на заданную тему.

Дети с гиперактивностью и дефицитом внимания (4-7 лет)

Многие родители сталкиваются с проблемой «трудных» детей. Но кто они, эти трудные дети? Всегда ли мы, взрослые, понимаем их сложности и вовремя приходим на помощь? Винаваты ли сами дети в том, что их считают «трудными»? Самой распространенной формой хронических нарушений поведения в детском возрасте является *синдром дефицита внимания с гиперактивностью*. СДВГ проявляется расстройствами внимания, двигательной расторможенностью, импульсивностью поведения, двигательной неловкостью, неуклюжестью. Его симптомы отмечаются в возрасте от 4-7 лет. Когда ребенок с СДВГ идет в школу, у него возникают новые сложности: трудности в освоении школьных навыков, слабая успеваемость, неуверенность в себе, низкая самооценка, проблемы во взаимоотношениях с окружающими. Именно в школьные годы чаще всего обнаруживаются нарушения внимания в связи с повышением требований.

Гиперактивность характеризуется тем, что такие дети очень подвижны, их избыточная моторная активность часто бывает совершенно бесцельной и сопровождается посторонними, беспокойными движениями. Во время выполнения заданий ребенок не в состоянии долгое время сидеть спокойно, он ерзает, не в состоянии удерживать неподвижными руки. У таких детей возможно сочетание чрезмерной двигательной активности и деструктивного поведения. В новой обстановке и с новыми людьми его поведение тормозится на фоне волнения, это обстоятельство может затруднить выявление СДВГ во время консультации с психологом, поэтому необходимо создать такую обстановку, чтобы ребенок мог расслабиться и вести себя естественным образом.

Импульсивность выражается в том, что ребенок часто действует не подумав, он с трудом дожидается своей очереди, перебивает других, но в тот момент, когда именно ему предоставляется слово, то на вопросы он отвечает сбивчиво, невпопад, не выслушав вопрос до конца. Такие дети могут без разрешения вставать со своего места в классе, вмешиваться в разговор или работу других. Во время игр со сверстниками не в состоянии следовать правилам. Из-за импульсивности они склонны к травматизму, т.к. не задумываются о последствиях своих действий: ввязываются в драки, выбегают на проезжую часть дороги... Однако все это они делают без злого умысла. В двигательной сфере у таких детей обычно обнаруживаются нарушения координации движений, *несформированность мелкой моторики* (сложность при завязывании шнурков, застегивании пуговиц, использовании ножниц, освоении навыков рисования и письма). Недостаточная сформированность координации движений ведет к моторной неловкости, неспособности к спортивным занятиям.

Дефицит концентрации внимания является причиной плохого выполнения заданий. Такие дети часто отвлекаются, не удерживают долгое время задание в голове. Они часто теряют свои вещи, и часто им просто не обойтись без помощи взрослых. Наряду с

трудностями концентрации внимания им свойственна выраженная *отвлекаемость* на любые раздражители, которые встречаются им непосредственно в ходе выполнения заданий.

Такие дети кажутся не готовыми к школе, т.к. их поведение не соответствует возрастной норме. Им не удастся достичь нормативных результатов, хотя многие из таких детей имеют хороший интеллектуальный уровень. Навыки чтения и письма у таких детей значительно ниже нормы. Письменные работы выглядят неряшливо и характеризуются ошибками, которые могут быть результатом невнимательности. При этом такие дети не склонны прислушиваться к советам и рекомендациям взрослых, из-за этого у них возникают трудности во взаимоотношениях с окружающими. В их действиях прослеживается избыточное реагирование, не соответствующее содержанию ситуации, невосприимчивость к оттенкам межличностных взаимоотношений. Поведение таких детей отличается непредсказуемостью. В коллективе он служит источником постоянного беспокойства, все это приводит к конфликтам, и ребенок становится нежеланным и отвергаемым в коллективе. Он часто сознательно выбирает для себя роль классного шута, надеясь наладить отношения, но общаться с ним готовы лишь дети более младшего возраста или сверстники, имеющие аналогичные поведенческие проблемы.

Дома такие дети страдают от постоянных сравнений с сестрами, братьями, которые хорошо себя ведут и лучше учатся. Родителей раздражает то, что они беспокойны, навязчивы, эмоционально неустойчивы, недисциплинированы, непослушны, неаккуратны. В домашних условиях такие дети неспособны ответственно относиться к выполнению повседневных поручений, не помогают родителям. При этом наказания и замечания не дают желаемых результатов. Большинству таких детей свойственна неустойчивая, слабая психоэмоциональность и низкая самооценка. У некоторых из них наблюдается упрямство, лживость, вспыльчивость, задиристость, агрессивность. Инфантильность и импульсивность приводят к крайней нетерпеливости, излишней активности в отстаивании личных интересов, невзирая на требования родителей и педагогов, что нередко создает конфликтные ситуации. *К подростковому возрасту* СДВГ значительно уменьшается, но у некоторых сохраняется до взрослого возраста.

Наш проект предлагает родителям, имеющих детей дошкольного возраста с данной проблемой, пройти ряд занятий в малых группах, который направлен на коррекцию поведения, ориентирует на сотворческую деятельность, развивает внимание, память, мышление, устную речь и развитие мелкой моторики рук.

«Игротерапия», или

Как преодолеть агрессивность у детей дошкольного возраста

Проблема агрессивного поведения ребенка очень актуальна в наши дни и особенно важна для тех родителей, чьи дети склонны к подобным проявлениям, хотя родителям не всегда легко признать, что именно их ребенок является источником неприятностей для себя и других.

Особое внимание родителей и специалистов должна привлечь агрессивность, имеющая причину не только в особенностях отношений с близкими, а передающаяся «по наследству», имеющая почву в складе характера родителей, бабушек и дедушек ребенка. Необходимо помнить также, что ребенок может быть агрессивным не обязательно по вине родителей, т.е. неправильного воспитания. Черты агрессивного поведения могут быть скрыты в темпераменте и характере ребенка (пониженная степень чувствительно-

сти, сопереживания, взрывчатость, обидчивость) или является результатом особого созревания его нервной системы.

Однако по мере взросления ответственность ребенка за свое агрессивное поведение должна возрастать. Как помочь ребенку преодолеть трудности эмоциональных и поведенческих расстройств? Именно на этот и многие другие вопросы поможет ответить родителям наша работа в проекте, где мы используем различные приемы и методы игротерапии, которые позволят выявить причины, провоцирующие агрессивное поведение ребенка. Специально создаются ситуации, в которых взрослый становится источником игровой активности для ребенка, перевоплощается в его состояние, сохраняя при этом контроль над особенным или нарушенным поведением детей. Для того чтобы понять феномен агрессивности, попытаемся определить его через разнообразные проявления и частоту, систематизировать причины и факторы возникновения.

В качестве иллюстрации деятельности лаборатории психофизиологии и психологии образования факультета психологии СурГУ предлагаются данные обращений в службу консультирования к специалистам лаборатории.

**Динамика обращений в психологическую службу
консультирования (2000-2010 гг.)**

№	учебный год	общее количество обращений
1	2000-2001	29 чел.
2	2001-2002	55 чел.
3	2002-2003	46 чел.
4	2003-2004	143 чел.
5	2004-2005	117 чел.
6	2005-2006	101 чел.
7	2006-2007	297 чел.
8	2007-2008	477 чел.
9	2008-2009	421 чел.
10	2009-2010	373 чел. до 01.05.10 г.

ВЕСТИ ИЗ ЛАБОРАТОРИЙ

Статистика за 2006-2010 гг.

№	Категории населения	2006 - 2007 уч. г.	2007 - 2008 уч. г.	2008 - 2009 уч. г.	2009 - 2010 уч. г.
1	Студенты	123	153	53	45 + 30
2	Родители студентов	15	70	9	6
3	Преподаватели (ДРО)	19	93	45	40
4	Сотрудники			24	31
5	Администрация			20	41
6	Учащиеся школ	93	67	31	
7	Дошкольники	16	82	52	6
8	Многодетные семьи	21	6	18	
9	Родители школьников			24	18
10	Родители дошкольников			52	61
11	Выпускники СурГУ	8		14	3
12	Аспиранты			11	3
13	Пенсионеры			15	
14	Клинико-психологическое консультирование детей (с диагнозом эпилепсия, ЗПР, гиперактивность)			45	115
15	Клинико психологическое консультирование взрослых (шизофрения, наркомания)			8	4
16	Консультирование по телефону	2			
Итого:		297	477	421	373

Проектные занятия при лаборатории факультета психологии

№	Название проекта	2009–2010 учебный год		ИТОГО
		1 п/г	2 п/г	
1	«Архитектурная Русь» 5-6 лет	12	25	37
2	«Архитектурная Русь» 6-8 лет			
3	«Архитектурная Русь» 4-5 лет			
4	«Волшебный карандаш» 3–5 лет	12	33	45
5	«Подготовка к школе» 5-7 лет	3		3
6	Арт-группа 3–7 лет		27	27
7	Арт-группа (школьники)	42	50	92
8	Арт-группа (студенты)			
9	Гиперактивные дети (развитие речи)	20	15	35
10	Сказка-терапия, театр			
11	Группа коррекционного разви- тия (дети с диагнозом ЗПР, эпилепсия)	4	27	31
Итого:		93	177	270

№		Проекты, консультации	Кол-во занятий
1	Супервизорство для студентов 3 курса	«Архитектурная Русь» 5-6 лет	24
2		Клинико-психол. конс. детей (эпилепсия, ЗПР, гиперактивность)	30
3		Методические Арт-занятия для студентов	5
Итого:			59 занятий

Лаборатория психофизиологии и психологии образования факультета психологии СурГУ ведет запись на все консультации, предлагает помощь квалифицированных специалистов, поможет всем желающим в решении психологических проблем.

ИСКУССТВО ДИЗАЙНА КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Каково место художественной деятельности в детском развитии? Является ли эта деятельность необязательной, дополнительной к известным формам учебного процесса? Существует ли иное отношение между педагогикой, эстетическим воспитанием и психологией детского развития, нежели в качестве «содружества», о котором вспоминают лишь в случае необходимости свершения теоретических откровений? Посильным ответом на эти вопросы может служить данная статья.

Одним из важнейших моментов становления любой новой формы деятельности в условиях организованного обучения является пропедевтика. Ее задача состоит в том, чтобы связать, включить имеющиеся возможности и средства ребенка в новую деятельность. Дизайн по своему содержанию является пропедевтикой к искусству [1]. Существует две формы дизайна. Первая – называем ее технологической – исходит из внешних задач искусства и отражает деление видов искусства по конечной предметности произведения и используемым для его создания средствам. Общепринятое значение термина «дизайн» происходит от английского «design», что значит проектировать, формировать эстетические и функциональные качества предметной среды. Этим термином именуют художественно-проектную деятельность, порождающую целостную среду человека посредством синтеза искусств.

В самом деле, дизайн по своим задачам и по используемым средствам выступает в своем втором значении как всеобщая форма искусства. Формирование эстетически насыщенной среды, соединение художественных достоинств различных по жанровой и видовой принадлежности произведений создает принципиально новое направление как в искусстве, так и в обыденной культуре. Очевидно, что многовековой период раздробленности искусства по жанрам и видам закончился, а синтез искусств обретает новый смысл. Архитектура сливается со скульптурой, границы живописи и садово-паркового искусства становятся слабо различимыми; музыка, вокал и танец легко и естественно соединяются в самые причудливые, пластичные сочетания; макраме и икебана вносят в открытые и замкнутые общественные и личностные пространства новые объекты. Множество макро- и микроискусств решают задачи новаторского осмысления значимого для человека материала. Форма, цвет, динамика, звук, фактура, свет и другие свойства природных и искусственных объектов обретают в дизайнерском синтезе новое значение. Все, что подходит для психологического оформления нового и более продуктивного образа, активно вовлекается людьми искусства в художественный оборот. Здесь действительные задачи психологии и искусства во многом совпадают.

Примечательно, что в современном дизайнерском искусстве стремительно изменяется и роль самого зрителя. Все попытки познать эстетическую деятельность исключительно с позиции пассивного наблюдателя или воспроизводящего существующие шаблоны в итоге оказываются тщетными. Искусство, равно как и ориентировка человека в действительности, направлено в будущее, более того, эти формы познания не отражают, но создают это будущее, преодолевая стереотипы сегодняшнего дня.

Содержание дизайна как деятельности может быть определено как художественное опосредованное взаимодействие человека с миром. Дизайн комплексно и полномерно открывает возможность для организации человеком своего психологического пространства, позволяет обозначить изначально задачу освоения всей системы в целом.

Дизайн, с нашей точки зрения, представляется своеобразной формой организации психологического пространства человека. Искусство дизайнера содержит в себе все необходимые предпосылки продуктивной деятельности: коллективный характер постановки и решения задач искусства, средства взаимодействия в группе и средства решения художественных задач. Задачи дизайнера могут быть названы не только художественными, но и рефлексивными, психологическими по сути. Создание новой среды – это не просто искусство, состоящее в преодолении формы содержанием и наоборот, но и *исследование, постижение многих форм деятельности других людей*, использующих это пространство для решения своих жизненных задач. Таким образом, задача дизайнера является наиболее последовательной для изучения искусства, поскольку неизбежно приводит ее решателя к познавательной децентрации.

Процесс организации своего и чужого пространства проецирует отношения между людьми и делает их предметом специального анализа. В этом смысле можно говорить о том, что дизайн есть некий контекст человеческого бытия.

Рассматривая дизайн как форму продуктивной деятельности, необходимо ориентироваться не только на то, что результатом этой деятельности может быть некоторый конечный продукт: рисунок, конструкция, скульптурное изображение, интерьер... Под продуктивной деятельностью в нашем случае мы подразумеваем сходящиеся в условиях обучения одновременно учебную и «настоящую» деятельность, когда обеспеченной оказывается незаметность для учащихся переходов между ними. Исследование и моделирование этого перехода для учащихся и для педагога представляется необыкновенно важным моментом вхождения в искусство, поскольку именно на этой стадии развития деятельности, где мотивационное начало преодолевает операционное, складываются все те предпосылки, которые в дальнейшем и составят центрацию на субъектном, а не объектном содержании. Здесь мы видим *первейшую образовательную задачу искусства* – не быть эстетической самой по себе, но служить основой для развития «человековедческих» средств, которые позволят в дальнейшем ребенку продвигаться по линии постижения все новых форм человеческих отношений. Если хочешь психологии в начальной школе, то начни с дизайна собственного дома ребенка.

Завершая беглый анализ «дизайна», укажем, что этот творческий и преобразующий процесс доступен *каждому* человеку, при этом вовсе не обязательно выстраивать его даже в ходе обучения как основную, учебно-профессиональную деятельность. Дизайнер – это художник, технолог, проектировщик, конструктор, экономист, социолог, психолог, эстет и т.д. Творчество дизайнера – это в различной степени осознанное и сформированное преобразование пространства, имеющее и предполагающее в своей основе весь арсенал художественных, исторических и общественных знаний.

Традиционная система школьного обучения не способствует развитию художественного потенциала ребенка. На уроках изобразительного искусства детей учат изображать объекты в соответствии с требованиями какого-то определенного искусства. При такой системе обучения дети могут приобрести лишь некоторые изобразительные навыки, но они не получают опыта решения художественных задач. Это обучение – без творчества. Чтобы войти в художественный мир дизайнера, необходимо с самой первой задачи, в совместной деятельности пройти «самостоятельно» все этапы ее решения. В процессе движения учащимся будет выстроено свое художественно-психологическое пространство, с помощью которого будет осуществлено явление себя миру и мира себе.

Согласно концепции Л.С. Выготского, путь формирования высших психических функций проходит *извне вовнутрь*, этот же закон мы можем применить и к деятельности, которая вначале организует «чужое» пространство, где готовится почва для своего и которая оказывается воз-

можно только в рамках совместной работы и на пересечении воли каждого участника.

В силу национальных особенностей бытия и воспитания у наших детей нет своего пространства, нет опыта его организации, что в итоге порождает известные психологические проблемы. Привнесение эстетических категорий в освоение этого пространства есть первый шаг к его осмыслению.

В проводимом нами экспериментальном исследовании на широком возрастном диапазоне и в различных условиях обучения реализуются намеченные принципы пропедевтики к искусству. В экспериментальном исследовании (с 2000 по 2010 гг.) принимали участие дети разных возрастных групп: дошкольники 4-5 лет; 6-7 лет; младшие школьники 1-4-х классов; младшие и старшие подростки, юноши и девушки, а также взрослые. Практически во всех экспериментальных сериях дизайн реализуется в рамках учебной программы эстетического или психологического содержания. Основой построения учебной деятельности является проектная форма обучения, где в условиях совместной продуктивной деятельности осуществляется продвижение по намеченной системе понятий.

Продуктивная деятельность во всех отношениях является новым объектом для конструктивной психологии, использующей формирующий метод. Синтез различных форм деятельности, необходимость обеспечения полной ориентировки на каждом шаге движения в осваиваемой деятельности, последовательное созидание новой социальной ситуации развития и в этом смысле приближения осваиваемой деятельности к статусу ведущей, групповой характер работы и достижение продуктивности взаимодействия, расширение традиционного «учебного» круга общения (включение родителей и учителей как партнеров) – таков неполный и чрезвычайно емкий список необходимых шагов ее построения. Для исследователя существенно изменяется характер управления учебной деятельностью. Основой становится ориентация не на внешний результат, но на развитие подопечного и ход его формирования, на содержательные показатели продуктивной деятельности, на относительный прирост успешности в постановке новых задач группой учащихся. Все эти сложные для установления показатели на деле являются наиболее существенными для экспериментатора в данной исследовательской и образовательной ситуации.

Систематически получаемые результаты не только доказывают принципиальную возможность реализации намеченных программ, но и позволяют констатировать, что дизайн и продуктивная деятельность способствует личностной и познавательной децентрации учащихся и созданию у каждого из них собственной системы ориентиров в художественном пространстве, позволяющей кардинально изменить отношение к действительности. Присвоенные в совместной деятельности со взрослым и сверстниками средства коммуникации дают возможность довольно в короткий срок включить их в произвольное общение, использовать их как средства ориентировки в общении, а также основательно расширить за счет содержащейся в дизайне системе средств зону своего ближайшего художественного развития. Чередование задач декоративно-прикладного искусства, художественного конструирования, архитектуры, реставрации, художественного оформления различных по функциональной подчиненности и структурной насыщенности пространств, скульптуры, интерьера, графики, визажа, живописи и декорирования тканей, дизайна книги и прически, фотоискусства и дизайна костюма, искусства сервировки стола и др. позволяет активно осваивать не только сугубо художественные понятия, но и органично и естественно переходить к раскрытию различных и не обязательно оформляемых в научных понятиях категорий человековедения.

Примечания

1. Хозиев В.Б., Осокина И.В. Дизайн как психологическая форма организации пространства и пропедевтика к искусству. – Тула: «Известия» ТГУ – серия Психология, 2002. – Вып. 2 – С. 160-167.

В.А. Меренков

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ ОЦЕНКИ РЕБЕНКА
С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ
ПО ПРОИЗВОЛЬНО ЗАДАНЫМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ**

Феноменология картины социальной ситуации развития (ССР) детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, одной из наиболее распространенных форм которых является детский церебральный паралич (ДЦП), характеризуется широким диапазоном вариантов сочетания традиционно выделяемых в психологии компонентов ССР (родительского отношения, образа ребенка в глазах родителей, стиля воспитания и взаимодействия с ребенком и т.д.) [4]. В одних случаях ССР способствует конструктивному преодолению ребенком в процессе развития обусловленных патологией нарушений и ограничений, в других, напротив, создает условия социогенного усугубления инвалидизации ребенка сверх изначально присутствующей симптоматики [5, 10]. Подобные вариации ССР и ее отражения в онтогенезе ребенка ставят вопрос о более детальном исследовании природы и генеза различных вариантов ССР и ее составляющих с целью выделения общих и частных предпосылок и условий формирования ее конструктивных или деструктивных черт, составления феноменологической картины генеза ССР детей с ДЦП при разных клинических, психологических, социальных условиях.

Актуальность целенаправленного исследования разных аспектов генеза ССР ребенка при дизонтогенезе, определяющих ее конструктивный или деструктивный характер, определяется следующими моментами:

— в теоретическом плане: в исследованиях отклоняющегося развития ребенка все отчетливее проявляется тенденция перехода от симптомного и синдромного изучения дизонтогенеза к анализу развития больного ребенка как специфической формы психического онтогенеза с выстраиванием в целую картину его компонентов (внутренних механизмов, внешних условий и т.д.). В соответствии с принципом социальной природы психического генеза, а также с учетом роли социального окружения в развитии ребенка при патологии морфофункциональной основы [2, 6] одной из центральных единиц такой картины является ССР. В то же время в категориальном аппарате психологии на сегодняшний день отмечается дефицит теоретических и эмпирических данных о структуре и механизмах и феноменологии генеза ССР, причем как в норме, так и при дизонтогенезе [4, 5].

— в практическом плане: современная социально-политико-экономическая ситуация в стране, характеризующаяся нестабильностью экономического положения граждан, слабой социальной защищенностью и недостатком поддержки семей детей-инвалидов, низким уровнем медицинской помощи, отягощает и без того сложный процесс становления ССР в семьях больных детей. В психологической работе с такими семьями, едва ли не в контексте любого запроса, встает задача коррекции сложившей непродуктивной (порой деструктивной) для развития ребенка ССР. Успешное решение этой задачи требует достаточной ориентировки психолога в механизмах, общих и частных законах и феноменологии становления ССР при различных формах дизонтогенеза.

Теоретическое построение структуры ССР ребенка в условиях дизонтогенеза, с опорой на данные современных исследований ССР в норме и патологии [4, 5, 10] и личный опыт работы с семьями детей с ДЦП, приводит к выделению (в числе прочих) такого аспекта роди-

тельского отношения, как представления родителей о здоровье и болезненности ребенка, его полноценности или ущербности в физическом, психическом, социальном планах относительно других детей, социальных и культурных норм. В психологии детско-родительских отношений «в норме» этот аспект представлен в понятии «родительский образ ребенка» (нередко с уточнением «когнитивный»), т.е. комплекс субъективных представлений родителей о ребенке, его личных качествах и способностях; и это же понятие используется рядом авторов при описании феноменологии детско-родительских отношений при дизонтогенезе [4, 5, 10]. В целях терминологической согласованности для обозначения родительских представлений о ребенке нами также используется это понятие.

Родительский образ ребенка (далее РОР) представляет собой рациональную сторону родительской позиции – интегративной характеристики детско-родительских отношений, включающей в себя также ряд других параметров: характер эмоционального принятия ребенка, мотивы и ценности воспитания, стиль общения с ребенком и т.д. [4]. В условиях отклоняющегося развития в содержании РОР можно выделить такие специфические для данной формы онтогенеза единицы, как оценка физического состояния ребенка, позиция в отношении его здоровья или нездоровья, физической, психической, социальной полноценности или ущербности, степени самостоятельности или зависимости от родителей (посторонней помощи вообще), в целом оценка родителями физических и психических возможностей ребенка, перспектив его развития. Какова роль этих составляющих в РОР и родительском отношении с точки зрения генеза той или иной ССР при ДЦП? Целесообразно ли специальное обращение к их анализу?

Детский церебральный паралич представляет собой врожденную дизонтогению, связанную с органическим эндо- или экзогенным поражением центральной нервной системы (ЦНС), обуславливающего патологическое развитие двигательной и нередко интеллектуальной сфер [1, 8]. Признаки отклоняющегося хода развития проявляются в течение первого года жизни, реже – во внутриутробном периоде, само заболевание диагностируется, как правило, от 0,5 до 2 лет. Проявившаяся патология, в объективном и субъективном плане, по многим параметрам нарушает сложившиеся к тому времени представления родителей о будущем ребенке, самом родительстве. Степень тяжести нарушений ребенка, особенности сообщения родителям о болезни, оценка ситуации значимыми близкими людьми в приложение к собственным ценностно-смысловым ориентирам и чувствам родителей инициируют и обуславливают оценку ребенка с точки зрения вновь проявившихся обстоятельств. Подобная оценка не является простой расстановкой знаков +/- в отношении тех или иных характеристик и качеств ребенка, но представляет собой становление ориентировки родителей в физическом и психическом состоянии их больного ребенка, возможностях его восстановления и развития и, соответственно, в предмете и целях их роли в его жизни как родителей. Таким образом, обозначенные ранее специфические составляющие РОР при дизонтогенезе представляют собой компоненты родительской ориентировки в состоянии ребенка и в сложившейся ситуации в целом, при этом сам РОР является продуктом данной ориентировки.

В описаниях родительского отношения к больному ребенку и стилей взаимодействия с ним традиционно перечисляются такие феномены, как гипер- и гипоопека, преувеличение или преуменьшение степени тяжести заболевания, концентрация сил на лечении или воспитании ребенка и т.д. [5, 10]. В качестве предпосылок данных явлений называются эмоциональное отношение (принятие/непринятие) и личностные особенности родителей, что правомерно, если подходить со стороны лишь эмоционально-личностного фактора. В то же время, если

вслед за А.Н. Леонтьевым рассматривать явления психической жизни человека как формы деятельности [7], те же характерные для той или иной семьи родительское отношение и взаимодействие с ребенком могут определяться характером и качеством ориентировки. Опираясь также на положение о единстве рациональной и эмоциональной составляющих в любом психологическом акте человека [2, 7], правомерно предположить, что доминирование в родительской позиции эмоциональных факторов может свидетельствовать о недостатке ориентировки в ситуации болезни ребенка, и наоборот – развернутая, подкрепляемая объективной информацией ориентировка способна снизить аффективность родительского восприятия и сделать более конструктивным их подход к лечению и развитию ребенка.

Таким образом, выделенные специфические составляющие РОР при дизонтогенезе являются своеобразным костяком родительской ориентировки в актуальном состоянии, перспективах и, соответственно, целях развития ребенка, так как представляют собой клинически и социально ключевые моменты ситуации дизонтогенеза. В условиях высокой эмоциональной насыщенности, которыми характеризуется для родителей ситуация воспитания больного ребенка, качественная и как можно более развернутая родительская ориентировка способствует снижению аффективного фона родительского отношения к ребенку и повышению эффективности их действий по его лечению и воспитанию. В связи с этим исследование особенности представленности этих компонентов в ориентировке разных родителей с последующим выделением общих и частных линий формирования тех или иных представлений о ребенке можно рассматривать как актуальное и перспективное направление исследований в области аномального детства.

В соответствии с принципами интериоризации ориентировка, первоначально развернутая вовне, в последующем переходит во внутренний план [2, 7]. В связи с этим непосредственное обращение к анализу родительских представлений о ребенке является практически невозможным. Здесь необходимо создание особой ситуации, провоцирующей произвольную экстериоризацию уже перенесенной во внутренний план ориентировки [3, 9], например, через решение задачи по произвольной оценке ребенка по заданному набору критериев.

С опорой на выше изложенные положения в 2006-2008 гг. было проведено пилотажное исследование феноменологии родительской оценки ребенка с ДЦП по ключевым для дизонтогенеза параметрам – здоровье, интеллект, самостоятельность, возможности (действия, самореализации), перспективы (развития в ближайшем и далеком будущем), а также самостоятельно назначаемый родителями критерий.

Целью исследования явилось описание феноменологии родительской оценки ребенка по ключевым для ситуации моторного дизонтогенеза и субъективно значимым для родителей характеристикам. *Объектом исследования* выступили субъективные представления родителей о физическом и психическом состоянии, актуальных возможностях и перспективах развития ребенка с ДЦП. *Предметом исследования* явилась феноменология родительской оценки ребенка по ключевым для ситуации моторного дизонтогенеза и субъективно значимым для родителей характеристикам.

Исходя из теоретических и эмпирических данных о различных вариантах ССР детей с церебральным параличом, были сформулированы следующие гипотезы:

1. Произвольная оценка родителями своего больного ребенка как моделирующая ситуация позволит экстериоризировать сложившиеся представления родителей о здоровье/нездоровье, умственных способностях и других значимых в ситуации дизонтогенеза характеристиках ребенка.

2. Значения родительской оценки ребенка по отдельным критериям будут различным образом коррелировать друг с другом, создавая тем самым единый контекст родительской ориентировки.

Экспериментальная выборка состояла из 22-х респондентов – матерей или отцов – детей в возрасте 5-16 лет с диагнозом ДЦП различных клинических форм. Возраст респондентов варьировал в диапазоне от 22 до 45 лет, уровень образования различный. Ввиду пилотажного характера исследования ранжирование респондентов по возрасту и уровню образования не проводилось.

Методический арсенал исследования составили метод клинической беседы с родителями, в процессе которой выстраивалась ретроспектива развития ребенка и определялись особенности актуальной на момент исследования ССР в семье, а также модифицированный вариант методики самооценки Дембо-Рубинштейн. Изменения в последней касались объекта оценки: перед родителями ставилась задача оценить своего ребенка по шести шкалам-критериям, одну из которых следует определить самим. Других значимых для показательности методики изменений не вносилось, в связи с чем специальных процедур проверки валидности и надежности не проводилось.

Процедура исследования представляла собой соединение обоих методов в единый контекст клинической беседы с родителями. Для обработки данных по шкалам была разработана условная система баллов. За основу была определена высота шкал в сантиметрах, таким образом, 1 балл по шкале равен 1 сантиметру. При этом средняя высота шкал составила 15,6 см. Начисление баллов производилось конкретно для каждой шкалы.

Постэкспериментальный анализ эмпирических данных позволил выделить следующую феноменологию родительской оценки ребенка с клинической моторной и интеллектуальной симптоматикой ДЦП. Общая картина родительской оценки детей представлена на диаграмме 1 (в скобках напротив имени ребенка указан возраст).

При оценке ребенка по шкале «Здоровье» многие родители не включали в число критериев его здоровья основное заболевание; здоровье ребенка, как правило, оценивалось по тому, как часто он болеет простудными заболеваниями, есть ли соматические болезни и т.п. Для иллюстрации приводим комментарий одного из респондентов:

«Насколько он здоров... Ну..., в общем – он здоров. Болезнь (ДЦП – В.М.) ведь не считается, так? (не ждет ответа, отвечает сама – В.М.). Это есть и будет. А так... ну, не болеет особо, вот зрение только... но это уже давно».

В приведенном примере ребенок не является в глазах родителей больным, ущербным и особенным, в то же время его физическая недостаточность («все же не ходит») не позволяет родителям «поместить» его на вершину шкалы как совершенно здорового. Тем не менее, большинство родителей при оценке своего ребенка ставили отметку на $\frac{3}{4}$ шкалы «Здоровье», делая акцент, как мы сказали, на отсутствие хронических соматических заболеваний, устойчивость к простуде, сильный иммунитет, закаленность.

Умственные способности ребенка высоко оценивает подавляющее число родителей, при этом оценка по этой шкале происходит быстро и обычно сопровождается словами «конечно, здесь», «да, он у нас умный» и т.п. Очевидно, момент интеллектуального благополучия ребенка особенно важен для родителей, в связи с этим в отношении данного вопроса у них существует однозначная позиция, не предполагающая долгих размышлений. Заметим, что в случае низкой оценки родителями умственных способностей ребенка их ответы были столь же быстрыми и не менее утвердительными

В случае низкой оценки родителями умственных способностей ребенка (в пределах $\frac{1}{4}$ шкалы) в родительской позиции, как правило, можно было наблюдать признаки эмоционального неприятия ребенка в целом или же преувеличения действительной степени тяжести его состояния. В контексте ССР первая позиция реализуется в попустительском, незаинтересованном либо в скрыто или явно отвергающем отношении к ребенку, вторая – в гиперопекающем воспитании в атмосфере культа болезни или выученной беспомощности.

Степень самостоятельности ребенка как способности делать что-то самостоятельно, без помощи родителей оценивается последними достаточно низко – среднее значение по шкалам 6,2. В ходе сопровождающего обсуждения ответов нередко выявлялась предвзятость первоначальной оценки, зачастую родители значительно занижали способности и возможности своего ребенка, позволяющие ему выполнять самостоятельно намного больше действий, чем это представляется родителям. В то же время некоторые родители, напротив, посчитали, что их ребенок имеет гораздо больше возможностей быть самостоятельным, нежели он реализует это в своих действиях, поэтому на шкалах отмечали объективную и осуществляемую им самостоятельность. В таких случаях значения оценок составляли: самостоятельность «используемая» 5,5-6, «в целом» 7-13 баллов. Для иллюстрации приводим комментарий одного из респондентов – бабушки ребенка: «Самостоятельность... Вы знаете, вообще он многое может... Родители его сразу учили быть самостоятельным, и сейчас он у них все сам делает... А вот с бабушкой мы ленимся, расслабляемся... С бабушкой ведь все можно. Я отмечу вот здесь – что он может делать сам (отмечает), а здесь – что действительно делает. Вот, видите, какая разница».

Под категорией «Возможности» подразумеваются имеющиеся у ребенка на сегодняшний день возможности развития и полноценной для его возраста деятельности. Такое же по содержанию определение давалось родителям при обращении к одноименной шкале. Как показывают общие результаты, актуальные возможности своего ребенка родители оценивают достаточно невысоко – среднее значение по шкале равняется 8,4 балла при средней высоте шкалы 15,6 см. При этом разброс значений, исключая крайние единичные варианты по 3,0-5,0 и 15,5-16,5 баллов, варьирует в диапазоне от 8,5 до 12,0 баллов.

Некоторые родители отмечали у своего ребенка большие возможности для развития и деятельности. Как правило, высокая оценка связывалась с активной личностной позицией ребенка («Такой, как он, не пропадет. ... Он у нас всегда изловчится, но что хочет, сделает» – так комментировала свою оценку мама одного из наших испытуемых), с заметной положительной динамикой физического состояния, а также может быть обусловлена оптимистичными установками самих родителей.

По общей картине оценки возможностей ребенка отметим следующее: как высокая, так и низкая оценка по шкале часто совпадает по значениям с оценками здоровья, самостоятельности и перспектив ребенка. Родители, видящие своего ребенка больным, несамостоятельным, с неясными представлениями о его будущем нередко таким же образом оценивали и его актуальные возможности. В то же время низкая оценка возможностей ребенка может наблюдаться и при высоких значениях по остальным шкалам. В двух случаях родители отметили на шкале уровень возможностей ребенка «в целом» и то, в какой мере сам ребенок «применяет» эти возможности в своей жизни. Причиной неполного использования ребенком имеющихся у него возможностей родители, как правило, называли его лень или пассивность, вариант завышенной оценки возможностей ребенка или препятствования большей его активности со стороны самих родителей в виде гиперопеки последние самостоятельно не рассматривали.

Перспективы ребенка родители чаще всего оценивали достаточно высоко (частые значения 12, 13, 15 баллов). В комментариях родители, как правило, подразумевали под «большими перспективами (частая родительская формулировка) улучшение физических способностей ребенка, возможность обучения в «обычной» (неспециальной) школе, получение профессионального образования и трудоустройства (для старших подростков).

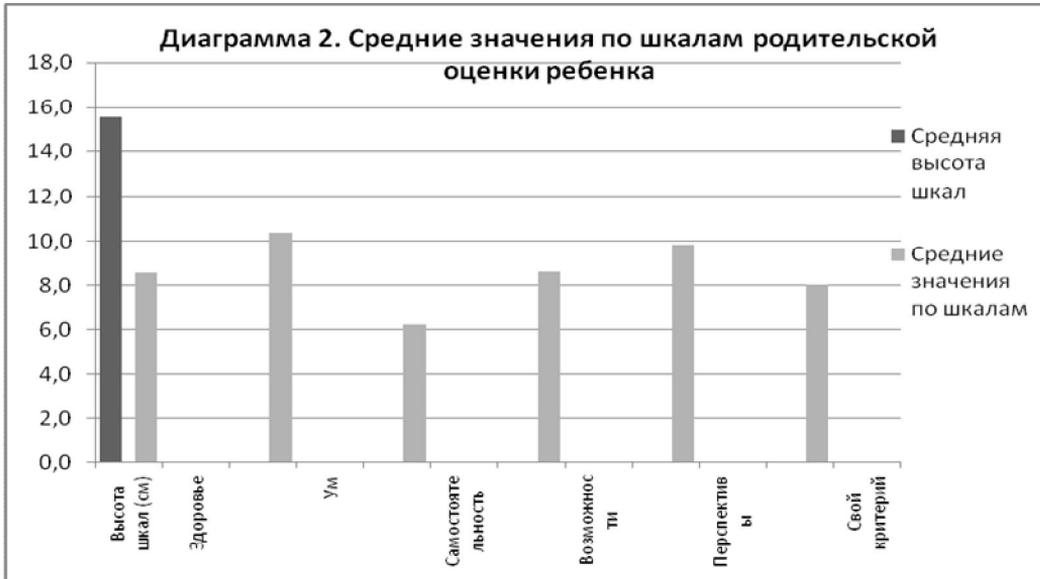
В ряде случаев родители затруднялись оценить перспективы своего ребенка, как показывало совместное обсуждение, из-за недостаточного представления даже о его ближайшем будущем. Некоторые родители просто не уделяли достаточного внимания вопросам будущего ребенка, так как были сосредоточены на его актуальных проблемах и потребностях, невнимание к будущему зачастую «оправдывались» нежеланием «загадывать наперед». В других случаях родители намерено избегали темы перспектив из-за недостаточной ориентировки в сложившейся ситуации, что не позволяло им каким-либо образом представить завтрашний день ребенка и семьи.

В качестве собственного критерия (шестая шкала) родители выбирали такие характеристики, как характер, успех, увлечения, надежда, чувство ущемленности, желание, доброта, уверенность в себе, общительность, память, социальная адаптация, уверенность, учеба, талант. Значения оценки по этим критериям расположились в диапазоне от 0,4 до 16,0 баллов.

Обработка данных показывает, что родители предпочитали оценивать своего ребенка, во-первых, по тем категориям, которые имели положительное значение (за исключением «чувства ущемленности»), во-вторых, по тем, в отношении которых их ребенок находится «на высоте». В ходе последующего обсуждения родители легко могли прокомментировать свои оценки по данной шкале и рассказать о примерах проявления выделенного ими качества в повседневной жизни ребенка.

Средние значения по шкале родительской оценки детей расположились в диапазоне от 4,0 до 10,0. Доминируют шкалы «Ум» и «Перспективы», что может свидетельствовать о высокой субъективной значимости этих критериев для родителей. Наименьшее значение принадлежит шкале «Самостоятельность», что может указывать на общее для

большинства родителей представление о своем больном ребенке как о несамостоятельном, зависимом от внешней помощи. Описанную ситуацию иллюстрирует диаграмма 2.

Подводя итог развернутому в статье анализу феноменологии родительской оценки детей с ДЦП, обозначим следующие ключевые аспекты:

1. Наряду с традиционно выделяемыми в психологии семейных отношений компонентами РОР в ситуации аномального развития ребенка присутствует ряд специфических единиц, обусловленных клиническими и социальными особенностями. Такими единицами являются оценка физического состояния ребенка, позиция в отношении его здоровья или нездоровья, степени самостоятельности или зависимости от родителей, актуальных возможностей ребенка, перспектив его развития. В комплексе эти элементы составляют содержание родительской ориентировки в физическом состоянии и ситуации развития ребенка.

2. Исследование родительской ориентировки посредством прямого анализа ее продукта – РОР – является малоэффективным ввиду закономерной свернутости ее содержания. Для экстерниоризации этого содержания необходимо использование соответствующих методических средств, одним из которых может выступить произвольная оценка ребенка родителями по заданному набору критериев.

3. Исследование феноменологии родительской оценки детей с ДЦП позволило выделить ряд общих тенденций: исключение основного заболевания при оценке здоровья ребенка, высокая оценка большинством родителей умственных способностей и перспектив развития ребенка, снижение оценки степени самостоятельности ребенка. В качестве собственного критерия родители выбирали лично (уверенность в себе, надежда, талант и т.п.) или социально желательные (успех, социальная адаптация, успешность в обучении), значимые для ребенка качества. В комплексе полученные данные позволяют составить абрис родительских представлений о ребенке с ДЦП.

Примечания

1. Бадалян Л.О. Детские церебральные параличи / Л.О. Бадалян, Л.Т. Журба, О.В. Тимонина. – К.: Здоровье, 1988. – 328 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т./под ред. А.М. Матюшкина. – Т.3. Проблемы развития психики. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
3. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука: избр. психолог. тр./под ред. А. И. Подольского. – М.: Изд-во «Институт практич. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – 480 с.
4. Карабанова О.А. Психология семейных отношений: уч. пособие. – Самара: Изд-во СИОКПП, 2001. – 122 с.
5. Козьякин В.И., Шестопалова Л.Ф., Подкорытов В.С. Детские церебральные параличи. Медико-психологические проблемы. – Л.: Украинские технологии, 1999. – 143 с.
6. Лебединский В.В. Нарушения психического развития в детском возрасте : уч.пособие для студентов вузов. – М.: Академия, 2007. – 140 с.
7. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 576 с.
8. Семенова К.А. Детские церебральные параличи. – М.: Изд-во «Медицина», 1968. – 258 с.
9. Талызина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний (психологические основы). – М.: Изд-во Моск. университета, 1984. – 345 с.
10. Шипицына Л.М., Мамайчук И.И. Детский церебральный паралич. – Спб.: Изд-во «Дидактика Плюс», 2001. – 272 с.

ПЕРЕВОДЫ

Дж. Бернард Шоу

ПЕРЕХОД К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ СОЦИАЛИЗМУ (продолжение, начало в № 2 (2009), перевод В.В. Мархинина (мл.))

Прежде налоги связывались с какой-то целью: военными расходами, нуждами образования и т.п. Сегодня цель другая – обложить налогом землевладельцев и изъять у них часть денег, а уж потом использовать их каким-то образом. Со времен, когда книга мистера Генри Джорджа попала в руки английских радикалов, у них возникла и решимость обложить прибыли, полученные без труда, налогом, который изымал бы двадцать шиллингов из каждого фунта [1], т.е. отсыпать в кассу государственного казначейства четыреста пятьдесят миллионов ежегодного дохода и пойти дальше, провозгласив троекратное «ура» возврату земли народу Англии. Результат таких действий, если бы они были предприняты, ошеломил бы и самих радикалов. Улицы мгновенно наполнились бы голодающими рабочими самых разных специальностей: домашней прислугой, каретниками, ювелирами, кружевницами, модными портными и бесчисленным множеством других, которые зарабатывали свой хлеб, обслуживая запросы богачей. «Вот что наделали эти ваши теории – прокричали бы они, – верните нам старые добрые времена, когда мы, по крайней мере, получали свое жалование!»

У главы казначейства в этой ситуации будут на выбор три пути. 1) Он может с извинениями вернуть деньги землевладельцам и капиталистам. 2) Он может потратить эти деньги, чтобы за счет государства создать рабочие места. 3) Он может просто раздать эти деньги безработным. О последнем варианте, впрочем, не стоит и рассуждать, поскольку все что угодно лучше, чем оплата государством хлеба и зрелищ. Второй вариант (создание государственной промышленности) не может дать быстрого результата, поскольку требует самых больших усилий и времени. Возврат же денег будет означать, что вся затея была абсурдной; он будет равносителен признанию того, что самый ленивый и прожорливый собственник все же полезен, т.к. он делает то, что не может никто другой – аккумулирует богатства, и его порочность и расточительность находит свое оправдание. Простоватый «генри-джорджизм», провозглашающий изъятие доходов в пользу государства без установления социализма, в этой партии получает шах и мат. Очень легко доказать, что именно государству принадлежит все, чем владеет герцог Вестминстерский, и, следовательно, из каждого принадлежащего ему фунта стерлингов в казну следует забрать по двадцать шиллингов. Но на практике все иначе: государство не может взять у него или у кого-то еще хотя бы пять фартингов до тех пор, пока государство не будет в состоянии их эффективно инвестировать. Изъятие капитала под маркой того, что он используется неэффективно, будет иметь настолько стремительные и катастрофические последствия, что ни один политик не решится сделать это, даже если в руках у него будет самое жуткое оружие – абстрактная экономическая теория. Не трудно понять, что и в прошлом, и в будущем правительству должны изымать у свои граждан деньги только ради каких-то конкретных нужд, а не просто потому, что они будто бы априори имеют на

это право. Но стоит помнить и то, что правительства делали и будут делать это, не обращая ни малейшего внимания на тех, кто будет доказывать, что они априори *не имеют* такого права. Вопреки мнениям демократов и сторонников национализации, государство не может изымать ренту без давления со стороны необходимости развивать государственное производство.

Это давление уже начинается. Угроза в скором времени погибнуть от голода для безработных, перспективы голода для неквалифицированных рабочих, неопределенное беспокойство или, наоборот, беспечность тех, кто сегодня имеет работу, но может лишиться ее завтра, рост местных налогов, снижение заработной платы из-за появления на рынке труда большого количества нищих мигрантов и роста собственного населения, развивающиеся параллельно образованность и неудовлетворенность жизнью – все это подводит ситуацию к взрывоопасной черте. Бесполезно доказывать при помощи статистики, что жизнь людей и так улучшается от года к году: если это и происходит, то за счет реформ в социал-демократическом духе. К тому же, странно обращаться к статистике для того, чтобы узнать то, что она никогда не регистрировала.

Настрой масс меняется так быстро, что сегодня можно увидеть как панангликанский синод, не на шутку удивленный возрождением христианства [2], робко говорит о том, что социализм соответствует духу христианства, хотя церкви и следует обращаться с его идеями скромно и осторожно. Во время агитации среди безработных прошлой зимой главный комиссар полиции Лондона испугался собственной тени и приписал мистеру Джону Бернсу [3] вину в начале Французской революции, чем привел этого мужественного и гениального человека, мастера своего дела, в полнейший восторг.

Настоящая борьба начинается между безработными, требующими рабочих мест, и местными властями, которые должны иметь дело с бедняками. Как только наступает зима, безработные собираются под красные знамена и охотно слушают речи ораторов. Они воспринимают идеи социализма, бунта, вообще любую сумасшедшую идею, которая соответствует их голодному настроению.

Местные власти, которые никак нельзя заподозрить в знакомстве с экономикой, считают, что все в порядке и отправляют делегации протестующих к своему начальству, а оно немедленно выставляет их за дверь, пытается запугивать, сажает в тюрьмы, избивает и, утомившись от этого занятия, бессильно опускает руки и желает одного: чтобы наступило лето, а безработные провалились бы сквозь землю.

В газетах, ненавидящих народ, звучат призывы продолжать избиения и аресты, которые вызывают отвращение у человеческой части среднего класса. Другая часть этого класса ослеплена классовыми предрассудками и лишена чувства социальной ответственности; она боится того, как бы все это не закончилось насилием и смутой.

Следует, наконец, создать систему муниципального трудоустройства. Ее надо организовывать повсеместно, иначе единичные попытки потонут в болоте нынешней ситуации. И если общественная мораль не позволит установить муниципальным властям рабочий день в шестнадцать часов с оплатой в один пенс в час, то вскоре в ее распоряжении окажется труд не только вчерашних безработных, но и тех, кто вынужден трудиться в каторжных условиях – они с радостью сменяют свою каторгу на труд на благо муниципалитета.

Муниципальным организациям потребуется капитал; где же его взять? Увеличение налогов не стоит даже обсуждать: рядовые торговцы и домовладельцы итак обложены налогами и арендной платой до предела. Дальнейшее повышение заставит их вый-

ти на улицу под красными знаменами. Органы местной власти находятся между молотом и наковальной, и в этом неудобном положении они слушают свободолюбивую песнь лорда Хобхауза о том, что муниципалитеты при помощи налогообложения должны забрать в свои руки доходы от землевладения. Ему подпевают хор сторонников национализации земли и прогрессивного налогообложения, а налогоплательщики и арендаторы, слушая их, кричат от восторга. Мы не думаем, что землевладельцы смогут оказать серьезное сопротивление, так что единственный вопрос здесь — это вопрос о том, каким способом муниципалитетам следует приобретать землю. Сторонники национализации выступают за ее конфискацию у собственников без какой-либо компенсации. Это решение будет отвергнуто как достойное лишь революционных социалистов. Призыв к конфискации без возмещения, к тому же, не практичен: конфискация была бы оправданной, только если бы ее можно было провести одномоментно и разом заменить частнособственнические порядки на вполне сформированный социализм. Но, поскольку установление таких порядков возможно только в результате долгого процесса, безвозмездная конфискация приведет к тому, что в то время как одни собственники будут лишены своего имущества, у других оно останется, и сама конфискация произойдет задолго до того, как муниципалитеты смогут предложить достойное занятие для тех, кто лишился собственности. Землю, следовательно, необходимо честно выкупать, а средства для этого выкупа обеспечить за счет все тех же налогов на ренту. Разумеется, в конечном итоге, это тоже экспроприация, ведь экспроприацией является и современные налоги на прибыль.

Конечно, землевладельцы будут этим недовольны. Фактически, они будут вынуждены дарить землю муниципалитетам, но подарок этот будет каждый раз оплачивать не какой-то конкретный представитель их класса, а весь класс в складчину. И принуждены к этому они будут способом, приемлемым для общественной морали.

Итак, мы видим муниципалитеты, обеспеченные землей и капиталом, необходимым для производственных нужд. Поначалу они будут заниматься привычными делами: строительством дорог и зданий, газификацией, транспортом. Новую ситуацию они будут сначала рассматривать лишь как средство решения старых проблем.

Манчестерская школа будет и дальше развивать свои протекционистские теории защиты частного предпринимательства от конкуренции со стороны общественного сектора экономики [4] и предпримет решительную попытку использовать всеобщее невежество в вопросах экономической науки, которую эта школа последовательно старалась упростить и оглупить. Какое-то время класс собственников будет успешно противостоять попыткам общественного сектора экономики использовать бедность в своих интересах и будет успешно держать в узде своих работников с низкими зарплатами и тяжелыми условиями труда. Но их власть будет сломлена в результате того, что исчезнет необходимость сдерживать рост налогов, т.е. исчезнет то, что мешало властям прислушиваться к призывам граждан. Щедрость за чужой счет станет для граждан весьма доступной. Крупные землевладельцы станут для муниципалитетов дойной коровой, а рядовые собственники смогут спать спокойно, не опасаясь ни того, что вырастет налоговое бремя, ни того, что им могут побить стекла голодные толпы во главе с социалистами и прочими мерзавцами. То, что они будут заставлять крупных землевладельцев платить за это, заставит их мучиться угрызениями совести, но эти муки совести будут не сильнее чем те, что испытывали обиравшие их прежде богачи. Муниципальная власть станет более демократичной и поймет вскоре, что собственники теряют власть полностью, а не только в той мере, в которой развивается демократия.

Рядовых собственников-налогоплательщиков это, конечно, тоже затронет. По мере развития муниципальных производств встанет и вопрос об увеличении заработной платы. Должна быть установлена фиксированная минимальная заработная плата, которая поначалу должна быть сравнительно небольшой, такой, чтобы каждый, кто имеет более-менее приличное место работы, не захотел бы его оставить ради работы на муниципалитет; муниципальные предприятия не должны составить по-настоящему страшной конкуренции частным. Наподобие того, как это было в средние века, заработная плата там должна быть ограничена общественным мнением относительно того, какой доход позволяет обеспечивать минимальный комфорт. Сверх того муниципалитеты должны будут платить организаторам и управленцам, а когда надо, то и квалифицированным рабочим, причем в соответствии с рыночной стоимостью их услуг; эта плата может быть разве что немного ниже, поскольку работа в муниципалитете будет и так привлекать таких людей своей престижностью и постоянством.

Эти высокие зарплаты повлияют на рынок труда не сильнее, чем предложения отдельной фирмы, а вот установленные муниципалитетом минимальные зарплаты окажут серьезное воздействие. Худшие эксплуататоры должны будут понять, что если они хотят сохранить своих работников, то должны будут обращаться с ними не хуже, чем на муниципальных предприятиях. Постепенное повышение зарплат будет сокращать их прибыль. С этого времени они должны будут поднимать цены на товары, которые они производят в процессе эксплуатации и продают в розницу и оптом. Это, в свою очередь, сократит прибыли посредников, которые не смогут продать товар дороже, чем он стоит в муниципальных магазинах. Но, к счастью для них, рыночная цена их предпринимательских способностей определяется теми же законами, что и цена любого другого товара. Эксплуататор получит ровно ту прибыль, которую он заслужил. Он, как и прежде, будет извлекать свой личный доход из полученной им прибыли. Таким образом, организатор производства и наниматель как таковые не понесут убытков.

Его доля в общественном распределении благ останется постоянной, доля рабочего возрастет, а доля праздного собственника, получающего ренту, сократится. Конечно, все это не может установиться без борьбы и шума, но столкновения происходят и сегодня, только в обратном направлении, как результат роста прибылей за счет рабочих.

Сжатие доходов землевладельцев с необходимостью приведет и к сокращению налоговых поступлений от них. Предположим, что муниципалитеты в ответ на это повысят налоги еще сильнее. Эффект будет тот же, как если для усиления света мы решим поджечь свечу сразу с двух сторон – понятно, что гореть бесконечно долго она не сможет. Но к тому моменту как налоговые поступления начнут сокращаться, у муниципалитетов будет собственный капитал. Конкуренция с общественным сектором станет невозможной. Общественный сектор, свободный от обузы – прихотей праздного собственника – может распределять в виде заработной платы всю свою прибыль и предлагать работникам такие условия, которые ни один частный собственник не сможет обеспечить (за исключением, разве что, того случая, когда он будет иметь какие-то особенные преимущества).

Земельная рента, даже если ее использует муниципалитет, находится в его же власти. Город, хозяин улиц и транспорта, может обустроить одно место и пренебрегать другим. Преимущества магазина, связанные с рентой, зависят от того, сколько человек проходит за час мимо его витрины. Благоустройство улиц, строительство новых мостов, развитие общественного транспорта размещение общежитий и больниц – вот лишь неко-

торые факторы, которые позволяют муниципалитету создавать такие преимущества. Способность муниципалитета использовать эти факторы так же очевидна, как и неспособность к этому частных предпринимателей. Частные предприниматели вынуждены, конкурируя друг с другом, не снижать цену товара до уровня его себестоимости. Муниципальные предприятия, конкурируя с ними, могут снижать цену до уровня средней себестоимости производства на территории города.

Частные предприятия, которые расположены более выгодно, смогут выстоять, только если добьются снижения арендной платы, те, кому повезло меньше, не имеют шансов.

Частная собственность или станет бесплодной, или начнет приносить доход, не больший, чем тот, что дает муниципальная служба. Рядовому собственнику она не даст ничего. В конечном итоге вся земля и производство перейдут в руки муниципалитетов, так и будет решена проблема социализации индустрии. Доход собственника от эксплуатации сократится, зато вырастет стоимость способностей человека. Особенно большой доход могут приносить организаторские способности. Способности художника-портретиста или престижного врача будут цениться меньше, поскольку спрос на них зависит от богатого класса. Организатор промышленного производства гораздо ценнее, поскольку его способности создают материальные блага. Цена этих способностей зависит от спроса и предложения, чем меньше способных людей, тем больше они ценятся. Разве что один из миллиона рабочих способен самостоятельно подняться на необходимый для этого уровень благодаря удаче, таланту или тому и другому разом. Менеджеры будут происходить из классов, приобщенных к образованию и культуре, и цена их способностей, которая будет падать по мере расширения образования, останется, тем не менее, высокой. Правда, что сегодня хороший руководитель может получать восемьсот фунтов в год и тратить две трети этого заработка на так называемое «поддержание своего статуса». Рабочий получает в сравнении с этим очень мало; предложение труда рабочего на рынке в гигантской пропорции превосходит предложение труда менеджера, не говоря уже о том, что и по самой логике вещей способности менеджера ценятся пропорционально тому, сколько рабочих рук он может организовать на производстве. Но если образование и культура, эти необходимые принадлежности тех, кто претендует на подобные посты, станут доступны не тысячам, а миллионам, то и рента сократится заметно. Сегодняшняя же тенденция состоит в том, чтобы поддерживать массы на положении подъяремного скота. Социальная же демократия направлена на то, чтобы просветить их и сделать людьми. Социальная демократия не будет поставлена в зависимость от «ренды способностей», которая в прошедшем веке создала «капитанов индустрии» и сделала их рабовладельцами и тиранами, а не слугами общества. Может статься, что «рента менеджера» приобретет в будущем даже отрицательное значение: тот, кто хочет быть первым, станет общим слугой.

Падение этой ренты, как бы то ни было, принесет пользу не только муниципалитетам, но и оставшимся частным собственникам. По мере роста престижа муниципалитетов и по мере того, как люди будут понимать, что будущее за ними, компетентные организаторы будут соглашаться даже на меньшие по сравнению с частными муниципальные зарплаты. Тот же, кто в силу необычайных талантов будет побеждать в конкуренции даже муниципалитеты, будет делить свою ренту с частным собственником, доход которого, в конечном итоге, будет поглощаться муниципалитетом при помощи налогообложения.

В конце концов, когда «рента таланта» достигнет своего естественного минимума, с ней – в том почти невыносимом случае, если она будет в чем-то вредна для общества – можно будет иметь дело при посредстве прогрессивного налогообложения.

Нет нужды входить в описание процесса исчезновения частной собственности более детально. Можно пренебречь и описанием того, как палата Общин будет развиваться в центральное правительство, которое будет служить федерации муниципалитетов и займется национализацией общенациональной ренты.

Федеративное правительство будущего станет настолько замечательным начинанием, что иностранный государства будут находиться под его воздействием со стороны международной торговли, которая и есть действительно доминирующий фактор внешней политики. Внешняя политика будет переоценена с той точки зрения, что она поставит условия общественного благосостояния выше, чем цели личного обогащения. Наша нынешняя агрессивная империалистическая система, в которой под видом исследования и освоения территорий на новые земли приходят разбойники, за ними имперская власть, а за ней торговцы и миссионеры, будет разрушена, а контроль над вооруженными силами перейдет из рук класса капиталистов в руки нации. С исчезновением классовых различий исчезнет и то, что сегодня как будто в насмешку называют общественным мнением. Вместо него придет общественное мнение невиданной силы; оно и позволит взять под контроль рост населения, установить экономическое равноправие женщин, изменит материальное положение детей и вновь поймет пользу института семьи, оно преобразит и господствующую церковь, придаст ей демократическую основу и, например, откроет таким мыслителям, как мистер Джон Морли [5] или мистер Брэдлиф [6] возможность служить во главе Вестминстерского аббатства [7].

Все это говорится лишь для того, чтобы проиллюстрировать то плодотворное развитие, которое нас ожидает, когда для каждого человека забота о куске хлеба (желательно с маслом) отойдет на второй план и даст ему возможность развивать свои высшие способности.

Это и есть программа социал-демократов сегодня. Здесь нет ничего нового, ибо ее принципы давно являются общепризнанными. Все они несут отпечаток британского духа. Они не заставляют никого «провозглашать социализм» или казнить кого-нибудь на гильотине. Некоторые думают, что приверженность идеям прав человека и верности Отечеству не в характере англичан; но для того чтобы реализовать нашу программу, не обязательно обладать этими высокими достоинствами. Неизбежность такого хода событий совершенно очевидна проницательным политикам всех партий, даже тем, кто их боится.

В заключение я хотел бы признаться в том, что совсем не симпатизирую этому неизбежному, но очень грязному, медленному и трусливому пути к справедливости. Я рискну потребовать от вас уважения к тем энтузиастам, которые отказываются верить, будто миллионы их товарищей обречены на каторжный труд и безнадежную деградацию, пока парламенты и церкви нехотя и бестолково устанавливают незначительные улучшения. Правда настолько очевидна, ложь настолько нетерпима, что этим людям кажется, будто их проповедь способна объединить под знаменем братства и равенства весь рабочий класс, солдат, полицейских, словом – всех, и одним усилием возвести Справедливость на ее благородный трон. К сожалению, эту армию света невозможно создать из того человеческого материала, который дает нам девятнадцатый век. Если мы радуемся этой невозможности, если испытываем удовлетворение от того, что нам лично не могут угрожать бедствия такого переворота, если мы не сожалеем о том, что между нами и зем-

лей обетованной лежит пустыня, в которой многие должны погибнуть, то должен вам сказать: это означает, что наши порядки слишком испортили нас и довели нас до самой последней степени трусливого эгоизма. Социалистам нечего стыдиться того, что они создают вооруженные группы и готовят всеобщее восстание. Этот план доказал свою несостоятельность – говорю это не без сожаления – и должен быть отвергнут английскими социалистами. Но этот путь восстания остается единственной альтернативной тому пути, который я описал только что.

Примечания

1. Т.е. изымал бы все: шиллинг состоит из 20 фунтов.

2. Собор иерархов англиканской церкви. Об отношении Б. Шоу к англиканской церкви см. также примечание 6.

3. Джон Элиот Бернс (1858-1943) – политический и профсоюзный деятель, придерживавшийся сначала социалистической, а затем либеральной ориентации. Неоднократно избирался в парламент, занимал министерские посты.

4. Издевательская характеристика Манчестерской школы: ее представители выступали за отказ от протекционизма и минимальный контроль над экономикой.

5. Джон Морли (1838-1923) – английский государственный деятель и политический мыслитель либерального направления; автор монографий о Руссо, Вольтере, Бёрке и др., противник английской империалистической политики. В вопросах религии стоял на позиции агностицизма.

6. Чарльз Брэдлаф (1833-1891) – английский политик и философ, атеист, основатель «Английского светского общества», выступавшего за отделение церкви от государства; об отношении Брэдлафа к религии свидетельствует его отказ приносить присягу в качестве члена парламента на том основании, что она содержала религиозные формулы. За отказ от присяги Брэдлаф был подвергнут аресту и выведен из состава членов парламента; в ходе назначенных после этого выборов для занятия освободившегося в парламенте места Брэдлаф вновь получил поддержку избирателей своего округа. Несмотря на это, результаты выборов не были признаны парламентом (на все том же основании). В общей сложности Брэдлаф победил в ходе четырех последовательно назначенных, а затем не признанных парламентом перевыборов и, в конце концов, добился депутатского места и изменения в законе о присяге.

В этом замечании Б. Шоу, предлагающем Брэдлафа в качестве кандидатуры для занятия кафедры в Вестминстерском аббатстве, и в других отзывах настоящей статьи о церкви отразилось его скептическое отношение к государственной религии Великобритании – англиканству. Иначе Шоу в период, близкий к написанию этой статьи, высказался о католической церкви. В своем «Эссе о посещении церкви» (1896) Шоу пишет: «освободиться от суеты и угнетающего человеческого душу хлама можно только, открыв все пути своей жизни святому дыханию истинной католической церкви» (Цит. по: Broad C.M., Broad V.M. Dictionary to the plays and novels of Bernard Shaw. New York, Macmillan company London. 1929. p. 89.)

7. Вестминстерское аббатство – главная святыня англиканской церкви.

СООБЩЕНИЯ

И.А. Федотова

ВЫСТАВКИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ
СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

26 марта 2010 года в большом зале Музея истории СурГУ открылась экспозиция «Родная старина: русский быт на рубеже XIX-XX веков».

Изучение и сохранение традиций – одна из задач музея, поэтому коллекция предметов русской старины призвана пробудить в посетителях генетическую память, напомнить о корнях, обычаях русского народа.

Жизнь русской провинции конца XIX-XX веков ушла в далекое прошлое, изменился образ жизни, забыты привычки, утратили смысл обычаи, и, казалось бы, стало совсем ненужным то некогда ценное Н.В. Гоголем «...все тряпье до малейшей булавки, которое кружится вокруг человека». Именно эта цитата стала эпиграфом выставки, и она же удивительно точно передает то неповторимое ощущение прикосновения к Истории, которое рождается у посетителей после детального рассмотрения экспозиции. Но оказывается, что старина живет до тех пор, пока о ней помнят.

Организаторы выставки постарались максимально точно воспроизвести частичную обстановку крестьянской избы: «красный угол» с фамильными иконами; чайный стол с неизменным самоваром, старинной сахарницей и вышитой скатертью; «женский угол» с чугунами, ухватами и самопряхой.

Все вещи, представленные в музее, являются подлинными, возраст их более 100 лет, и поэтому они интересны как живые свидетели минувшей эпохи. Знакомство с подлинной жизнью русской деревни рубежа XIX-XX веков сейчас уже невозможно без артефактов, так как истинное содержание бытовой культуры русского села может быть исследовано только посредством глубокого анализа его материальных компонентов.

Выставка состоит из ряда тематических витрин. Центром экспозиции является так называемый «красный угол», т.е. красивый, который находился рядом с печью. Здесь располагались семейные иконы, предававшиеся из поколения в поколение, стояли стол и лавка. Стол редко передвигался, это бывало только в особых случаях, на свадьбе или похоронах. У каждого домочадца за столом было свое место, в зависимости от возраста и роли в хозяйственной жизни семьи. Под иконами обычно сидел глава семьи, а в праздники – самый уважаемый гость.

Кухонная утварь на выставке представлена стеклянной, глиняной и металлической, чаще медной, посудой разного предназначения: для приготовления пищи и ее подачи на стол. Интересными для посетителей будут вещи, сейчас практически не используемые в хозяйстве: мутовка (приспособление для размешивания жидкой пищи, замешивания опары, сбивания масла), ручная кофемолка, ендова (утварь для подачи к столу хмельных напитков), таз для варки варенья.

Раньше пищу готовили в чугунах, используя при этом ухват. В чугуне готовили практически все: супы, каши, тушили мясо, запекали овощи. В глиняных горшках храни-

ли крупы, муку, масло, молоко. Горшки были универсальной посудой и поэтому существенно различались размерами в зависимости от своего назначения. Горшки, которые подавали на стол, расписывали узорами. Те горшки, которые ставились в печь, обычно сильно коптились, поэтому их делали без изысканного орнамента.

Стеклянная посуда представлена бутылками различных емкостей, наименования коих вошли в поговорки и, впоследствии, в анекдоты: четверть, чекушка, мерзавчик. Целая полка отведена графинам, стаканам в серебряных подстаканниках, аптечным пузырькам и прочим стеклянным мелочам.

На выставке можно проследить историю некоторых предметов, которые используются и в наше время: утюга (от рубеля до чугунного, прямого предка современного электрического), приспособлений для рукоделия (от веретен и прялок до швейных машинок).

Рубель и валик – основной способ глажки на Руси, им пользовались еще семь-восемь веков назад. На ровно обструганную палку наматывали просушенное белье и прокатывали его по столешнице при помощи рифленой доски. Наиболее близкий предшественник современного утюга – жаровня с углями, на смену которой пришел угольный утюг. В нем угли помещались внутри корпуса и закрывались крышкой. Все «представители семейства» утюгов имеются на выставке.

Что касается прялок, то экспозиция представляет образцы, на которых и сегодня при известном умении можно сучить пряжу. Пряли в русской деревне все женщины, учились девочки этому ремеслу лет с 8-9, а потом с прялкой уже не расставались всю жизнь. Необычный экспонат выставки – прялка-копыл, которая состоит из плоского гребня-лопаски, ножки и плоского основания-донца, вырезанных, как правило, из цельного куска дерева. Веретено представляет собой конусообразную палочку длиной около 30 см, для устойчивости на тонкий конец веретена надевалось каменное или керамическое кольцо-пряслице.

На выставке также представлены прекрасные образцы старинной ручной вышивки и кружевоплетения: салфетки, подзоры, уголки. Удивительно, что, пережившие столько стирок, они и сегодня поражают свежестью красок.

Неотъемлемой частью материальной культуры народа является одежда. Русская крестьянская одежда конца XIX – начала XX века сохраняла традиционные черты, заимствуя вместе с тем черты городского костюма. На выставке представлены подлинные мужские рубахи-косоворотки с вышивкой тонкой работы, один из образцов целиком шит вручную, причем ручной шов практически не отличим от современного машинного.

Для перевозки и хранения одежды, тканей, вышивок в русском быту использовался баул. Слово «баул» в русском языке появилось еще с начала XVIII века. Настоящими итальянскими баулами в России пользовались богатые горожане и помещики. Выглядели они следующим образом: прямоугольной формы ящик, иногда с закругленными углами, закрывающийся навесной выпуклой крышкой. Внутри и снаружи обтягивался тонкой кожей и зачастую оковывался снаружи металлическими полосами. Русские крестьяне стали использовать городское слово «баул» для обозначения дорожной утвари вытянутой формы, с плоским дном и круглым в сечении верхом, с вырезанным проемом, закрывающейся навесной крышкой. Крестьянский баул изготавливался из дерева и ничем не обтягивался, часто женщины использовали его для хранения рукоделия. Именно такой образец представлен на экспозиции, причем в прекрасной степени сохранности, вплоть до кожаных застежек-ремешков.

Все домашние работы в вечернее время и ранние утренние часы выполнялись при свете керосиновой лампы. Большая керосиновая лампа-молния обычно подвешивалась

над обеденным столом. Несколько таких ламп можно видеть на экспозиции, включая редкий экземпляр шахтерской лампы «Бог в помощь», как емко именовали ее в народе.

Также выставка демонстрирует сельскохозяйственные орудия труда (грабли, серп) и наборы инструментов, необходимые в каждом доме: молотки, клещи и пр.

Целая витрина отведена на выставке под необходимые мелочи: безмены (приспособление для взвешивания), подковы, портсигары, колокольчики, часы и другие не менее интересные вещи.

Одна из витрин демонстрирует пристрастия меломанов того времени: старинные пластинки из шеллака, патефоны, и тут же – русская балалайка, куда же без нее разгульной русской душе!

Гордостью экспозиции являются подлинные деньги, марки и печатная продукция того времени: газеты, журналы, книги. Читая тексты со старой дореволюционной орфографией, каким-то особым образом начинаешь чувствовать Время, дыхание далекой эпохи.

Выставка дополнена красочными иллюстрациями-постерами, наглядно изображающими применение тех или иных предметов быта, а также таблицами с интересной информацией разного рода, касающейся бытовой жизни русского человека: о доходах и расходах сословий рубежа XIX-XX веков, о стоимости потребительской корзины, ценах на конкретные товары и пр.

4 мая 2010 года была открыта выставка «65 лет Великой Победы». На небольшой площади в нескольких витринах были представлены экспонаты, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны. В первой витрине расположены ордена, медали, знаки отличия с подтверждающими документами конкретных участников войны. Часть наград была передана для экспозиции сотрудником Сургутского профессионального колледжа Ивановой Т.Ф. из семейного архива.

На второй витрине представлена вся линейка бумажных и металлических денег, имевших хождение в СССР в военный период. Здесь же размещены подлинные фотографии, присланные с фронта в тыл. Так, фотографию своего отца, сделанную в мае 1945 года в освобожденной Австрии, любезно предоставила сургутянка Елена Лякина.

На третьей витрине расположились предметы быта военного времени: фотоаппарат «Фотокор 1»; патефон с набором пластинок; медицинский инструментарий, выпущенный Санитарным Управлением РККА в первый год войны; шлем военного летчика и чугунная композиция знаменитого каслинского литья «Возвращение солдата с фронта».

Интересными экспонатами явились почтовые марки этого периода: СССР, фашистского рейха, оккупированных Германией стран, а также марки советской и американской оккупационных зон Германии.

Редкие экземпляры экспозиции – немецкий фотоаппарат «Leica» с гравировкой-свастикой, немецкая трудовая книжка рабочего, фашистская пропагандистская листовка.

Дополнением к экспозиции «65 лет Победы» стала демонстрация копий плакатов времен ВОВ.

На торжественном открытии выставки были приглашены участники и ветераны Великой Отечественной войны, проживающие в городе Сургуте. Звучал патефон с песнями военных лет, под него кружились в забытом вальсе седые люди и молодые студенты университета. На фоне выставки ветераны с удовольствием фотографировались.

А.А. Хадынская

ВЫСТАВКА Л.В. ШИБАЕВОЙ

В апреле 2010 года в профессорском зале Научной библиотеки СурГУ была открыта выставка картин профессора, заведующей кафедрой общей и социальной психологии, доктора психологических наук *Шибяевой Людмилы Васильевны*. Работы Людмилы Васильевны интересны как сами по себе, так и своей предысторией. Профессор психологии, обучающий, по большому счету, грамотному человеческому общению, в этом самом общении оказался человеком незаурядным, с весьма интересной профессиональной и творческой биографией. Посему рассказ о выставке картин, по сути, явился, в данном случае, поводом для рассказа о Человеке и о воспитании в нем Художника.

Людмила Васильевна Шибяева начала свою научную деятельность на кафедре возрастной психологии МГУ в 70-е гг. 20 в. Тогда в научный оборот вошла теория Жана Пиаже о детском интеллекте, и возрастному развитию придавалось большое значение. В заслугу детским психологам следует поставить, прежде всего, то, что детство стали воспринимать как особую форму жизни. По словам Людмилы Васильевны, прожить эти годы нужно «пронзительно и вдохновенно», восхищаясь жизнью. Праздник детства, что особенно важно, должен существовать как для детей, так и для родителей. Позитивный ресурс детства питает ребенка всю жизнь.

Одним из мест, где исследователи «ринулись навстречу детству», стал МАРХИ (Московский архитектурный институт), выпускник которого М.Т. Какушкин организовал дизайн-студию для детей и их родителей. Преподаватели работали с детьми 3-4 лет и старше в сфере изобразительной деятельности. Дети в студии выходили на траекторию опережающего развития. Интересно, что родители этих детей сами начинали рисовать, разделяя с детьми эту праздничность восприятия мира.

Работа была построена таким образом, что ребенок сам должен был захотеть рисовать, он воспринимал эту деятельность как важное *дело*. Архитекторы работали в тесной спайке с психологами и назвали свое детище Академия «Тимей». Получилось своеобразное неформальное детско-родительское сообщество, в котором родители жили той же творческой жизнью, что и дети. Своему наименованию студия обязана названию одного из философских трудов Платона о законах Мироздания. Как и в Академии Платона, в Детской Академии «Тимей» студийцы знакомились с основами важнейших наук, изучающих природу и человека.

Идея разновозрастного сообщества (дети от 3-х до 17-ти лет) дала прекрасные плоды: выпускники стали приводить в студию своих детей или возвращались туда в качестве преподавателей.

Занятия в студии предполагали и расширение общего кругозора: походы в культурные «мекки» стали привычным явлением. Студийцы посетили Новгород, Ферапонтов монастырь, Суздаль, Крым и множество других живописных мест, представляющих из себя природно-архитектурные ансамбли, где сконцентрирован духовный опыт многих поколений. В палаточных городках дети имели возможность наблюдать «вживую» звездное небо, рисовали картины на мифологические сюжеты.

В практике Академия было также проведение различных культурных акций: выставки в Доме художника, рисование под музыку (осуществление синтеза искусств – рисование под игру симфонического оркестра) и пр.

Свою главную задачу организаторы Академии видели в преодолении ситуации «штудий» – обучения творческому делу от простых элементов к сложным, от освоения техники к идее произведения. Как музыка начинается с изучения гамм, так и картина с освоения техники рисунка – такая устоявшаяся концепция виделась организаторам в корне неверной. С их точки зрения, это творчески «иссушает» ребенка, не воспитывает в нем художника, так как самое трудное в этом деле – рождение художественного замысла, а при традиционном подходе до него часто просто не доходят, акцентируя внимание на «технической» стороне вопроса.

Новый тип обучения творчеству, *эмерджентный*, как именуют его психологи, связан с тем, что ребенка сразу вводят в творческое задание, учат сразу вырабатывать авторскую позицию, воспитывают творческую смелость. Это способствует глубокому художественному восприятию жизни, так как культура созерцания важна для многих видов деятельности.

Людмила Васильевна сама участвовала в этом эксперименте как специалист. За 12 лет работы она серьезно увлеклась рисованием, стала писать картины по впечатлениям совместных поездок со студией. На ее профессиональную деятельность эта миссия просветителя (без кавычек!) наложила серьезный отпечаток, рисование сыграло роль «манка», приглашающего к сотворчеству. По мнению Людмилы Васильевны, образованные люди должны привлекать к себе других, интеллигенция должна являть особую сущность образования и культуры. Это тяжелая работа, и она не делается просто, так как это не механический процесс преумножения знаний.

Преподаватели студии «Тимей» выработали ряд принципов, следуя которым можно развить в себе художественное восприятие жизни:

- рисовать нужно на большом листе (всеохватность жизни искусством);
- удерживать «рамку» и менять фокус восприятия;
- языком живописи передавать эмоциональное состояние (сюжетами картин могут быть понятия «душа камня», «полуденное солнце», «летающее дерево» и пр.).

Парадоксально, но взрослые люди с большим трудом могли придерживаться последнего правила, тогда как дети 5-6 лет следовали ему с легкостью. Например, студийцев учили изображать последовательно утреннее, полуденное и вечернее солнце, передавая цветом настроение. То есть главным всегда оставался замысел, идея, а техника ставилась на второй план, ей учили ненавязчиво, чтобы она не «перебила» основное – интерес к изображению мира. Таким образом, все задания технического плана выполнялись в контексте художественного замысла.

Следуя логике такого постижения культуры, получается, что сначала человека ставят в авторскую позицию, а потом уже формируют собственно художника. Техника, как считает Людмила Васильевна, «дело наживное», и если есть у человека подлинный талант в этой области, то он непременно проявится. Прежде всего, необходим смелый диалог человека с действительностью: вот мир, вот я – и мы обязательно найдем друг друга!

Рисуя, можно увидеть сущность и глубину явления, поэтому обучающие студийные программы учат детей догадываться о *сущности* изображаемого объекта. Человек, глухой к искусству, оказывается невосприимчивым ко многим слоям жизни.

Когда в человеке заложена одаренность, это проявляется очень рано и с большой степенью достоверности. Творческая работа с ребенком с раннего возраста много дает и ребенку, и взрослому. Для такого сотворчества необходимо особое стечение обстоятельств: альтруистически настроенный руководитель, понимающие родители, особая аура на занятии.

Людмила Васильевна отмечает, что часто взрослые на первых порах мешали ребенку своей уже устоявшейся «суетной» позицией: рисуй хорошо, рисуй правильно. Преодоление этого было большой проблемой, так как взрослые ориентированы большей частью на правильное устройство во взрослой жизни, что совершенно неведомо и неинтересно ребенку. С сожалением Людмила Васильевна отмечает, что сургутские родители часто грешат этой установкой: «правильный» (читай: престижный) детсад, «правильная» же школа, вуз и работа, как правило, в Сургутнефтегазе. Это «зашоривает», не способствует творческому развитию, а мир уже давно требует развитого, гибкого, способного принимать нестандартные творческие решения профессионала.

Что касается картин самой Людмилы Васильевны, то с технической стороны, как она сама признается, они несовершенно, но ведь это и неважно, так как художником в полном смысле слова она себя не считает. В них есть главное – творческая идея, эмоциональное переживание, позитивный посыл зрителю. Ее пейзажи несут в себе радость ощущения жизни, светлое и теплое чувство, которых так сейчас нам не хватает. А о самих картинах рассказывать бессмысленно: это надо видеть. И чувствовать.

Подключение к «каналу культуры», считает Людмила Васильевна, можно осуществить любым способом, и рисование является одним из них.

Когда Людмила Васильевна стала работать в СурГУ, она сразу нашла взаимопонимание с коллегами, так как многие курсы, ориентированные на культуру и искусство, здесь уже были разработаны благодаря замыслу первого декана В.Б. Хозиева, к моменту ее приезда они уже читались и проводились.

В своей работе на факультете психологии Людмила Васильевна исповедует тот же принцип приобщения к жизни через культуру, что был усвоен ею во время работы в студии «Тимей»: на различных курсах студенты знакомятся с великими именами (Феллини, Ахматова, Мандельштам и пр.).

На факультете создана атмосфера погружения не только в специальность, но и в мир культуры. Студенты активно занимаются продуктивными видами деятельности, работают над различными проектами: «Архитектурная Русь»; экологическими; социальными; связанными с преодолением кризисных состояний. Все эти проекты опосредованы творчеством, дают возможность молодым людям выработать в себе эту авторскую позицию, ощутить себя Личностью, тем более что пример для подражания в лице такого замечательного преподавателя имеется.

НАШИ АВТОРЫ

АРТАМОНОВА Валентина Викторовна – доцент кафедры русского языка как иностранного, РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, кандидат филологических наук.

ВАРИЯСОВА Елизавета Владимировна – преподаватель кафедры общего языкознания Сургутского государственного университета.

ВЫМЕКАЕВА Татьяна Витальевна – доцент кафедры психологии развития Сургутского государственного университета, заведующая Лабораторией психофизиологии и психологии обучения, кандидат психологических наук.

ДЕНИСОВА Татьяна Юрьевна – декан факультета социальных технологий Сургутского государственного университета, доцент кафедры связей с общественностью, кандидат философских наук.

ЖАДИНЕЦ Ирина Васильевна – аспирант Сургутского государственного университета, специалист по ценным бумагам ООО «Финам-Тюмень».

КИРИЛЮК Денис Валерьевич – доцент кафедры истории России Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

ИВАНОВ Александр Сергеевич – аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета.

КОКШАРОВ Леонид Викторович – ветеран труда, г. Далматово Курганской области.

КОРНЕЕВ Виталий Владимирович – доцент кафедры философии Сургутского государственного университета, кандидат философских наук.

КРАПИВИНА Марина Владимировна – журналист, редактор справочника «Лучшие врачи Москвы».

КУЛИКОВА Ирина Михайловна – доцент кафедры философии Сургутского государственного университета, кандидат филологических наук.

ЛЕВЧЕНКО Ольга Юрьевна – доцент Забайкальского института предпринимательства Сибирского университета потребительской кооперации, г. Чита, кандидат педагогических наук.

МАКСИМОВ Евгений Александрович – доцент кафедры истории России Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

МАРХИНИН Василий Васильевич (ст.) – профессор, заведующий кафедрой философии Сургутского государственного университета, доктор философских наук,

МАРХИНИН Василий Васильевич (мл.) – доцент кафедры политологии Сургутского государственного университета, кандидат философских наук.

МАРТЫНОВ Михаил Юрьевич – заведующий кафедрой политологии, заведующий лабораторией социологических исследований Сургутского государственного университета, доктор политических наук.

МЕРЕНКОВ Валерий Александрович – младший научный сотрудник Лаборатории психофизиологии и психологии обучения факультета психологии Сургутского государственного университета.

ОСОКИНА Ирина Викторовна – психолог-педагог, консультант Лаборатории психофизиологии и психологии обучения факультета психологии Сургутского государственного университета.

ПРИЛЕПИН Захар (Лавлинский Евгений Николаевич) – писатель, секретарь Союза писателей России, сопредседатель Гражданского литературного форума России.

ПУЗАНОВ Владимир Дмитриевич – заведующий кафедрой теологии Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

СОЛОДКИН Яков Григорьевич – заведующий кафедрой истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор

УСМИНСКИЙ Ольгерд Исаевич – заведующий кафедрой общего языкознания Сургутского государственного университета, доктор филологических наук.

ФЕДОТОВА Ирина Александровна – хранитель фондов Музея истории Сургутского государственного университета.

ХАДЫНСКАЯ Александра Анатольевна – доцент кафедры общего языкознания Сургутского государственного университета, кандидат филологических наук.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Представляя материалы к публикации в журнале «Северный регион: наука, образование, культура», просим руководствоваться следующими требованиями:

1. Объем статьи не должен превышать 10-12 с., сообщения, рецензии – 3-5 с., сообщения для рубрики «Вести из лабораторий» – 1-2 абзаца.

2. Материалы принимаются только в электронной версии.

Шрифт Times New Roman 12, интервал – 1,5, только с расширением .rtf или .doc.

Не следует производить табуляцию, разделять абзацы пустой строкой, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения», форматировать текст и расставлять принудительные переносы.

При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких заливок. Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls). Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif .jpg .

3. Построение материалов:

В начале материала – инициалы и фамилия автора (полужирным курсивом), ниже – заглавие без сокращений, прописными буквами. Нумерация ссылок на источники в тексте – сплошная, список источников по порядку (только тех, на которые есть ссылки в тексте) – в конце материала, т.е. в тексте указывается номер источника (например, [2]), в примечаниях указывается страница источника. Пostrаничные сноски не допускаются.

Библиографическое описание источника включает:

- фамилии и инициалы авторов,
- полное название работы,
- название издания, в котором опубликована работа (для статей),
- город,
- название издательства или издающей организации,
- год издания,
- том (для многотомных изданий),
- номер, выпуск (для периодических изданий),
- страница, на которую производится ссылка.

4. К материалу прилагаются данные об авторе: полное имя и отчество, фамилия, почтовый адрес, электронный адрес, телефон, место работы, должность, ученое звание и степень (если имеются).

5. Рукопись должна быть выверена и датирована. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае несоответствия требованиям к содержанию и оформлению.

Материалы для публикации, отклики и пожелания, заказы на уже вышедшие номера могут быть присланы по почте (на диске или дискете), либо по электронной почте (e-mail: sev_region@mail.ru, копия – на e-mail: nreg@surgu.ru).

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№1 (21) / 2010

Главный редактор: В.В. Мархинин
Ответственный редактор: А.А. Хадынская

Корректор: Е.В. Варясова
Компьютерная верстка: И.Г. Газиева

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: образование, наука, культура»
☎ 8-902-817-05-37

Подписано в печать 24.05.2010 г. Формат 70×100/16 Печать трафаретная
Усл. печ. л. 17,3. Уч.-изд. л. 13,9. Тираж 200 экз. Заказ № 54.
Отпечатано в полиграфическом отделе издательского центра СурГУ,
ул. Лермонтова, 5, г. Сургут
Тел. (3462) 32-33-06

Сургутский государственный университет ХМАО – Югры,
ул. Ленина, 1, г. Сургут Тюменской обл., 628412
Тел.: (3462) 76-29-00